

Екатерина Федорова

Возвращение Миллорда

Если леди просит, сэр Серного,
то все брось и — вперед! Или назад?

Секунда – и прости-прощай, благословенная страна Нибетунгия! Привет тебе, город Мостов! Новоиспеченный герцог Де Лабри, он же Сергей Кановнин, наконец-то в родной вотчине, где все свое, российское, вот и пухлый ком проблем не за горами. Но не успет наш герой потосковать по былым рыцарским подвигам, а в особенности по одной прекрасной (далеко не хрупкой) рыцарше, как она явилась! И сразу же хмурым осенним днем засияло солнышко, и буквально с неба упали сначала пачка долларов (в качестве гуманитарной помощи родителям-интеллигентам) а затем прямо в распростертую Серегину длань – меч возмездия

И уж не значит ли это, сэръ Сериога и возлюбленная тобой леди Клотильда, что пора вашей благородной парочке собираться в очередной священный поход.

Екатерина Федорова
Возвращение милорда

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ярославна на стене тоскует... [1]

– Сэр Сериога... – жалобно всхлипнула леди Клотильда.

Она металась в полусне-полудреме, невнятно что-то прою сваривая. Но после этих слов леди Клотильда резко очнулась, приподняла голову и мутными невидящими глазами уставилась на резное деревянное изголовье. И тут же в сердцах ударом кулака взбила подушку, на которой покоилась ее кудлатая голова.

В воздух сразу взмыл целый ворох пушистых белых перышек, сумевших выискать в плотной атласной наволочке щели и щелки для протискивания наружу. Затем этот ворох торжественно-плавно начал планировать обратно на подушку и ее руку, сжавшую один из подушечных углов, сверх всякой меры окаймленный кружевами и рюшами. Квезак, бывший хозяин замка Дебро, явно любил аванажные постельки, и любил с уклоном в сторону чисто дамских радостей. Шелковые простынки, подушечки и покрывальца в бантиках и кружевцах, пологи затканые и расшитые имелись в замке в количествах просто неприличных, позорных для всякого истинного рыцаря. Впрочем, Квезак рыцарем никогда не был. Захудалый барониш-ко, предки которого сумели во времена не слишком давние очень ловко и очень вовремя уворовать чужие поместья. Личность эта, кончившая свою жизнь достаточно печальным образом, так ни разу и не пожелала утрудить свое тело суровыми рыцарскими испытаниями. Поэтому барон Квезак был просто бароном, но не рыцарем. А стало быть, кружевца и бантики в замке развел отнюдь не рыцарь, и не было в том никакого поношения гордому рыцарскому племени...

Но леди Клотильде, образно говоря, на подобные мелочи (типа вопроса: прилично или неприлично истинному рыцарю спать на шелках с кружевцами?) было наплевать. Она и раньше полагала, что настоящий рыцарь в чужом постельном белье не копается, а спит на том, что дают, и все тут. А теперь ей тем более было не до этого.

Сколько времени прошло с тех пор, как сэр Сериога покинул пределы того мира, где на фоне Запредельного Океана покоилась достойная всяческих матерных слов (по разумению самой леди Клотильды) Империя Нибелунгов? Время от времени она задавала себе этот вопрос, но ответа на него в собственной затуманенной голове не находила. Она не знала, сколько именно прошло дней с того момента, как в парадной зале замка Дебро утренний рассеянный свет мигнул черным и сэр Сериога исчез, буквально растворился в воздухе, отправившись, по словам всех замешанных в этом деле (лесного хозяина, эльфов, ордена Палагойцев), к себе домой. Как будто его дом не здесь. Опизимись и пизимись [2]! Трижды опизимись и пизимись!!

А не знала она, сколько прошло дней, потому что пила. Злобно и от всей души.

Леди Клотильда хрюкнула, свесила с пышного ложа в кружевах кудлатую русую голову и нашарила под ним стеклянную бутылку. Заветный фиал имел длинное, затейливо витое горлышко. И на просвет сверкал глубоким кроваво-багровым светом. Благословенный дар Месардари, имперской винной житницы на юге Нибелунгии... Она сдернула зубами неплотно сидящую в узком горлышке пробку, глотнула, преодолевая тошнотворный позыв, прокатившийся от желудка ко рту, прямо навстречу глотку обжигающе крепкого вина. Тошнота тут же прошла, растворившись в теплой невесомости. И полнейшем безмыслии.

Хор-рошо...

Похмелье уже стало для нее привычным состоянием. К счастью, и болезненные стучи в висках, и тяжкие рвотные позывы внутри быстро кончались, стоило только приложиться губами к заветному сосуду и плотннуть. Благо запас темно-красной жидкости, облегчающей мысли и чувства до полного бесчувствия, под ее кроватью все не кончался. Сколько бы она ни пила. То ли кто-то из доброхотов подсунул ей знаменитую нескончаемую бутылку – мечту всех пьяниц, то ли еще что-то...

Время от времени в промежутках пьяного забытья по комнате проскакивали непривычно молчаливые служаночки. Отмахивались передниками от вонюче-похмельного аромата, густо стоявшего вокруг ее кровати, переглядывались, сочувствующе сопели и вздыхали. Затем благоговейно меняли постель под баронессой на свежую – иногда для этого им приходилось перекатывать ее, как обычное бревно. После появления служанок в комнате становилось заметно чище, ибо девицы драили полы, стирали пыль со всего без разбору, проветривали. А потом, покидая светлые и просторные покои, всякий раз бдительно закрывали высокие стрельчатые окна на все защелки. В этих покоях, состоявших из двух больших комнат с проходом между ними, леди Клотильда квартировала теперь единолично. Без нахлебников и всех прочих подопечных сэра Сериоги. Совсем одна...

А что касается защелок – смешно. Как будто она в своем состоянии полнейшего нестояния способна была добраться до окна – да еще и высунуться из него наружу?! Рискуя или же специально намереваясь познакомить собственную голову с камнями замкового двора, расположенного аккурат под окнами ее покоев.

Без сэра Сериоги, без плиша Мухтара, без всех тех, кого этот ненормальный потомок невесть каких родителей, возможно, даже неблагородных (мысль об этом раза два приходила в голову леди Клотильде, но она каждый раз отгоняла ее прочь молитвой и добрым рыцарским матом), одним словом, жизнь без этого сумасбродного юнца, имеющего обыкновение простирать свою заботу на всякий сброд, такая жизнь оказалась вдруг скучной и ненужной.

Вот оно. Говорил же дедушка Дю Персиваль, просвещая внуков на тему рыцарских странствий: не подбирайте, детки, себе попутчиков на лесных дорогах! А не то останутся от вас одни рожки да ножки, которые даже на похлебку не сгодятся. По причине их крайней передоманности в разные стороны. У нее, правда, руки и ноги остались целы, но для девиц-рыцарей у Всемогущего и Всевидящего вполне могут быть припасены свои последствия от подбора попутчиков на кривых дорожках, отличные от банального руколомания, определенного для мужчин. Вот и она – снаружи вроде бы все осталось цело, а вот внутри что-то непрестанно воеет и воеет...

А все почему? Да потому, что она, наплевав на своего мудрого деда и все его высокоумные наставления, взяла да и подобрала себе в попутчики на лесной дороге придурковатого юнца в дурно сляпанных одежках неведомого фасона. С тех пор, правда, с этим юнцом было весело как никогда. С его подачи, хотя и под ее непрестанное ворчание, но они развлекались, как могли: то ехали в замок Дебро, то убегали оттуда, то снова возвращались. Разрушали заклятия и чары, били всех попутных мерзавцев в хвост и гриву... В общем, не жизнь у нее была с ним, а полная благодать для любого странствующего рыцаря.

И вот теперь всему этому пришел конец. Сэра Сериогу вернули в его собственный мир. И снова нужно начинать мотаться в одиночку по городам и весям империи, ибо именно такова судьба странствующего рыцаря. И кому какое дело, опизимись и еще раз пизимись,

что этот рыцарь только что потерял своего напарника, друга и чуть ли не брата...

Леди Клотильда еще разок приложила к бутылке и провалилась в блаженное беспмятство.

* * *

Герослав Де Лабри, некогда владетельный герцог из рода людей, а сейчас Князь двуликих детей ночи и по совместительству лис-оборотень, сидел на краешке стола, закинув одну ногу на столешницу. За окошком весело светило солнце, лучи заливали кабинет теплым розоватым светом и насквозь пронизывали большой округлый бокал, стоявший на столе рядом с задницей сиятельного оборотня. Жидкость в бокале сияла на просвет розовато-желтым – смесь расплавленного недозрелого рубина и чайно-желтого опала. Цвет радовал глаз. А вот вкус наверняка радовал оборотня Герослава, время от времени отхлебывавшего из бокала с самым что ни на есть блаженно-мечтательным видом.

Король планеты Эльмир – эльфийского двойника здешнего мира, – его величество Эльфедра несколько брезгливо кивнул на бокал:

– Употребляем помаленьку? Я смотрю, здесь, в замке Дебро, это становится чуть ли не повальным увлечением...

– Да ну! – Оборотень отмахнулся. – Разве с этого напьешься? Местный сидр, компот, а не выпивка.

– Конечно-конечно. А что до леди Клотильды – так та и вовсе пьет исключительно родниковую воду...

Оборотень согнал с лица блаженно-мечтательное выражение, сделал на мгновение задумчивую морду лица. Сказал с легким оттенком зависти:

– Не-эт. Леди Клотильда, в отличие от меня, употребляет внутрь только приличное питье. Слуги, благодарные ей аж по самые исподние глубины души, снабжают нашу леди бутылками из местного винного погреба – а там такие сорта, как «Кровавый вихрь», «Слезы красной зари», «Месардария грядет», и прочие. Кое-что из перечисленного в погреб закладывал еще лично я. Своими собственными руками. С тех пор, как вы сами знаете, немало годков утекло... Представляете, какая у этих вин сейчас выдержка? А леди Клотильда, увы, глушит их ну прямо как водичку... Вот ко мне слуги далеко не так благосклонны. Все не могут простить, что когда-то бросил свои родовые поместья вместе с ними на съедение роду Квезаков...

Король Эльфедра показал в улыбке острые зубы:

– Ну да... А то, что они сами вас тогда камнями гнали от стен ваших же замков, поверив аккуратно и с умом пущенному слуху – это, как всегда, не важно. Хотя сплетню о том, что вы несете проклятие всем своим землям, пустил как раз предок последнего барона Квезака – а они этому слуху тут же и поверили, в результате поменяв хозяина... А потом столько годков прошло! И под властью очередного Квезака им стало вдруг ой как неудобно... Ну не себя ж в этом винить! А тут, как по заказу, наша доблестная леди Клоти взяла да и заявила под ручку с новым герцогом, смела все препоны, пробралась вместе с ним в замок, лично казнила лютой смертью последнего барона Квезака... Освободила всех от зверя и палача. Ваше участие в этом деле не в счет. Особенно когда имеется героиня со стороны, перед которой не надо испытывать угрызений совести за прицельно брошенные камни. Некогда

брошенные камни. Правда, камни бросали не они, а их предки. И все же, все же...

– В каком-то смысле они правы, – задумчиво протянул оборотень. – Я плюнул на них. Пусть они совершили ошибку – отвергли меня, – но все же я был их сюзереном и защитником. Был им чуть ли не отцом... А стало быть, должен был их понять...

– Во всем их убожестве... – с ехидцей ввернул в речь оборотня Эльфедра.

Оборотень моргнул и заговорил вновь с сожалением:

– Став оборотнем, я решил забыть свое человеческое прошлое. И думать не хотелось, как там проживают мои подданные... то есть мои бывшие подданные.

– Ничего-ничего, – успокоил его Эльфедра. – Только не вздумай себя корить, Герослав. Они первые отвернулись от тебя, так что за что боролись, на то и напоролись... А ты теперь здесь снова в господах, опекун его милости наследника. Хозяин, за неимением нового герцога Де Лабри. Говори погромче, приказывай пожестче – и все дела. Со временем привыкнут, даже шерстку тебе будут вычесывать при нужде.

Оборотень ухмыльнулся, глотнул сидра, опустошив разом половину бокала, пробормотал:

– Ты – эльф, я – оборотень... Сидим тут и обсуждаем, как получше с людьми управиться.

– Что поделаешь, – вздохнул эльфийский король. – Мой мир граничит с миром людей – как-никак наши планеты одно место в пространстве занимают, хоть и... км... в разных пространствах. А ты и вовсе живешь среди людей. После всех последних проблем: Отсушенных земель, зверств Священной комиссии, мрази из замка Дебро... я все чаще думаю, что мы преступно пренебрегаем миром людей. В смысле – не направляем их. И ты, и я...

Герослав скребнул ногтями по столешнице:

– У этого мира и без того много направляющих! Чужаки из другого мира толкуются то и дело – интересно так называемые КПСС. Лесной хозяин тоже что-то свое мудрит – то ли эльфам прислуживает, то ли собственным идеям... Его послушать, так этот мир заморожен усилиями чужаков – а между тем ему, мол, давно уже следует идти к светлому будущему дерными шагами, развиваться и изменяться. Из темного леса темный старик, а туда же – чего-то там желает изменить в судьбах своего мира, реформатор из-под коряги... Священная комиссия наконец сошла со сцены, но на смену ей тут же заявился орден Палагойцев. Короче, управителей тут теперь выше крыши. Предлагаешь и мне на пару с тобой лезть в эту тесную компанию? Тебе-то еще ладно – ты король, тебе там тесно не будет, ради короля подвинутся. Ну а мне, вчерашнему изгою, едва успевшему подлечить внутренности после серебряного кола, которым меня потчевала все та же Священная комиссия...

– Именно тебе и надо, – перебил Герослава эльф. – Думаешь, ордену Палагойцев лень будет отлить для тебя еще один серебряный кольшечек? Нет, друг мой. Ты, Князь двуликих детей ночи, для них всегда как бельмо на глазу. Оборотни полезны, ибо приносят доход волшебной шерстью, дающей возможность каждому употребившему на одну ночь самому оказаться в шкуре оборотня. А вот лицо, объединяющее оборотней во что-то, типа армии, опасное и ненужное дополнение к местной лесной фауне. Повторюсь для тех, кто не понял, – для них очень опасное и ненужное. Вот смотри, какая ситуация у нас сейчас намечается: малолетний король Зигфрид находится в руках ордена, но при этом он сохраняет – пока сохраняет, отмену, – самые теплые воспоминания об одном нашем общем друге и знакомом, некоем Сериоге. Именно он спас мальчишку от голода, холода и побоев,

причем спас дважды. После чего еще и накормил досыта – впервые за несколько последних лет. Так что сэр Сериога имеет определенное влияние на нашего малолетнего суверена и короля.

– Да, мальчишке несладко пришлось, – медленно проговорил оборотень. – И ты прав – хорошие воспоминания юного короля могут долго не протянуть. Обработают его должным образом палагойцы, нутром чую, перевоспитают в соответствующем духе – и будет у нас... точнее, у них, у людей, марионетка ордена посиживать на Высоком Престоле... Сериога бы здесь очень пригодился, особенно при условии почти совместного проживания с малолетним королем, как то было раньше, и его опекунства над ним. Но ведь ты сам согласился с заявлением лесного хозяина и прапора ордена Палагойцев, когда они предложили отправить парня обратно в его собственный мир!

– Политика, мой дорогой Герослав, – невозмутимо заметил король Эльфедра. – Зато смотри, сколько полезного из этого получилось: прапор ордена Палагойцев тут же успокоился, потому что наконец заполучил короля Зигфрида в свое полное и нераздельное владение. Теперь в нашу сторону он даже и не глядит – опять-таки пока не глядит, надо отметить... Вот утвердит Зигфрида на троне, станет хозяином империи – тогда и вспомнит о нас, сырых. У тебя власть над оборотнями, у меня своя отдельная планета, имеющая власть над империей, – как такое перетерпеть? Лесной хозяин с отбытием сэра Сериоги тоже обрадовался и тут же переключился на свои любимые козни против КПСС...

– Так это он? – со значением переспросил Герослав. – Слышал я, что кто-то этой Комиссии по сетевому спасению доступ в наш мир перекрыл, но не думал, что он...

– И напрасно. Он у нас первый противник чужаков. И даже я не знаю, кто тут прав, а кто виноват.

Те, кто борется с чумой прогресса ради сохранения стабильного покоя в Нибелунгии, или те, кто ругает за дерные шаги вперед. В общем, ладно. Это все большой политик, дружище Герослав... а нам пока нужно думать о малой. Как говорится, кривая дорога лучше прямой трясины... Глянь, как все прекрасно, – весомые фигуры отвлечены своими заботами, сам сэр Сериога, надо полагать, уже успел соскучиться по нашему миру.

– Думаешь... – вскинул брови оборотень. Однако в голосе у него не ощущалось ни вопроса, ни интереса. Он скорее соглашался, а не спрашивал.

– Думать мало, Герослав, – с легкой иронией сказал Эльфедра. – Надо знать. Юноша Сериога, как я помню, в каждом своем действии был на редкость простодушен. И добросердечен. Явно из пешек своего мира, ибо главные фигуры во всех мирах с пеленок учатся совершенно другому отношению к простым людям – это аксиома...

– А может, они там все такие? – с насмешкой заметил оборотень.

Однако помимо насмешки в голосе прозвучало что-то похожее на надежду. Даже очень похожее...

Король Эльфедра удивленно приподнял и без того высокие брови.

– Староват ты для мечтательства, Герослав. Веришь в Хрустальный Мир [\[3\]](#), да? Однако туда, по словам менестрелей и прочих болтунов, пускают только чистых душой, прямо-таки девственно прозрачных – что помыслами, что прочим. А где уж нам в наши годы блюсти себя в подобной роскоши. Особенно тебе, после всех твоих прав первой ночи, гм...

Оборотень не издал ни звука. Только опустил глаза и с преувеличенным вниманием начал разглядывать носок собственного сапога из потертой, в рыжих подпалинах черной кожи.

– Но в любом случае родина нашего Сериоги – отнюдь не Хрустальный Мир, Герослав. Ухватки у него, уж извини, совсем не те. Не из счастливого детства, за которым следует не менее самодовольная юность... Оно, счастливое детство, почему-то вечно порождает людей слегка бесчувственных, не понимающих, что такое горе людское, что такое нужда... Их, как правило, требуется в это дерьмо по самую макушку окунуть, чтобы до них наконец дошло: ах-ах, как это ужасно. Да и после они отнюдь не кидаются помогать направо и налево всем сырым и болезным. Вместо этого тут же принимаются громко канючить: хочу к маме-папе, на безоблачную родину... А наш Сериога, совсем напротив, уж такой сердобольненький, такой чувствительный... И назад не просился, исходя горячими слезами. Не-эт, на родине сэра Сериоги все совсем не так прекрасно, как ты тут себе наизображал. Да и вообще, Герослав, нету во Вселенной миров, где люди не делились бы на первых и второстепенных, это уж я тебе говорю как эльф, король... да и просто как разумное существо. Итак, повторяю – сэр Сериога в своем мире не из столпов общества, так что сейчас он снова сидит в своей луже, наверняка не слишком высоко расположенной по склону тамошней общественной горки, хлебает там свою прежнюю кислую похлебку, морщась и давясь... И наверняка успел уже соскучиться по нашему миру. А также по своему титулу в нем, по своей обожаемой Клоти... Кстати, а с чего она запила?

Герослав хмыкнул, покачал в воздухе одной ногой:

– И откуда ты всегда все знаешь?

Король эльфов довольно гукнул, прошелся по комнате, выбрал кресло поразлапистее, с размаху опустился в него под протестующий скрип пружин:

– Заходил тут на днях под видом человека в один здешний трактир, так там мне попала такая замечательная служанка... И разговорчивая, просто страсть!

– Староват ты таскаться за служанками, Эльфедра, – с ехидством подметил его собеседник. – А насчет нашей баронессы... Тебе по-ученому или по-простому?

Король эльфов задумчиво покривил уголки широкого рта:

– Пусть будет по-простому – я вообще существо нетребовательное, всему люблю находить простые объяснения.

– Грусть-тоска ее съедает, – с язвительной торжественностью объявил оборотень, а в миру – Герослав Де Лабри. – Одолела девку, и видеть она никого и ничего не желает, кроме вина...

– До чего же незатейливо, – поморщился Эльфедра. – Ну а если по-научному?

– Да примерно то же самое. Отсутствие жизненной мотивации. Она... гм... пожила некоторое время в коловороте событий возле нашего общего друга сэра Сериоги. И поняла вдруг, что можно жить по-другому – не просто шататься по дорогам и весям в качестве странствующего рыцаря, участь которого ездить от замка к замку в поисках пропитания, за неимением в наши дни заказов на драконов... А можно быть еще и чем-то... кем-то большим. Можно бороться даже за последнего нищего сопляка...

– Последнее, надо думать, явилось для нашей сиятельной баронессы настоящим открытием, – съязвил король эльфов.

– Ну, не перегибайте палку, ваше уважаемое величество, в обетах наших рыцарей есть кое-что об опеке над слабыми и сырыми. Просто никто из них не считает, что это может относиться и к простолюдинам, – довольно сказал оборотень. – И слабые и сырые должны быть непременно благородного происхождения, иначе их никто не кинется спасать – кто ж спасает траву под копытами коней... А вот баронесса Дю Перси научилась жить чуточку по-

другому. И ей это, как ни странно, понравилось. А потом сэр Сериога исчез, и на баронессу навалилась депрессия. Жгучая тоска, по-нашему... Наш юный герцог неустанно подбрасывал леди всяческие поводы для действия, и все они были по большей части добрые и милосердные, ну прямо как наставления странствующих монахов. А потом он взял и очень даже скоропалительно исчез – и доблестной Клоти стало попросту нечего делать. И некого спасать. А когда нечего делать, жизнь становится сомнительным и малонужным фактором. Сама по себе жалеть простых людей и прочую шваль она не приучена...

– Вот бедная-то... – подозрительно ласковым тоном посочувствовал несчастной баронессе король Эльфедра.

– К сказанному добавить нечего.

– Чудесно! – оживился Эльфедра. – Ах, как все удачно складывается!

– Ну, это как сказать, – протянул оборотень. И снова сделал большой глоток из бокала. – Что, собственно, вы намереваетесь сделать?

– Одной благодарственной любви короля Зигфрида к нашему общему другу сэру Сериоге для нас маловато, – поучающим тоном ответил на вопрос оборотня король эльфов. – Любовь как сдерживающая сила против целого ордена Палагойцев – это, увы, не годится... Сэр Сериога помимо любви должен приобрести в нашем мире еще и определенный политический вес. Стать значительной фигурой в этом мире, так сказать...

– И каким же путем произойдут такие дивные изменения? Если мне не изменяет память, молодой сэр Сериога к значительности никогда не стремился. Так, доброхотствовал помаленьку...

– А вот каким путем, друг мой... это я еще как следует не обдумал. М-да... Может, пошлем его за каким-нибудь артефактом, который придаст ему что-нибудь этакое – или значительности в лице, или же просто физическую мощь вдохнет в юное тело. И славы добавит, что всегда чрезвычайно привлекает простолюдинов и в их глазах превращает самых последних дураков в народных героев. А может, собьем в кучу таких же охломонов... то есть таких же скучающих без дела героев, как леди Клотильда, да и поручим ему руководить ими. Исключительно из добрых соображений...

– А может, он не согласится? – Оборотень приподнял бокал, рассматривая на просвет остатки розовато-желтой жидкости, плескавшейся на округло-стеклянном донце.

– Согласится-согласится, – уверил король эльфов. – Поскольку у сэра Сериоги есть одно, но до крайности болезненное место, а именно жизнь и процветание нашей дражайшей леди Клотильды. Намекнем юному сэру и герцогу, что предмету его... гм... дружественной любви или любовной дружбы – я уж и не знаю, как именно назвать то, что творится между ними, – так вот, этому предмету вот-вот придет хана.

– Обманем, значит?

– Зачем обманем? – притворно удивился Эльфедра. – Ба, дорогой, да где ты тут обман видишь? Одна чистая правда! Бедная Клоти и в самом деле на краю гибели. Или в вине утопнет, поскольку лакает его не просыхая, или...

– Или?

– Или, как и мы, привлечет к себе внимание ордена Палагойцев, которому может вдруг разонравиться истинная история спасения малолетнего короля Зигфрида. А как известно, нет лучшего способа подправить любую историю, чем прикончить всех ее положительных героев. Отрицательные же герои и сами промолчат – не дети, понимают... И будут потом излагать исключительно правильную версию, удовлетворяющую всех власть предержащих.

Да и потом... Нашему сэру Сериоге и раньше ввали, что леди Клотильда, дескать, на крак гибели – и ничего, верил, кивал... и бросался туда, куда его посылали...

– Жалко, он сейчас эту беседу не слышит...

– Хорошо, что не слышит, – строго поправил Герослава король эльфов. – Потому что его юношеская вера в то, что добро все-таки можно и нужно творить, нужна нам сейчас как воздух. И, как ни смешно это звучит, нужна именно для того, чтобы сотворить определенное добро. Для тебя и всех оборотней, для меня и всех моих эльфов, для него самого, для леди Клотильды и, наконец, тех двоих сопляков, что он спас.

– В общем, всем будет хорошо... Кстати, а при чем же здесь вера? Его удачливость – вот это я понимаю, это да, необходимо. Везучий паренек...

– Герослав... – укоризненно покачал головой Эльфедра. – А я-то думал, что история побивания камнями под стенами собственных замков научила тебя хоть чему-то. Тебя ведь вместе со всей твоей дружиной побили, так? Хозяина и сюзерена... И ни один из своих городов ты так и не сумел взять. Ни добром, ни приступом.

– Я бы взял, – угрюмо буркнул оборотень, – но рыцари очень быстро разбежались...

– Вера, Герослав. Они все поверили, что ты – зло. У нашего юного Сериоги все получается не просто так – он верит, что нельзя отказать жаждущему или пройти мимо голодного ребенка. И что надо быть добрым. И именно эта вера прокладывает ему дорогу. И привлекает к нему людей. Немного банально, но увы... Именно вера в добро творила в лице нашего сэра Сериоги форменные чудеса...

Оборотень с шумом высосал остатки сидра из бокала, покачал ногой, свешивающейся со столешницы.

– И благодаря этому у него все и получается? Прямо сейчас начну верить, что надо быть добрым...

– Видишь, – поддел оборотня эльф, – добро заразно – как бешенство. И слюни текут, и вообще симптомы схожие... Похоже, и с тобой в конце концов все будет так же, как в случае с леди Клотильдой. Я уж, прости, на всю эту историю по-другому смотрю.

– И как же именно? – заинтересовался оборотень.

Гибко изогнувшийся на столешнице Князь двуликих детей ночи даже ногой перестал качать и всем телом подался в сторону эльфа-короля. Тот улыбнулся, сцепил на впалом животе тонкие длинные пальцы, лениво заговорил:

– Не может наша на диво здоровая, аж кровь с молоком...

– Фуй, какое простонародное сравнение, – поморщился оборотень. – Слышала бы тебя сейчас наша благородная леди... Враз бы с пьяных глаз да в морду закатала!

– И никакого у вас почтения к титулам – что у тебя, Герослав, что у нее. – Король Эльфедра дернул уголок рта, что с одинаковым успехом можно было принять и за довольную ухмылку, и за возмущенную мину. – А между тем по этикету ты даже сидеть не должен в моем присутствии... Итак, продолжу. Наша на диво здоровая – кровь с молоком – леди не может враз потерять все свои жизненные мотивации. Вот так, запросто... Даже из-за потери любимого дружка Сериоги. Не так воспитана, не так жила... да и вообще не из меланхолических она натур, крытых для пущей выразительности бледной кожей по лицу и декольте. На мой взгляд, дело в другом. Она глотнула иной жизни – отличной от ее собственной, такой, в которой было место добрым поступкам. Звучит-то как банально, а? И теперь не может жить без этого – добро тоже бывает своего рода наркотиком, то бишь веществом, радующим душу и тело, но к которому слишком быстро привыкаешь... У леди

Клотильды проблема в том, что без юного герцога она не может быть доброй.

Сама на добрые поступки – типа спасения нищих простолюдинов, заботы о чужих голодных сопляках и так далее – она не способна. Леди Дю Персиваль из здешнего мира и имеет рыцарское воспитание... а доброте и доброхотству тут не место. И сэра Сериога ей попросту необходим – как нравственный стержень, что ли. Сама леди не в состоянии решиться на добрый поступок – ей нужен кто-то, кто будет ее толкать на этот путь, который – вот парадокс-то, а? – ей и самой нравится...

Герослав фыркнул, пожал плечами:

– Ладно... Значит, у бедной леди не отсутствие жизненной мотивации, а непреодолимая тяга к добру, творить которое сама она отважиться не в силах... По мне, что то, что это, – один хрен. Что сейчас-то делать будем? Решай, знаток доброго...

– Для начала отправим леди Клотильду в мир сэра Сериога, – медленно проговорил король эльфов. – Пусть встретятся, порадуются...

– А если они там и останутся?

– Это как показать ребенку конфетку, – пояснил оборотню король эльфов. – Получив на руки леди Клотильду, сэра Сериога тут же припомнит все, что оставил здесь. Титул, земли, уважение, даже преклонение его вассалов... И наша буйная леди на фоне его родных пределов еще пуще подчеркнет убожество тамошней жизни...

– И останется лишь указать ему место и время, когда и где мы откроем для него портал перехода... – в тон эльфу добавил оборотень.

– Точно, – довольно улыбнулся король эльфов. – Вот увидишь, он нам еще и благодарен будет по самые исподние места души. За возвращение сюда...

– Ну-ну. Я смотрю, ты уже и ручки для целования приготовил. Смотри не промахнись в расчетах, Эльфедра. Или как там тебя называл сэра Сериога – Федя, да? Ну так вот, Федя будь осторожен в расчетах. Вдруг сэра Сериога не захочет быть послушной марионеткой в твоих руках?

– Ты слишком увлекся этим мальчишкой, Герослав, – упрекнул собеседника король эльфов.

Оборотень пожал плечами:

– А он мне нравится. Хоть и приبلудный, но достойный росток на моем фамильном древе. А ты ему один раз уже показал, что умеешь крутить свои делишки за чужой спиной. Так-то вот, Федя... Ну, пошли будить нашу спящую баронессу.

Оборотень негромко стукнул костяшками пальцев по столу. Потом, выждав паузу, стукнул уже погромче. Опять подождал. Наконец заорал:

– Есть там кто-нибудь или нет?! Слуги!!

Почти тут же на крик явился ражий молодец в черно-синем одеянии. Фамильные цвета рода Де Лабри, припомнилось вдруг оборотню. Когда-то это были его цвета. А сейчас они принадлежат уже другому...

Он стряхнул нахлынувшее было чувство горечи. Громко сказал слуге:

– Смотрителя замка ко мне. Живо!

Слуга ушел, что-то нечленораздельно ворча себе под нос. Король Эльфедра, или, как его только что назвал оборотень, Федя, лукаво улыбнулся оборотню. Спросил:

– Ты расслышал, что он про тебя сказал, а, Герослав?

– Конечно, – сквозь зубы ответил оборотень. – «Животина в людском облике, раскомандовался тут, ровно сам герцог...» Черт с ним, Эльфедра. Я здесь остался

исключительно ради мальчишки, которого сэра Сериога назначил в наследники герцогства. Хочешь – верь, хочешь – нет... Так что потерплю... лет с десяток. Хотя знаешь, иногда так в лес и тянет...

Эльфедра посерьезнел лицом, оборотил на него внимательно-задумчивые глаза, но ничего не сказал. И оборотень тоже больше не открывал рта, молча глядя в окно. С определенной тоской. Поверх башен замка Дебро в дальних далях по воздуху плыла лента горизонта, окаймленная полосой зубчато-синего леса.

Явился мажордом – маленький, сухонький седой старичок. И тоже в черно-синем. Отвесил не слишком глубокий поклон, сказал протяжно, без особого почтения:

– Что угодно... э-э?

– Милорд, – грозно сказал король эльфов. – Что угодно милорду! – Он встал с кресла и двинулся в сторону мажордома. – В свое время, когда вы, местный народишко, изгнали герцога Герослава де Лабри с его собственных земель, я промолчал, – начал говорить Эльфедра, четко разделяя слова. – Не захотел вмешиваться в ваши местные дела. Поскольку тогдашним представителям рода Де Лабри мандонада ^[4] эльфийская дана не была. Потом я много раз сожалел об этом. Но теперь поумнел. И либо вы будете оказывать опекуну наследника должное уважение, либо я припомню, что эльфы все еще могут затворять водные жилы на ваших землях и вызывать падеж скота... И не только скота, как мне помнится, – ты все понял, старик? Так что запомни сам и другим передай. Ну?! Милорда не слышу.

– Милорд, – испуганно проблеял мажордом. – Милорды, я не хотел...

– Вот и не хоти, – отчеканил король эльфов. – А теперь слушай своего господина.

– Крут ты иногда, Эльфедра, – посетовал оборотень. – А ты, мажордом, слушай мою команду: больше леди Клотильде вина не давать. Вообще. Ты понял? И, как только очнется, зови меня.

– Понятно, милорд. – Мажордом немного помялся, потом спросил заискивающим тоном: – А кормить-то ее хоть можно? Милорд...

– Даже нужно. Леди Клотильде предстоит вскорости отправиться за нашим общим другом и твоим господином, сэром Сериогой. Так что кормить уважаемую леди следует как... как на убой. Все понятно? Свободен.

– Да, милорд! – радостно прошамкал старик. – Конечно, милорд! Уж как наша ледюшка-то будет рада. За сэром Сериогой, ишь ты...

Старичок удалился, счастливо бормоча себе под нос.

– Дивно, – покачал головой король эльфов. – Могу поспорить – он прямо сейчас отправится к Клоти, растолкает ее и преподнесет пьяной вдрызг баронессе радостную весть. Про предстоящий поход за Сериогой Лабрийским.

– Так что тебе сейчас лучше не покидать меня, дружище, – открыто ухмыляясь его королевскому величеству, заявил оборотень. – Поскольку сюда вот-вот притопчет наша грозная леди Клоти, дыша воодушевлением и перегарами...

ГЛАВА ВТОРАЯ

А Игорь князь в Русской земле...

В типовых блочных пятиэтажках иногда существует так называемая «линия шепота» – странный казус, благодаря которому слова, произнесенные шепотом, к примеру, где-нибудь на кухне, совершенно неслышимы в прилегающем к кухне коридорчику. И напротив, довольно хорошо различимы в самом дальнем углу смежной с кухней комнаты. Как раз в том углу, где располагался скромный диванчик, на котором бывший сэр Сериога Лабрийский и имел обыкновение спать каждую ночь. Ибо по причине того, что квартира у семейства Кановниных была всего лишь двухкомнатная и спальня в этой квартире имела только одна, Сереге, сэру и по совместительству герцогу Де Лабри, приходилось спать в большой комнате на продавленном скрипучем диванчике. Как до факта своего герцогства, так и после.

Каждый вечер, церемониально поцеловав восемнадцатилетнего мальчика Сереженьку в лобик, родители удалялись на кухню. Чтобы поговорить о нужном и важном. Ах эти кухонные обсуждения, столь популярные в восьмидесятые годы... Беседы велись между ними исключительно гулким шепотом, и, лежа под свалывшимся одеялом и глядя в потолок, Серега ясно слышал каждое слово.

В последнее время беседы все чаще касались его скромной персоны.

Первой почти всегда начинала женская половина семейства Кановниных.

– Володя, – надрывным шепотом вступала мама-доктор. – С нашим мальчиком что-то случилось. Ты только посмотри на него!

– А что? – снисходительным голосом разыгрывал из себя удивление отец, бывалый геолог.

– Он так вырос... и буквально за один день! – трагическим тоном взрывалась мама. – Как-то вечером погладила ему рубашку, брючки... помнишь, те, черненькие. Все, буквально все было как обычно! Утром ушла на работу, мальчик должен был уйти в колледж. А вечером он смотрит на меня виноватыми глазами и сообщает, что вся одежда вдруг стала ему мала! И точно, рубашки не лезут, меряю – ощущение такое, что я на взрослого парня пытаюсь натянуть младенческую распашонку... и брюки сидят как на клоуне – штанины выше лодыжек, на бедрах в обтяжку. Это просто ужас какой-то! Пиджак не налазит, свитера не закрывают даже пояса! Я вместе с ним на следующее утро мечусь по магазинам и рынкам – и это вместо моей работы и его колледжа! Пришлось отпрашиваться... а я даже не знала, что наврать главврачу! Не могла же я сказать, что моему мальчику внезапно стало нечего надевать! За сутки... какое там – за одно утро!

– Ну-ну, – успокаивающе шептал гулким басом отец-геолог. – В конце концов ты же выкрутилась, разве не так? Сказала главврачу, что у меня опять приступ белой горячки...

В этом месте родители всегда дружно хихикали. Серега тоже улыбался. Байка про белую горячку была запущена самим отцом года два назад. Как раз когда тот перестал ездить по дальним и крайне долгим экспедициям, а мама вдруг осознала, что время от времени ей до зарезу необходим повод, чтобы отрешиваться от дополнительной нагрузки по работе. Главврач, сама женщина, прошедшая через четыре нелегких замужества, всякий раз сочувствующе кивала, когда мама с печалью в голосе объявляла, что муж снова «соскользнул» в запой – от тоски по былым странствиям и так далее, и отпускала маму, строгим тоном наказывая ей потерпеть, но ни в коем случае не рушить семью, ячейку нашего

государства...

Мама продолжала страдать приглушенным голосом по поводу всех прочих ненормальностей в организме единственного сыночка, обнаруженных за последний месяц ее бдительным материнским оком: и плечи-де опухли у мальчика, не дай бог, начал пить какие-нибудь лошадиные гормоны для наращивания мышечной массы, столь популярные у нынешней молодежи... И взгляд стал острым, как у громил из американских боевиков, прямо-таки не глядит, а прицеливается. И в колледже по физкультуре стал получать сплошные круглые пятерки, а раньше выше слабенькой тройки не заползал...

– Да, растет мужик, – философским тоном соглашался отец.

– Володичка! – шепотом взрывалась мама. – Какой такой мужик, ну какой? Он же еще мальчик! А как он стал относиться к своим любимым кошкам? А к собачкам?! Да он перестал таскать их домой! Слышишь – даже перестал гладить их на улице! И мясо в тарелке нынче съедает сам, не прячет для уличных питомцев... За последний месяц в подъезде ни одной новой кошки не появилось. Правда, за той матерью-одиночкой, которую он приволок еще до своего... вырастания, ухаживать продолжает.

– Вот видишь, – успокаивающе вставлял отец. – Значит, не все еще потеряно. Глядишь, через месяц-другой оклемается и снова начнет лизаться со всеми кобелями и сучками в микрорайоне...

– Да что ты говоришь?! – на грани визга взрывалась мама. – Как ты можешь, Володя? С мальчиком творится что-то непонятное! Вырос за один день... И я даже не знаю – как, почему? Ему как гормон роста вкололи...

– А ты своди его на анализы, – хихикая, предлагал отец.

– Уже. Сводила, заставила сдать все, от а до я.

– Ну и как? Надеюсь, хоть глистов у мальчика нет? – Выдав эту фразу, отец почему-то всегда заходил в кашле.

– Да как ты можешь?! – возмущалась мама-доктор. – Мальчик вырос за один день, мальчик перестал тащить в дом всякую животину с улицы, а ты еще и издеваешься?!

– Помнится, как раз об этом ты раньше и мечтала, – педантично вставлял в разговор папа-геолог. – Помнишь, что в нашей квартире творилось прежде? До, как ты говоришь, «вырастания за один день»?

– Да-а... – рассеянно вздыхала мама. – Только гадюк у нас тут и не было. Вспомни, Володя, – в доме перебивало аж восемь крыс, то ли диких, то ли домашних, один уж, подыхающий еж, которого мне пришлось лечить...

– Это расширило твою квалификацию, – насмешливо замечал отец. – Ты у нас теперь педиатр с ветеринарным уклоном. Даже с глубоким ветеринарным уклоном...

– Ты ж еще и хиханьки хихикаешь! – взлетал в этом месте на целую октаву вверх голос мамы. – Лучше бы о своих делах позаботился, чем надо мной издеваться...

Вот приблизительно такие разговоры и протекали чуть ли не каждый вечер на кухне Кановниных – и протекать они начали аккуратно после возвращения Се-реги из достопамятной Империи Нибелунгов. И в этом месте отец всегда замыкался.

Дела у него сейчас и вправду были не очень. Об этом Серега узнал именно из кухонных бесед. До этого, кстати сказать, он даже не подозревал, насколько шатко финансовое положение его семьи...

Отец молчал, а мама продолжала дрожащим шепотком печалиться о том, как трудно сейчас воспитать из мальчика действительно интеллигентного мужа... Такого, чтобы

понимал, кто его мать и как с ней надо обращаться, не качал мышцы, как субъекты, которых порядочное воспитание, увы, так и не коснулось. Чтобы не хамил, не пил водку, не смотрел порнуху, не интересовался нехорошими девочками, а вместо этого читал бы книжки, учился на отлично и оставался всегда мягким и приветливым...

В этом месте Серега отрывался от слушания и предавался своим собственным мыслям. В основном они касались его самого. В отличие от мамы он четко знал, что изменения в росте и ширине плеч у него произошли не за один день. Просто между утром, когда мама оставила его наедине с «черненькими брючками» (в простонародье называемыми черными джинсами) и полуднем того же дня, когда он, перемерив всю свою одежду, вдруг обнаружил, что его гардероб больше на него не лезет, – между этими двумя моментами пролегло несколько недель, проведенных в неведомом мире с неведомыми координатами. Где было и на чем взгляд заострить и на чем плечи нарастить. Ой вы мускулы стальные, пальцы крепкие мои...

И надо сказать, что в отличие от мамы он не видел в произошедшем с его телом ничего плохого. Наоборот, от случившихся изменений наблюдались одни только сплошные плюсы – это по его личному мнению. В колледже давнее прозвище Сируня теперь позабылось раз и навсегда. И всего за один месяц. А понадобилось для этого совсем немножко – всего лишь несколько капель крови из энного количества носов (принадлежавших, правда, достаточно широкому кругу лиц) и две-три завернутых за спину руки – и все, позорная кличка исчезла из употребления и памяти окружающих. Исчезла прямо как прошлогодний снег – растаяла, сгинула, и все тут...

И теперь к нему в колледже вообще никак не обращались – просто оведали настороженно-уважительными взглядами и обходили по широкой дуге. Ну, собственно, Серега от этого и не плакал. Не тянуло его что-то нынче общаться со сверстниками-земляками.

И вообще жилось ему в своем собственном мире после возвращения домой затхло и скучно. Мир недоразвитого капитализма для каждой отдельно взятой личности предлагал места ровно столько, сколько нужно для одного очень даже неглубокого вдоха – но вот для доброго рыцарского замаха места, увы, здесь не было. В переносном, конечно, смысле – «для доброго рыцарского замаха». Хотя иногда хотелось в самом прямом смысле размахнуться и ударить... Но и думать нельзя было о том, чтобы, к примеру, взять да и прикончить добрым ударом меча или кинжала своего обидчика-супостата – действие в Империи Нибелунгов для него вполне позволительное. И даже осененное вящим почтением всех окружающих вассалов – как же, герцог Де Лабри в очередной раз изволит вершить свой скорый и праведный суд... Там, в Нибелунгии, для него единственной заботой было сохранить во время и после суда собственную шкуру. Выжил, победил – и ладно, борись с очередными недругами. Здесь же за попытку восстановить справедливость подручными средствами сэр и милорд Де Лабри рисковал загреметь в тюрьму под громкие фанфары. В «позорное узилище», выражаясь языком Клоти. От этого имени, кстати, по сердцу будто кто горячим ножом проводил...

В Нибелунгию хотелось аж до бешеного крика. Но пути назад – во всяком случае, явного и ощутимого – не было. Поэтому он уже привычно затолкал поглубже свою тоску по покинутому миру и переключился на мысли о приятном. Вот, скажем, физкультура. Тренер пребывал от его перемен в совершеннейшем восторге – ибо отжимался Серега теперь ровно и бесперебойно, прямо как достославный агрегат из песни «Ты агрегат, Дуся». И по канату

лазил, как Тарзан, и прочие нормы сдавал на высочайшем уровне...

Так что о переменах, случившихся с некогда тихим и домашним Сереженькой, сожалела, надо думать, нынче только мама, а также сокурсники по колледжу, которым он оказался вдруг не по зубам. И все же... Некоторое уважение к печалям мамы он испытывал. Действительно, не все бывают готовы к переменам.

Родители на кухне, отвздохав и отшептавшись, отправлялись спать. Серега вновь погружался в мысли, но на этот раз они были уже о несчастье, приключившемся с отцом.

Старший Кановнин, как и многие дети Великой Советской страны, которая благополучно канула в Лету, оставив после себя порядком пообгрызенную по окраинам Российской Федерацию, был человеком подкованным в науках (и зело подкованным), но не в жизненных перипетиях. Как раз за неделю до Серегоного отбытия в те самые до ужаса отдаленные от родной Земли места Кановнина-старшего уволили. Точнее, ООО, в котором он занимался разведкой каких-то загадочных ископаемых прямо на территории их области, вдруг взяло да и распалось. Перестало существовать. Вместе с ООО испарилась и зарплата за последние восемь месяцев, которую папе-геолог, наряду с другими сотрудниками задолжали. А тщательно разведанное перед этим месторождение неких минералов, дико полезных для сельского хозяйства в качестве удобрения и еще чего-то там, благополучно уплыло в руки каких-то совершенно третьих лиц, кои перед геологической экспедицией, разведавшей это месторождение, никаких обязательств не имели и объяснений давать не желали. Вместе с мечтой о зарплате испарилась и надежда на солидные премиальные, обещанные в случае удачи. Пустое корыто и отсутствие работы. Старший Кановнин захандрил, но тут откуда ни возьмись вынырнул старый друг-приятель. Еще с институтских времен. И предложил создать совместную фирму – опять-таки с геологическим уклоном. Требовались капиталовложения. Для такого великого дела решено было заложить квартиру Кановниных – шаг совершенно глупый и неразумный. То ли приятель умел гипнотизировать, то ли еще что... В общем, отец согласился. В каком-то загадочном местном банке, на котором настаивал приятель, до подозрительного быстро оформили заем, выдали деньги – все тот же приятель понес их куда-то регистрировать как уставной капитал фирмы, куда-то вкладывать и чего-то на них покупать.

И – чего и следовало ожидать – исчез вместе с деньгами. Старший Кановнин бросился на его поиски. Тем временем (все эти аферы и радости происходили уже после возвращения Сергея в родные пенаты) банк напомнил, что заем был выдан под месячные проценты. И теперь каждый месяц Кановниным следовало уплачивать местному хранилищу денег по двадцать два процента с исчезнувшей суммы. А буде выплаты не будут производиться, то, как только проценты, пеня плюс часть долга, положенная к выплате на этот месяц, достигнут величины выданной суммы (и кстати, папа-геолог в этом тоже попался, ибо ему выдали под заклад едва ли шестьдесят процентов от истинной, рыночной стоимости их квартиры), так сразу же настанет время рассчитываться. Банк подаст в суд, и Кановниным придется распрощаться со своей квартирой. Дата первой выплаты уже приближалась, друг-приятель вместе с деньгами как в воду канул... И работы для Кановнина-старшего тоже никак не находилось – ни такой, чтобы враз выплатить все долги, ни такой, чтобы хотя бы на хлеб заработать...

И, что самое печальное, нынешний Серега, докатившийся в Империи Нибелунгов аж до звания сэра (кое там означало, что владелец возведен в рыцарское достоинство) и до титула герцога Де Лабри, во всей этой мешанине никак не мог ухватить кончика, за который

потянешь – и все станет ясно. Как на ладони. В частности, кого казнить, а кого и миловать... Замешан ли в чем-то банк, подозрительно скоро оформивший без всякого поручительства закладную под их квартиру? И где владельцы печально памятного ООО, унесшего в небытие и отцовскую зарплату, и отцовские премиальные? Достоверно известно было только одно: в исчезновении денег, взятых под залог квартиры, виноват папин приятель. Но опять-таки где его теперь искать? По словам отца, жена приятеля заявила, что уже месяц как в глаза его не видела и даже сама готова доплатить тому, кто вернет ей кормильца-мерзавца...

А между тем день первой выплаты по процентам приближался неотвратимо. Серега хмурился и так и эдак, но с каждым проходящим днем все яснее и яснее понимал, что иного выхода у него нет – придется продавать один из мечей. Скорее всего тот, что достался от ордена Палагойцев, – на нем камешков побольше, да и рукоять блестит вполне знакомым блеском золота и еще какого-то сероватого металла, наклепанного в качестве аппликаций поверх презренного золотишка... Клинок орденового меча не выглядел таким же древним, как достопамятная дедовская оглобля леди Клотильды. Но и свежей работой не казался – так что имело смысл нести его не куда-нибудь, а напрямик в антикварный магазин. По рукояти и навершию ножен располагались (Серега уже специально все подсчитал) восемь крупных густо-синих камней (сапфиры? Хрен с ними, нехай будут сапфиры), четыре алых камня и еще два загадочных по цвету камня – прозрачно-черные, с колючими радужными искрами в глубине и по кромкам грат. Даже если этой оглобли не хватит на оплату суммы закладной, то уж на домик в деревне ее точно должно хватить. Желательно, конечно, чтобы деревня с вышеуказанным домиком располагалась неподалеку от города. Старенький отцовский автомобиль пока что чихал-кашлял исправно и по ухабам лесных дорог скакал козлом-молодцом, так что маме будет на чем ездить на свою работу. Это могло стать выходом, вполне могло...

К тому же к мечу прилагались еще и шпоры с внушительной цепью. С рыцарским медальоном в половину ладони и толщиной с палец в придачу. Весь этот комплект – подвеска с цепочкой и ветвистые, аки рога у оленя, шпоры – отсвечивал тускло-красноватым блеском старинного золота. Что тоже должно было иметь свою стоимость...

В отличие от Сереги родители, казалось, вообще не задумывались о своем будущем. С другой стороны, подумал Серега, может, так оно и лучше? От бесплодных размышлений деньги все равно не появятся. А наивные и бесхитростные души (навряде его родителей) вполне могут надеяться, что в последний момент грянет-таки гром, все само собой переменится и квартира будет спасена. Правда, до сих пор было непонятно, от кого ожидается участие в данном благом деле – то ли сам Господь Бог должен поспособствовать, то ли великий русский Авошь наконец сработает...

В конце концов, решил Серега, поведение его родителей было весьма в духе традиций российских интеллигентов. Этакие три сестры, у которых их единственное имущество — драгоценный вишневым сад вместе с домом – вот-вот пойдет с молотка. Но они об этом стараются умолчать и беседуют только на отвлеченные темы – разумеется, исключительно из врожденного благородства душ...

Старый принцип, исповедуемый его родителями: благородная душа не может бороться с алчным и ужасным миром его же способами. Лучше сесть в уголке, расслабиться и попытаться думать о чем-нибудь приятном. Навряде вопроса о том, почему это мальчик вырос из своей курточки...

Однако он тут же устыдился своих мыслей. И напомнил себе, что не ему укорять мать с

отцом – поскольку от вишневого сада нарождаться может только та же самая вышеупомянутая вишня. Он их продолжение, что заметно по его поступкам. Вот была бы здесь леди Клотильда – и банк уже давно лежал бы в руинах, и по месторождению бродили бы исключительно волки вперемешку с оперуполномоченными, и приятель-мерзавец ползал на коленках в районе их порога...

Ага, и тебе с леди Клотильдой пришлось бы тут же удариться в бега, с радостной ностальгией по былому, сообщил он сам себе. Поскольку здесь восстанавливать справедливость имеет право только закон. А отнюдь не отдельно взятые владетельные персоны... Серега ухмыльнулся про себя. «Разыскивается особа, называющая себя баронессой Клотильдой Персивальской» – звучит, черт побери... И что самое очаровательное – случись такое на самом деле и очутись леди Клотильда действительно здесь, ничего строже психушки ей не грозит. Будет себе там в компании с местными Наполеонами обсуждать детали рыцарского снаряжения на предмет очередной военной кампании...

Пока в один прекрасный день не взбунтуется. И тогда ее начнут колоть специальными составами, про которые в среде российской интеллигенции ходят только слухи и сплетни, – но и их хватает, чтобы мурашки бегали по коже и интеллигенция сидела смирно, не бросаясь на очередной передел мира.

Вот такие мысли бродили в голове у Сереги под аккомпанемент родительских переживаний на мелкую тему Серегиных телесных метаморфоз...

* * *

«В день такой же, как и все, ты из дому выйдешь...»– напевая про себя эту песенку, Серега вышел из подъезда. Компания парней, отиравшаяся неподалеку возле качелей, уважительно и дружно помахала ему ручками в знак приветствия. Серега вернул жест, глянул на хмурое ноябрьское небо. В последние дни погода уверенно качалась на рубеже между нулевой температурой и минус тремя, небосвод каждый день был загроможден тучами, похожими на грязно-серые, волглые от влаги подушки, что наводило на мысли то ли о дожде, то ли о снеге, который вот-вот должен пойти, но почему-то все никак не идет. Небо напоминало беременную женщину, которой и хочется разродиться, да все никак не может...

Сегодня Серега отказался от подработки на складе, на котором в компании трех алкашей разгружал после учебы ящики с пивом, консервами, чаем, конфетами и прочим продуктом. И разгружал уже весь последний месяц, аккуратно после возвращения из Империи Ни-белунгов. Интересное занятие для сэра и герцога, но и герцогам тоже, бывает, хочется кушать. Словом, хлеб насущный даждь нам днесь... Подработки хватало только на квартплату, но зато это сохраняло мамин оклад для прочих семейных расходов. В общем, Серега не жаловался – и время убивалось, имевшее прежде обыкновение этак медленно-медленно тянуться по вечерам (и занимаемое в основном ностальгическими думами об оставшихся в прошлом странствиях с леди Клотильдой), и семье от него ощутимая помощь. Благо нажитые в бегах и драках мускулы теперь такое позволяли.

Но сегодня был особый случай. От подработки пришлось отказаться по вполне объективным причинам.

В чертежном тубусе, который ему пришлось специально нарастить для такого случая с помощью листа картона – ибо его длина оказалась-таки маловата, – бултыхался палагойский меч в компании со шпорами и цепью. Вся его рыцарская краса... Вопрос – продавать или нет наличные знаки своего собственного рыцарского достоинства? – для Сереги уже не стоял. Не может истинный рыцарь смотреть спокойно, как его почтенных родителей выгоняют из дому, и все тут. Именно так и сказала бы леди Клотильда, доведись ей тут присутствовать. Разве что более красиво и прочувствованно – не может, дескать, прирожденный сэр рыцарь, весь из себя благородный – что душой, что телом, – попустительствовать горю благородной родительницы своей и почтенного родителя, не восприняв никаких действий к их благу...

В антикварном магазинчике на витринах скудно пылились серебряные крестики и ложечки, в углу грудой стояли гипсовые Самсоны с пастями львов в облупленных ручищах. Почти рядом с каждым имелась и полногрудая гипсовая прелестница, причем каждой во избежание излишней стыдливости кто-то предусмотрительный в свое время успел поотбивать все ручонки – коими гипсовые дамы, надо полагать, когда-то пытались прикрыть срамные места. Каковые теперь были выставлены на полное обозрение почтеннейшей публики. Погадав насчет имен дам – Венера Мценского уезду или все-таки Далила, учитывая личность стоящего напротив гипсового мужика? – Серега прошагал по залу. Перед прилавком, декорированным сомнительного вида крохотными иконками, Серега предусмотрительно свернул влево. И попал в поле зрения крайне сонного на вид продавца-амбала.

На какое-то время во взгляде служителя торговли появилось некоторое оживление. Правда, быстро стухшее. Видимо, продавец на взгляд сумел прикинуть стоимость его немудреного гардероба. И понял, что в покупатели серебряных крестиков подошедший парнишка уж никак не годится.

– Мне бы директора, – задумчиво сообщил Серега продавцу, снова начавшему мирно засыпать на рабочем месте. И покачал тубусом. Рыцарский меч со шпорами грозно и значительно брякнул в картонной трубе.

Продавец приоткрыл пухлые веки:

– А зачем тебе?

– За мясом, – терпеливо сказал вежливый Серега. – Хочу проконсультироваться по поводу имеющегося у меня имущества...

– Что, у больной бабушки крестик спер? – брезгливо поинтересовался продавец. И опустил веки, явно готовясь вновь отдаться в объятия сонного Морфея, то бишь бога сна у древних греков.

– Нет, у дедушки утку, – огрызнулся Серега. – Так вы здесь работаете с клиентами или как?

– Или что, – неожиданно почти мирно ответил продавец. – Антон Иванович, к вам тут дите какое-то приперлось. Уж и не знаю, как лучше охарактеризовать дитятку – то ли невинным, то ли наивным...

На зов из боковой дверки выплыл пухлый носитель дорогого даже на вид и крайне авантажного костюмчика в черно-бордовую полоску. Дернув многоэтажным подбородком над безукоризненно белым воротничком сорочки, толстячок вальяжно спросил:

– Ну и чего тебе, отрок из подворотни?

– Прямо здесь товар показывать или как? – коротко спросил Серега. И, дождавшись

благодаря кивку, скинул с тубуса крышку.

На свет божий явилась рукоять меча.

У субъекта в костюмчике многоэтажные подбородки вдруг разом завибрировали – прямо как при землетрясении.

Магазинчик освещался достаточно хорошо – и в ярком свете потолочных люстр, а также боковых направленных подсветок сапфиры тут же засияли густым влажно-синим блеском. Рубины – по одному на каждую сторону рукояти и навершия ножен – яростно запыхали смесью огнистой крови с бордовыми переливами. Черные камни сердито заискрились радужными каскадами... В общем, не зря драгоценные камни считаются лучшими друзьями девушек, отнюдь не зря, – зрелище было просто феерическое...

– Мне нужно оценить мой меч, – с полнейшим равнодушием к сокровищам, небрежно торчавшим из потертого студенческого тубуса, сообщил Серега.

– Твой?! – Директор вроде как подавился этим словом.

– Мой, – спокойно оповестил часто задышавшего толстячка герцог Де Лабри. – Получил при посвящении в рыцари. В чем могу и присягнуть, собственно...

– А... а разве у нас еще посвящают? – с дрожью в голосе спросил директор. – Я имею в виду – в рыцари?

– Тайно, – со значением сказал Серега. – Мой меч, рыцарская цепь и рыцарские шпоры принадлежат старинному ордену Палагойцев. И получены мною при посвящении моей персоны в рыцари – за особые заслуги перед орденом. А теперь так – и рыцарям тоже хочется кушать. И посему я желаю продать эти свои знаки рыцарского достоинства. За большую цену. А вам я предлагаю, во-первых, это все оценить. И во-вторых, помочь мне найти на эти цапки покупателя. За что вы, само собой разумеется, будете иметь посреднический процент. На ваши витрины, я думаю, такие вещи выставлять не стоит – ваш магазинчик от стоимости этого просто на месте не устоит. Раскатают по кирпичику...

– Э-э-э... м-м-м... – промямлил толстячок, явно предаваясь каким-то раздумьям. Потом свел на переносице густые кустистые бровки и с каким-то странным замирающим выражением лица поинтересовался: – А скажи-ка, парнишка, за какие такие заслуги тебя премировали этим самым твоим... рыцарским званием?

Серега на мгновение задумался. По совести говоря, правда иногда выглядит невероятней любой лжи. Ну так и пусть его удивляется.

– За штурм замка Чехура, – честно ответил он. – Есть такой замок, стоит в одной крайне удаленной отсюда империи. Имя которой, как вы сами понимаете, должно оставаться тайной. Операция, скажем так, была шибко секретной. И на ней до сих пор красуется гриф – как для всех местных, так и для неместных. Означающий «сжечь по прочтении».

– Сжечь что? – живенько заинтересовался директор.

– Не что. Сжечь всех, кто узнал, – веско сказал Серега. Подумал и добавил: – Причем со всеми родственниками в придачу. Для пущей таинственности.

– Ах вот как?

Директор опять задумался. А затем сделал быстрый и непонятный для Сереги жест рукой в сторону продавца. В быстроте чувствовалась определенная ната-сканность...

Под потолком магазина истерично замыкала сирена. Происходило явно что-то не то. Директор довольно лыбился, глядя на него. И глаза у него при этом были чуть ли не шальные от счастья...

«Черт побери, – со стеснением в груди подумал Серега. – Кажется, я лопухнулся.

Похоже, меч с камешками оказался существенно выше калибра этого магазинчика. А вот полет его директора протекает не только, точнее, не столько в русле законной торговли антиквариатом, сколько в русле совсем иных занятий. А я еще и приперся сюда один-одинешенек. Аника-воин, блин...»

В этой ситуации герцог Де Лабри сделал единственное, что мог, – исходя из полученных в Нибелун-гии рефлексов и инстинктов. Руку на рукоять. Меч из ножен.

Выстрел гулко ударил сбоку. У Серегиных ног в тщательно уложенной плитке образовалась выбоина, стрельнувшая ему по брюкам фонтанчиком колких крошек. Он отпрыгнул назад, разворачиваясь в сторону выстрела и вынося вбок меч для замаха.

За прилавком стоял продавец и довольно-таки безмятежно целился в него из внушительного вида черного пистолета.

Директор приторным баском заявил:

– А теперь, парнишка, давай-ка ложь свои рыцарские достоинства ко мне на прилавок. Вот прямо сюда, любезный. – Рука с короткими пальцами-колбасками и тщательно отманикюренными ногтями небрежно постучала по стеклу витрины. – Иначе Бекас сделает сейчас тебе аккуратную дырку в брюхе. И учти, ОМОН сюда уже едет, тревожная кнопка нажата... а мы с Бекасом только что собственными глазами видели, как ты пытался украсть у меня мой меч с прилагающимися к нему... гм... украшениями.

– Рыцарская цепь и шпоры не являются украшениями, – быстро сказал Серега.

Меч жадно дрожал в руке, и до смерти хотелось небреженько так чиркнуть его сияющим концом по толстому директорскому брюху. Увидеть, как исказится от предсмертного ужаса холеное пухлое лицо... И швырнуть потом оглоблю меча в сторону довольной хари Бекаса. А там – да хоть потоп. Или же пуля от Бекаса в роли этого самого потопа. Зато хоть умереть удастся со сладким сознанием того, что не сдался без боя, не сдался! Эх, как говорится, к нашему безумству храбрых да еще чьи-нибудь медные литавры – и цены бы всему этому не было...

Однако медных литавр нигде не наблюдалась. Ни в одном из четырех углов этой антикварной лавочки. А греметь в тюрьму из-за мертвых камушков – да глупо это, неразумно и вообще сулит всяческие прене-приятнейшие перспективы в дальнейшем. И уж тем более такая его грустная планида никак не облегчит участь родителей.

Стало быть, прощай надежды на домик в деревне!

Бекас невозмутимо смотрел на него. И было заметно, что рука, державшая пистолет, ни капельки не дрожит.

И до чего же противно, до гадливого рвотного привкуса во рту противно... Но факт есть факт, он практически уже проиграл этим двум хорошо подготовленным бандитистым антикварам. Подготовленным, судя по раскладке ролей в магазине, именно к таким ситуациям. Чу, слышен голос подсознания – кажись, не он первый приходит сюда «с бабушкиным крестиком»...

– Клади-клади, – с нажимом и угрозой в голосе сказал пухлый директор. – Клади да беги отсюда со всех ног, специалист по тайным операциям... Сказочки он мне рассказывает. Прямо-таки хохмит в глаза. Чай, спер у кого-нибудь, шелупонь подзаборная. С такой курткой да такой меч?!

Еще одна пуля щелкнула у Серегиных ног. С мечом наголо против пистолета? Какая жалость, что он не леди Клотильда – вот той, чем черт не шутит, и такое вполне могло быть по плечу. Клоти иногда имела невероятнейшее свойство двигаться с такой скоростью, что и

пуля не догонит, и лошадка запыхается догонаючи.

«Проигрывать надо уметь, – успокаивающе прошептал внутренний голос. – Постарайся выжить – это первое. Выживи и найди потом возможность перевернуть все в свою пользу». Меч, конечно, жалко – в конце концов он заработал его честно, в той самой Империи Нибелунгов, где он, мамино дитяtko Сереженька, допер до звания герцога Де Лабри, сэра, пэра и главного муда [5] в тамошних землях. Лично он, Серега, отнюдь не спер этот меч у какого-нибудь глупого юнца в результате заранее подготовленной хитрой западни. Он его честно заработал своей собственной прожженной в замке Чехура шкурой...

Помедлив, Серега с усмешечкой сказал:

– Да подавись ты им! – И, не удержавшись, съерничал: – Но до чего ж ты противный, толстячок...

Он выкинул меч вперед – директор резко отдернул назад свою тушу, заметно позеленев пухлым личиком на фоне местных белых стен. Серега, с ненавистью ослабившись, резко разжал пальцы. Меч грохнулся на стеклянную поверхность прилавка всей своей тяжестью – длинная стальная оглобля в тяжелых ножнах, густо уделанная золотом и драгоценными камушками. Витрина хлипко звенькнула и разбилась – вся, до мелких кусочков.

И почудился Сереге какой-то звук в жалком треньканье бьющегося стекла. Вроде как... рычание?!

Он направился к дверям. Сирена все мяукала и мяукала в одном из магазинных углов, напоминая соединенную с будильником кошку. Слава богу, витрин у магазина почти не имелось. А те, что имелись, в полном согласии с современным течением в нынешнем антуражном искусстве украшения магазинов были забраны тонированными стеклышками, прозрачными изнутри и абсолютно непрозрачными снаружи. Следовательно, кто бы ни обратил внимание на непрерывно мяукающий магазин, Серегу внутри он все равно не углядит. И можно выходить относительно спокойно. Вышел и вышел, подумаешь. Может, он в этом магазине уборщиком служит. Или же водителем директорской кобылы. Может же пан директор прятать в каком-нибудь из закутков своего заведения самую настоящую кобылу? Нынче, говорят, пошла такая мода – кататься на лошадках в обеденный перерыв...

А заявлять на него толстячок-пухлячок директор не будет ни в коем случае. Попросту убоится обнаружения в этом случае настоящих владельцев меча. Вдруг Серега, попав в милицейский оборот, разговорится – а владельцы такой штуки не могут быть мальчиками из подворотни, на них так просто не гавкнешь и вневедомственной охраной не запугаешь. И придется вернуть столь понравившуюся ему игрушечку в законные руки. Вместе с немало стоящими рубинами, сапфирами и прочими камнями.

У самых дверей Серега остановился. Торопливо спешивших молодцев из вневедомственной охраны на сонной улочке родного города пока видно не было. И потому он заявил грозным голосом:

– А не боишься, гад? Или так кушать хочется, что и не до страха уже? Меч-то ведь непростой...

– Топай отсюда, г... – абсолютно равнодушным тоном бросил холеный пузан. И кончиком пальца начал любовно счищать кусочки стекла с меча, косо лежащего в разбитой витрине.

– Когда дела начнут разваливаться, – коварным тоном заговорил Серега, – не жалуйся, что не предупреждали. Помни – на мече лежит проклятие.

И вышел, гулко хлопнув дверью. Правда, так громко, как хотелось, не получилось – на дверях стояли какие-то новомодные амортизаторы, панель вошла в косяк с мягким чпоком, безо всякого стука. И тут облом, блин...

Про проклятие он, конечно, наврал. Мальчишеская попытка зализать раненую гордость.

Старушка, стоявшая под уныло провисшим облетевшим вязом неподалеку, воззрилась на него.

Сергеа нахально сказал:

– Топай в магазин, бабуля. Там золотые цацки, а персонал только что поубивали, все мертвые лежат. И золото без присмотра – заходи и бери, что хочешь.

Бабуля опрометью бросилась к массивным дверям антикварного магазина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Видно пана по халяве [6]

У родного дома нервно топтался отец, переминаясь с ноги на ногу. И в глазоньках у него плескалось определенное такое возбуждение, какое Серега видал разве что в глазах забулдыг, сторожащих подходы к винным магазинам, – вдруг да сыщется наивная душа, подаст или уронит... Проходя мимо таких личностей, Серега всегда испытывал смятение – и жалеть таких не за что, но ведь тоже люди...

– Сережа, – потрясенным шепотом выдал отец, – расскажи мне всю правду. Я все пойму, ты слышишь, Сережа!

Герцога Лабрийского будто обухом по темечку вдарило. Толстым таким обухом от хорошего боевого топора. Домой он добирался пешком. Стало быть, с того момента, как он вышел из дверей антикварного магазинчика, прошло достаточно много времени. И... что? Мерзавец директор довел до конца свое гадючье дело? Заявил на него в милицию? И отца уже навестил милицейский наряд...

А как же адрес-то узнали?.. Впрочем, это как раз просто. Внутри тубуса была наклеена бумажечка с фамилией, именем, адресом и даже домашним телефоном. Все это было сделано его собственной рукой заблаговременно – на случай очередного острого приступа рассеянности. Бывало с ним иногда такое-то рубашку наденет наизнанку, то чертежи забудет прямо в автобусе. Вот он и предохранялся. Один разок ему уже возвращали тубус за вознаграждение...

Получается, допредохранялся.

О черт... Сплошной опизимись и пизимись, как сказала бы леди Клотильда.

Он бы долго еще предавался подобным размышлениям, но отец немного дрожащим голосом сообщил:

– Там тебя ждут – в нашей квартире. Пойдем, Сережа...

– Куда? – очнулся Серега от своих печальных дум. «Сухари собирать, что ли...» – мелькнуло у него в голове.

– Наверх, Сереженька...

Отец покорно готов отдать его милиции? Серега очумело втянул воздух. Не то чтобы он ожидал, что отец предложит побег, но...

Папенька и маменька, напомнил он сам себе, это три чеховские сестры, поделенные надвое. Немного наивные, немного смешные. Неистребимо верящие в то, что нужно продолжать жить так, как жили раньше. Сказано – милиция ждет, значит, иди и честно сотрудничай. М-да... стало быть, директор таки обвинил его в краже. Или в попытке оной. Ложные факты иногда на диво правдоподобны.

Ну папенька, ну... Ведь мог бы наврать, что сынок дома уже давно не живет. Скажем, в бегах. ан нет, заверил, что чадо вот-вот появится, усадил ждать...

Но все-таки – родные родители. Если сбежать сейчас, что с ними будет? Они этого не поймут. Для них после такого курьеза родной сын может выглядеть чуть ли не рецидивистом. Побег – почти признание, по упрощенным меркам родителей. Дескать, если честен, то соответствующие органы всенепременно разберутся. И... И в общем, выхода нет. Здесь ему бежать некуда – нету на Земле-матушке Отсушенных земель, где по окраинам

живут его личные и, думается, преданные ему вассалы. На горячо любимой родине действуют законы совершенно иного времени, требующие для каждого беглеца неперменного наличия как документов, так и немалых денег – причем последнего чем больше, тем лучше...

А этого у него нет.

Он вздохнул и поплелся вслед за отцом по ступенькам. В душе нарастал панический ужас, а в голове плескалось только одно, извечное российское – от сумы да от тюрьмы...

Дверь квартиры оказалась незапертой. Внутри было тихо – отважные ребята из органов разыгрывают засаду на опасного рецидивиста? План «Недохват»?

Старший Кановнин двинулся на кухню. Серега уныло – следом. Отец пробурчал:

– Я встретил, покормил... Меня так странно спросили, не найдется ли в моем доме чего-нибудь съестного для голодного защитника слабых и обиженных.

На кухне сидело загадочное лохматое чучело. В черном. Перед ним, как ни странно, стояла тарелка. Большая, широкая. И чучело неловко тыкало в нее вилкой, гоняя по тарелке нелепый серый ком. На сердце у Сереги сразу отлегло. Слава богу, хоть не милиция. И на том спасибо. Но тогда кто же?

Чучело не торопясь подняло голову.

С секунду Серега неподвижно смотрел в яростно-голубые глаза леди Клотильды... Клотильд очки... Кло-ти... А потом заорал:

– Клоти!! Твое сиятельство!!

– Твое благородство, – тягуче поправила его леди. На чистейшем русском. Правда, выговаривала она слова с четким эканьем и выходил у нее этакий жгуче-прибалтийский акцент. Но в остальном – русский как русский... – Неужели забыл, сэр Сериога? Баронесс, а также рыцарей титулуют исключительно вашим благородием. Сиятельство мне пока не по чину. В отличие от тебя, титулованный ты наш!

На Клоти красовалась черная шелковая рубаха, запоясанная широким ремнем. По манжетам и воротнику шла скромная алая прошивка. И в тон ей, практически того же цвета, по мускулистым бедрам ры-царши, обтянутым черными штанами, тянулся узкий лампас. Этак по-казачески.

– Параша, – задумчиво высказалась тем временем леди Клотильда. – Какое интересное слово, означающее, как я понимаю, на вашем языке примерно то же самое, что и гряздец на нашем...

Гряздец, припомнил Серега, означало на языке Империи Нибелунгов донельзя замаранный нужник. Парашу, короче говоря.

– Ну? – грозно поинтересовалась леди Клотильда. – Из какой параша твои слуги, сэр Сериога, выловили этот кусок дерьма, который твой достопочтенный отец в конце концов вынужден был положить мне на тарелку?

И она демонстративно поковыряла вилкой грязно-серый комок на тарелке перед собой. Совместив это действие со зверской гримасой на лице.

– Папа, – сказал Серега, удерживая в горле рвущийся наружу смех. – Ты опять готовил свои любимые котлеты из геркулеса? И не только готовил, но и подсунул их леди Клотильде Персивальской?!

– Сереженька, – забормотал отец... – Это же... Это так полезно. Но твоя гостья... э-э...

И отец вышел из кухни, грустно качая головой.

– Да уж, – с диким и довольным смешком изрек Серега. – Явление баронессы простому

российскому народу, как я погляжу, прошло на ура. Клоти!! Бог ты мой, ты откуда? Как?! И каким ветром?!

– Сэр Сериога! – трубным голосом возгласила леди Клотильда. – Сам король эльфийский предложил мне отправиться в твой мир! А еще он любезно сказал, что я могу и даже должна прихватить тебя с собой! Э-э... на обратном пути, когда буду отправляться назад. Конечно, если только ты сам захочешь...

И она довольно уныло покосилась на котлету из геркулеса перед собой.

– Вот, значит, как, – сказал Серега. – Помнится, когда меня выкинули из Империи Нибелунгов сюда, в мой родной мир, с королем эльфов это тоже было согласовано...

– Я сказала ему те же самые слова, друг мой Сериога, – горячо заявила леди Клотильда. – И он ответил, что тогда, как же это он выразился... это диктовалось опчественной надобностью, вот!

– А сейчас, значит, все в порядке? Или просто «опчественная» надобность теперь диктует другое... Скажем, мое возвращение обратно? Клоти, что ты думаешь?

– Не понимаю я, о чем ты говоришь, сэр Сериога, – насупилась леди Клотильда. – Это я желаю, чтобы ты вернулся к нам! Я! Не хочу тебя обидеть, сэр Сериога, но мир у тебя... какой-то неприятный! И слуги здесь странные. Бегают черт-те где, так что твой благородный отец сам вынужден подавать мне на стол. А уж чем тут кормят – у меня прямо слов не хватает, одни ругательства! Какашка, блин! Поехали обратно, сэр Сериога, я тебя умоляю!

– Клоти, – с любовью сказал Серега, – здесь у нас слуг нет. И эту, как ты выразилась, какашку приготовил мой отец. Ты уж прости, он у меня на овсянке помешан... в смысле любит дичайше всякое такое... натуральное питание, словом.

Клотильда, хлопнув длинными ресницами и взлохматив пятерней кудлатую светлую шевелюру, огорченным голосом перебила его:

– Прошу прощения, друг мой Сериога, прямо-таки нижайше прошу! Не знала я, что твой благородный отец своими собственными руками... благородно изготовил это блюдо! Нет, и впрямь еда эта для сильных духом...

И она недрогнувшей рукой отломил вилкой кусок котлеты и мужественно попыталась запихнуть его себе в рот. Ей это почти удалось, но тут Серега, не на шутку испугавшись за желудок бедной баронессы, перехватил мускулистую ручку Клоти.

– Не ешь, Аленушка, а то козленочком станешь... Клоти! Выплюнь эту дрянь!

Клоти вздрогнула и торопливо проглотила кусок овсяной котлеты, здорово походивший на комок серой замазки.

– Вот, – прожевывая, заявила она. – Надеюсь, теперь твой благороднейший и добрейший родитель простит меня. За мой нелюбезный отзыв о благословенной пище, вышедшей из-под его рук...

Серега решительно выдрал из рук леди Клотильды тарелку вместе с ее содержимым. Дошел до форточки, приоткрыл ее пошире и, щедро размахнувшись, зашвырнул грязно-серую «благословенную пищу» подальше. За окно. Внизу располагался газон, вот и пусть птички, время от времени посещающие эту территорию в поисках хоть какой-нибудь еды, порадуются творенью «благородных» рук...

– Не совсем подходящее для рыцаря деяние это – бросаться пищей...

Но в голосе у Клоти определенно звучала благодарность, так что протест против данного деяния был чисто формальный.

Серега подтащил табуретку к столу и с размаху уселся на нее. Затем обхватил ладонями

кулак леди Клотильды, лежавший на столешнице.

Кулак вздрогнул. И рука леди Клотильды развернулась в его ладонях, как цветок поутру под лучами солнца. Щеки леди, очерченные красивыми, твердыми линиями, заалели темно-розовым цветом, моментально напомнившим Сереге пенку на кипящем смородиновом варенье. Ароматную и сладкую.

– Клоти...

– А у нас все хорошо, – поспешно перебила его девушка. – И наследник твоего герцогства жив-здоров, и его малолетнее величество король Зигфрид благополучно подрастает. Прямо в замке Чехура, под присмотром прапора ордена Палагойцев. За смердами, коих ты спас от Священной комиссии...

– Да это не я их спас, – возразил Серега, – скорее они меня спасли...

Клоти скептически повела бровью. И металлическим тоном повторила:

– За смердами, коих ты спас...

Ну да, смерды не могут спасти герцога – для Клоти это догма. Вот герцог смердов – это да, это пожалуйста. Серега подумал-подумал – и кивнул согласно. Платон нам, конечно, друг, но мир с женщиной всего дороже, даже и истины.

Клоти продолжила:

– За ними приглядывают, должности в замке им определили, текут же наш тоже при делах – удалился в подвалы замка Дебро, желает жить там в комнатах своего предка, думать о возрождении, как он говорит...

Серега восхищенно смотрел на Клоти. Темно-розовая краска уже слегка поблекла, но по впалым щекам еще лежали розовые тени, персиково оттеняя легкий пушок.

– Клоти... Я даже мечтать не смел, что снова тебя увижу! Какая же ты... Какая...

– Сэр Сериога, – насупившись, хмуро сказала леди Клотильда. – Друг и соратник ты мой по странствиям рыцарским. А раз так, то не пристало нам телячьей нежности тут разводить, словно мы двое увешанных талисманами любви влюбленных придур... То есть голубков!

– Не буду, – с нежностью сказал Серега, продолжая поглаживать руку Клоти, слегка трепетавшую под его пальцами. И заглядывая ей в лицо ищущим щенячьим взглядом – ну посмотри же на меня... Ну посмотри! – Я вообще ничего не буду, только ты посиди немножечко вот так, хорошо? Нет, но какая же ты оч... то есть я хотел сказать – отчаянная!

Лицо леди Клотильды слегка разгладилось.

– И еще рыцарственная, и отважная...

– Приятно мне слышать похвалы рыцарским достоинствам моим, – благосклонно провозгласила леди Клотильда в ответ. – И мне тоже приятно видеть тебя, отважный друг мой и соратник.

Сзади, от дверей кухни, раздалось деликатное покашливание. Клоти метнула острый взгляд за плечо Сереги. Он тоже обернулся.

У дверей топтался старший Кановнин.

– Серезенька, можно тебя на минуточку?

– Конечно. – Голос у Сереги по-прежнему был счастливым просто донельзя. – Я сейчас, Клоти! Ты уж посиди тут...

– Посижу, сэр Сериога, – царственно согласилась леди Клотильда. – Полежать мне все равно не на чем... А ты иди, побеседуй с благородным родителем твоим, благословленным от небес таким сыном, как твое сиятельство!

Серега глянул в направлении отца и чуть не прыснул. Глазки у папы были как фары от

его старенького «москвича». Отец развернулся и двинулся по коридору. Серега прошествовал за отцом в комнату – тот шел торжественно-осторожной поступью, словно нес что-то крайне хрупкое, навроде яиц Фаберже.

– Сережа! – Голос старшего Кановнина был наполнен не только тревогой, но и этакой трепетной осторожностью – папенька, похоже, прямо-таки жаждали приступить к тонкому процессу воспитания подросткового дитя, но опасались при этом ненароком повредить хрупкую материю нежной юношеской души. – А... э-э... я хочу сказать, а твоя подруга не будет нас подслушивать?

– Па! – изумился Серега. – Клоти – и подслушивать?! Ну знаешь... Все ее черт знает сколько поколений благородных предков сейчас в гробу переворачиваются!

– Нет, не знаю, – нервным шепотом отозвался отец. – Это какая-то странная сумасшедшая особа... И я хочу спросить, кто она такая и почему пришла к тебе? Что она у нас делает?

– Что у нас делает... – Серега мысленно поскреб потылицу. И подумал: а что я сам тут делаю? Скучно-то как в этом мире, скучно и рутинно...

А какие денечки были в Нибелунгии! Вот именно – какие. Разные, откровенно говоря были дни. И страха в них хватало, и ужаса, и настоящей боли – не каких-нибудь там душевных мук или же творческих – нет, самой физической обычной боли. От пыток Священной комиссии. Но почему-то теперь, отсюда, с родной Земли, те дни казались совершенно другими. И боль как-то смазалась, облекшись дымкой и приобретя налет таких героических страданий...

– Во что ты вляпался, Сережа?

Голос отца вернул его к действительности.

– Ни во что, папа. – Очнувшийся Серега принялся лихорадочно соображать.

Следовало наврать что-то достоверное и не слишком оторванное от реальной жизни. Дабы не навести родителя на мысли о срочной потребности в парочке дюжих санитаров.

– Леди Клотильда – из Литвы, – брякнул он первое, что пришло в голову. – И она... э-э... некоторое время должна пожить в нашем городе. Думаю, ты позволишь...

– Сережа, или ты немедленно мне все объяснишь, или...

– Без «или», отец, – слегка непочтительно перебил он папаню. – Клоти – мой большой и хороший друг. На этом – все.

– Наверное, по переписке? – осторожно уточнил папа. – Я как-то не припомню, чтобы ты ездил в Литву...

– По переписке, – покорно согласился Серега, – Она... гм... баронесса. Литовская. Поэтому не удивляйся, если она вдруг...

– Схватится за меч? – догадливо предположил отец.

– Точно. А что, она уже...

Отец ткнул рукой в сторону стенки, украшавшей их не слишком роскошно меблированную «гостиную».

– Нет, она всего лишь продемонстрировала мне свой арсенал. И спросила, где она его может развесить.

Я предоставил этот шкаф. Для ее... э-э... рыцарского снаряжения.

– Ах да! Это ведь ты ей открывал дверь, так? И много его там?

– Да, – немного грустно сказал отец. – Да, дверь открывал я. Нет, снаряжения немного. Пара зубочисток, как сказала твоя подруга. Два меча, несколько кинжалов, арбалет, еще что-

то, до ужаса напомнившее мне колун. У нас в экспедиции был однажды такой... Помню, медведь как-то раз вышел из тайги прямо на нашу стоянку, увидел этот топориче и тут же убежал без оглядки. Убедительно выглядящее оружие, я бы сказал. Твоя... э-э... подруга объяснила, что это ее личный боевой топор. Вообще-то девушка очень воспитанная – сразу же представилась, зовут, мол, ее леди Клотильда Персивальская. И добавила, что ты, Сереженька, ее верный друг и боевой соратник...

– Ну, все правильно. По имени Клотильда, по фамилии Персивальская. Па, она поживет у нас несколько дней, ладно? Ты уж уговори маму. Скажи, что бедная девушка одна в чужом городе. И что она – сущее дитя. Несмотря на все свои личные и боевые цацки, от которых и медведям плохо становится.

– Сереженька, – еще более трагическим тоном воззвал отец, – умоляю, скажи мне... Твоя боевая подруга случайно не входит в какую-нибудь боевую организацию? Ну, знаешь, патриотическую или еще какую-нибудь. Типа ирландских террористов. Это оружие, эти ее замашки...

– Просто увлечение генеалогией, па. Что поделаешь, у бедной девушки все предки были исключительно рыцарями и баронами. И все – без страха и упреков. Так что у девушки тяжелое детство, фамильные игрушки с самых пеленок...

– Ты хочешь сказать, она несколько двинулась на этой почве? А это не опасно? Я хочу сказать, у нее ведь оружие под рукой и все такое, – осторожным шепотом осведомился отец. И озадаченно моргнул.

– Без проблем. – Серега кое-как согнал с лица улыбку – та, проклятая, как назло, все вылезала и вылезала. – Если тебе покажется, что что-то идет не так, как надо... ты просто извинись. И все. Она после этого всегда сама начинает извиняться. Или же принимает царственную позу, – дескать, снисхожу до вашей ошибки и все такое, я человек незлобивый. В общем, действуй по обстоятельствам! Клотильда в целом девушка добрейшей души, ей только ее аристократические замашки слегка мешают. Ну я пошел?

Серега удалился, слыша за спиной озабоченное бормотание отца:

– Аристократическая особа... Ну и как прикажете ее принимать? Прием организовать? Только где найти подходящих гостей... Может, пригласить тетю Клаву – как-никак полы в нынешнем Дворянском собрании моет, а это уже близость к аристократии...

Клоти, по-прежнему сидевшая на кухне, вместе с табуретом переместилась к окну и сейчас неотрывно глядела за стекло, украшенное высохшими дождевыми потеками. Ближе к низу окна потеки образовывали этакое грязно-буро-серое узорочье. Клоти глядела хмуря лоб, но с определенным интересом. На звук Серегиных шагов она оглянулась. И обрадованным тоном сказала:

– Чуден твой мир при любой погоде, сэр Сериога. Колымаги безлошадные по улицам скачут, аки козлы горные...

– Да и сидят в них иногда примерно те же самые животные, – вполголоса добавил Серега в паузу, выделенную леди Клотильдой для восхищенного взгляда вниз – на нахально-алуую иномарку, со скрипом и визгом выруливающую на выезд прямо по детской площадке.

– А какие одежды носят ваши дамы?! Прямо скажу – пребезобразные! С коленками наружу! Помилуй, сэр Сериога, возможно ли, чтобы женщина благородного происхождения и приличного воспитания демонстрировала свои окорока! Так бесстыдно! Да еще и в чулках тончайших... Позор!

– Дам благородного происхождения у нас нет, – радостно сообщил Серега, наблюдая,

как на лице Кло-ти вырисовывается и разливается во всю ширь самое что ни на есть детское недоумение – дескать, как это? – У нас проще – дам или сразу не дам. Только, умоляю, не спрашивай, что это значит! А что касается коротких юбок – ну, Клоти... Ты же странствующим рыцарем была. Должна понимать – у каждого народа свои обычаи. У нас, кстати, выделяться из толпы небезопасно, так что, возможно, и тебе стоит мимикрировать... то есть переодеться в нашу одежду.

– Мне?! – Клотильда вздернула нос, вложив в это движение максимум аристократизма пополам с обидой. – Никогда такое не надену я!

– Клоти... Да носи что хочешь! – размягченным тоном согласился Серега. – На мой взгляд, ты в любом наряде будешь хороша... То есть я хочу сказать, мужественна!

– В штанах ходить я буду, – рассудила леди Клотильда. – Впрочем, кое-что в ваших обычаях напоминает мне мою любимую родину – вон, гляди, слуги под локти несут своего господина...

Серега подошел к леди Клотильде и с интересом выглянул в окно.

Из соседнего подъезда двое милиционеров с некоторым усилием тащили к бобику местного алкаша Ванечку – и действительно, тащили под ручки. А точнее, заломивши эти самые рученьки назад. Но этого леди Клотильда, похоже, не замечала. В Нибелунгии такие вольности верным слугам дозволялись и даже одобрялись (учитывая, что господа во хмелю и там бывали зело буйны и опасны...). Ванечка сегодня был обряжен в фантастической яркости малиновый пиджачок, подобранный неизвестно на какой свалке. Похоже, именно это и дало повод простодушной Клотильде засчитать Ванечку в класс господ. Но бедных милиционеров-то за что леди-рыцарь отнесла в класс слуг? Они, конечно, слуги народа, но не настолько же буквально...

– Клоти, вообще-то это не слуги...

– Ага, а я не рыцарь, – с некоторой обидой ответила девушка. – Одинаковые одеяния носят лишь слуги одного господина. Даже рыцари ордена поддевают под орденские кольчуги разные камзолы! И штаны фамильных цветов...

Ах ты, эпоха феодальных цветовых различий – всем белое не носить, одинаковое не надевать...

– И все-таки это не так, – с мягкой наставительной интонацией сказал Серега. – Это наши... гм... стражи порядка. Навроде баронских стражников в городе, понимаешь? Охраняют народ, ловят воров, препятствуют росту преступности и все такое. А также в обязательном порядке носят все одинаковое, когда на службе.

Лицо Кло-ти выражало сомнение – мол, возможно ли подобное? Но она промолчала, явно решив не углубляться в странности Серегиного мира. Чудного для нее, надо думать, отныне не только при любой погоде, но и при любой попытке объяснить его. Умница все-таки была его Клоти, хоть и рыцарь. Потому что понимала одну нехитрую истину: если не можешь понять мир, лучше промолчать...

Тут в коридоре зазвонил телефон. Громко и настойчиво. Клоти тут же подскочила на табуретке и обрадованно предположила:

– Не боевой ли рог то трубит? Верно, какой-нибудь рыцарь вашего мира, прознав про то, что сюда явилась я, решил на поединок меня вызвать! Что ж, с радостью облекусь я в доспехи боевые!

– Клоти, – фыркнул Серега, – это телефон. Гм... Понимаешь, в моем мире разговаривают на расстоянии. Не выходя из дома, берешь трубочку телефона и

разговариваешь с человеком, находящимся в другом доме. Телефон – это такое приспособление, в которое ты говоришь, а другой человек на любом расстоянии от тебя – да хоть на другом краю мира! – может слышать и даже отвечать. Вот. Если хочешь, я объясню тебе все это поподробнее...

И тут же прикусил язык. Как объяснить девушке, не знающей даже слова «электрон», принцип телефонной связи? Потребуется как минимум два часа усиленного лекционного трепа, а возможно, и опытные установки для показа...

Клоти заметила его сомнения, но истолковала их, как всегда, по-своему.

– Не стоит, сэриога. Не утруждайте себя так. И не смущайтесь – ваши недостаточные Знания не есть позор для рыцаря, коим вы теперь являетесь. Знаете, магия во всех мирах есть дело неудобоваримое для рыцарских мозгов. Навряд ли вы сами знаете об этом вашем... тилибоне. Я имею в виду, в достаточной мере. Ну а я навряд ли хоть что-то пойму.

И Клоти, напустив на себя равнодушие, очевидно, решила заняться собственным маникюром. С интересом оглядела каждый ноготь, затем, обнаружив на одном из них заусеницу, куснула ее. Что ж, крайне занятный способ показать, что тема исчерпана.

Значит, современная техника для нее всего лишь магия? Это облегчает дело, решил Сергей. Не придется ничего объяснять. Только знай показывай. Надо думать, телевизор она воспримет как аналог сказочного «яблочка по тарелочке».

Он отбросил в сторону размышления и с любовью посмотрел на свою боевую подругу. Какая же она все-таки... Безумно привлекательная, несмотря на свои широкие плечи и нехилую фигуру. Леди Клотильда, бросив в ответ затравленно-смущенный взгляд, опять начала заплывать по щекам густо-розовой краской. Серега одернул себя. Не стоит смущать девушку. Поскольку так можно навести ее на мысли о том, что... О том самом, о чем он сам старался не думать. И старался усиленно, потому что боялся потерять Клоти навсегда. Возьмет и скажет она своим рыцарским басом, узнав о его чересчур пылких чувствах к ней: «Сэр Сериога, между двумя рыцарями не может быть ничего крепче дружеского объятия. Да и то только после усиленной дружеской попойки». И все. И развернется, и...

Может, король эльфов и перетащит его после этого в Нибелунгию, но леди Клотильды с ним рядом уже не будет. А стало быть, нечего сейчас полировать ее знойными взглядами. Надо срочно занять себя чем-нибудь. Чем угодно, лишь бы отвлечься от Клоти. Так... Есть! Даже самого умного рыцаря следует кормить. Хотя бы иногда. Этим он сейчас и займется. Причем приготовить надо что-нибудь такое... этакое, что способно затереть воспоминания о достопамятной котлете из геркулеса.

– Клоти, сейчас ты попробуешь великое русское блюдо! – с энтузиазмом объявил Серега и нырнул в шкафчик с овощными припасами. – Жареная картошка называется. С луком, шкварками и солеными огурцами...

Клоти благосклонно покивала, радостно посветлела лицом:

– Дело говоришь, сэриога. Люблю я познавать кухню тех мест, которые посещаю.

Она поерзала на табуретке, затем уселась лицом к Сереге, начавшему торопливо строгать над раковиной картошку. Через минуту он обернулся, не вытерпев, одарил Клоти взглядом – то ли горячим, то ли уж и вовсе горячечным, потому что Клоти моментально вновь зарумянилась. Серега отвел глаза (по дороге любовно отследив изгиб отставленной в сторону ноги), извиняющимся тоном сказал:

– Только это займет времени побольше, чем овсяные котлеты. Ты уж извини.

Клоти подскочила на табуретке и торопливо ответила:

– Ничего-ничего, сэриога, я подожду. Даже с удовольствием подожду. Говорят, чем дольше блюдо парится, тем быстрее потом в желудок проваливается. Э-э... А ты пока ответствуй, сэриога, как поживал тут без меня?

– Неважно поживал, честно говоря, – быстро пробормотал Серега, утыкая взгляд в раковину с глазастой картошкой.

– Ну вот и рассказывай.

– Не хотелось бы свои заботы...

– У соратников заботы общие, – немного сердито рявкнула леди Клотильда. – И помни, что я тебя вижу как на ладони. У тебя на простодуш... то есть на твоём благородном лице все крупными буквами написано – когда врешь и сколько. Так что давай повествуй все до последнего, герцог. Разгребем совместно, а там, глядишь, и на родину, в Светлую Нибелунгию...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

То, что происходит где-то там

Герослав Де Лабри, бывший когда-то герцогом де Лабри в восьмом поколении, но по превратности судьбы ставший лисом-оборотнем в первом, безмолвно стоял у деревенской околицы. Путь ему преграждал только хлипенький заборчик из редко набранных тощих жердей. Таким заборчиком были перегорожены –оба конца единственной улочки, которая, собственно, и составляла всю эту деревеньку, одно из многочисленных владений нынешнего герцога Де Лабри, пребывавшего на сегодня в нетях. Вспомнив о пропавшем молодом герцоге, Герослав на мгновение отвлекся, но тут же вернулся к реальности. И снова скользнул придирчивым взглядом по деревеньке, притаившейся в темном тесном лесном распадке. На первый взгляд все было в порядке. Собаки не лаяли по дворам, куры не квохтали... Деревенька лежала перед ним россыпью мутных бледных огоньков, едва заметных на черном бархате ночной мглы. Тихая и безмолвная в эту позднюю пору.

Нос дорисовал Герославу всю картину. В одном из ближайших дворов по левую руку недавно отелилась корова – ветерок доносил запахи крови и последа, а также начинающего подступать к вымени молозива. Что еще? Куры в деревне все как одна были здоровы (куроед ты, ухмыльнулся про себя Герослав, лис-оборотень почти со столетним стажем).

Он произнес положенное Слово Приветствия, едва приблизившись к деревеньке. Вот почему молчали собаки, хоть и ощущали его лисий запах, мешающийся с еще более сильным запахом наполовину человеческого тела. Слово Приветствия, на деле бывшее не словом, а комбинацией звуков, неслышимых уху, и запаха, обязывало всю Животную Родню воспринимать своего Старшего Брата и оборотня как должное. И не выдавать его присутствия людям.

Но сколько можно размышлять и обдумывать, как выполнить то, что предстояло сделать в этой деревеньке? Герослав легко перемахнул пусть и через хли-пенькую, зато высокую ограду – для этого ему даже не пришлось перебираться в свою лисью ипостась, поскольку и человеческое его тело двигалось и действовало за гранью возможного для обычного человека. На ноги оборотень приземлился совершенно беззвучно и направился к стоявшей у самой деревенской ограды развалюхе, обозначенной во тьме блеклым сиянием в единственном подслеповатом пятачке оконца, затянутого бычьим пузырем. Собаки в ближайших конурах тревожно завозились. Но опять-таки промолчали, потому что Князь двуликих детей ночи испустил в придачу к уже произнесенному Слову Приветствия еще и Слово Просьбы, теперь уже полностью беззвучное. Кровь и плоть животного мира подчинялась Слову Просьбы как приказу, не считая, само собой разумеется, тех случаев, когда в крови этой кипел азарт охоты, а плоть настойчиво требовала себе пищи. Голодное брюхо к любой просьбе глухо...

Но сейчас его Просьбе все благоприятствовало: собаки в деревне были более или менее сыты и отнеслись к ней со всевозможным уважением. Герослав перевалил за забор и вступил под сень небольшого крылечка, крытого перепревшей соломой. Запах остро отдавался в ноздрях – горечью и влажной гнильцой. Ступил он на крыльцо беспрепятственно, ибо шавка, жившая в этом дворе, также уважила Слово Просьбы Князя ночи. Оборотень трехнул костяшками пальцев по дощатой двери, усиленной, судя по ответному звуку, двумя-тремя деревянными слегами с внутренней стороны, и отстраненно подумал, что у хозяина этой

развалюхи узнать о странностях, творящихся в последнее время на землях герцогства Де Лабри, будет сложновато. Хозяин небогат, раз крышу кроет не черепицей, а соломой – и ту уже года три как не менял, а у бедного крестьянина язык развязывается куда хуже, чем у зажиточного. Ну, в крайнем случае придется денежку метнуть, что дивно способствует развязыванию любых языков...

Хозяева не отозвались на стук с первого раза, и он трехнул в дверь посильнее, невольно сморщившись от легкого саднящего ощущения на сгибах суставов. И почти тут же уловил за дверью целенаправленный топот грузных и донельзя уверенных в себе шагов. Ага, сказал сам себе Герослав, хозяин наверняка из тех типов, которые почитают себя настоящими мужчинами, кое-как и не в полную силу выполняющими тяжкую крестьянскую работу по собственному наделу, попутно при каждом удобном случае попивая горячительные напитки, после чего с азартом поколачивая жен. Покопайся в прошлом такого типа, и наверняка сыщется не слишком удачная служба в замке у местного лэрда, куда он сбежал от тягот жизни обычного смерда, а затем был выгнан с позором или за пьянку, или за воровство собственных же товарищей... Однако этот факт и он, и его односельчане теперь тщательно замалчивают, а на сельских праздествах такие исправно играют роль деревенских заводил и своих в доску рубах-парней для любого, кому потребуются дружки-собутельники. И в таких условиях, конечно, не до того, чтобы перестелить солому на крыше – опчество требует, медовая бражка каждый день у сотоварищей киснет...

В сенцах дорожка шагов на мгновение прервалась, по бревенчатой стене что-то скребнуло. Похоже, лезвие оружия. Значит, точно был на службе у какого-нибудь лэрда и даже умудрился стащить оттуда табельное вооружение. Герослав растянул губы в понимающей усмешке. Ага, все правильно – хозяин дома решил грудью встретить опасность. В затерянной в лесах деревне стук в дверь после заката, да еще и при угрюмо молчащих псах, означает, что в дверь стучит не простой человек. Слишком близок лес, слишком далеки крепости со жрецами Единого, которых всякая нечисть да странные люди обходят стороной – не в пример такой вот мелкой деревне.

Шаги не очень-то торопились к двери, вот запнулись где-то неподалеку от порога – и вновь прозвучал чуть слышный скрежет боевого железа по трухлявому дереву. Кажется, в руках у хозяина был топор. Пока что лезвием вниз. Герослав еще раз чуть заметно ухмыльнулся. Что ж, по крайней мере, хозяин не трусоват. За свою долгую жизнь – сначала человеком, а потом и оборотнем – он встречал немало храбрецов, которые вперед себя выпускали жен, а сами выглядывали из-за женских спин, собираясь дать оттуда мощный отпор...

– Кто? – не слишком дружелюбно спросили из-за дощатой двери.

– Человек. Прохожий, – разборчиво ответил Герослав, стараясь, чтобы голос прозвучал помягче и поприветливей. Авось и подействует...

– Ага, человек, – согласился голос с издевкой. – А я Крым Метакский [\[7\]](#)!

– Поздравляю, добрый человек, – ровно сказал Герослав, стремясь, чтобы голос не выдал насмешку. – Такой богач – да в такой глуши...

– Не финти! – грозно посоветовали из-за закрытой двери. – Люди в такое время здесь не ходят! Да еще так, чтобы их собаки не облаивали!

– Добрый человек, – уже ехидно и с легкой угрозой начал говорить оборотень. – Не бойся, мне всего лишь нужно переночевать. Если не хочешь пустить, укажи, кто в вашей деревне примет меня под свой кров.

– Может, тебе еще и сказать, где горшок с деньгами зарыт? – нахально прогудели из-за двери.

Где-то в глубине развалюхи раздался приглушенный испуганный женский вскрик. Почти в то же мгновение хозяин что-то коротко рыкнул – и домочадцы снова затихли.

– Ты же не хочешь, чтобы я ночевал у тебя на крыльце, – с наглостью прирожденного аристократа заявил Герослав тому, кто скрывался за дверью. – Невежливо, да и перед скотиной в хлеву наутро будет неудобно!

Как бы в подтверждение его слов – а на самом деле подчинившись еще раз произнесенному Слову Просьбы, – в сарае замычала корова. Слова свои Герослав подобрал очень расчетливо: одновременно и намек на трусость, и на возможный ущерб. Посмотрим, сработает ли.

За дверью помолчали, потом сердито буркнули:

– Пройдешь через всю деревню, на том конце за околицей стоит дом Гальды. Можешь даже сказать ей, кто ты, – эту бабу ничем не пробьешь! Она у нас под всеми перебивала, так что одним уродом больше, одним меньше, хэ-хэ...

Сказано было со злобной издевкой. И относилась эта издевка не только к нему.

Герослав неслышно отступил с крыльца, растворяясь в темноте. Стало быть, Гальда – деревенская проститутка. Что ж, может, это и к лучшему. К шлюхам обычно стекаются все новости.

Герослав неторопливо протрусил через всю деревню, перемахнул через ограду на другом ее конце. Дом за околицей выглядел скособоченной грудой. Ни тебе забора, ни сараюшек с живностью. Только маленький пятачок, огороженный штакетником, притулился в дере от домишки, почти под самой кроной близко подходящего к деревеньке леса. Ноздри Герослава дрогнули. Он уловил запах сухого дерева, который источал штакетник, совершенно невидимый в ночной тьме для обычного человеческого глаза, и горьковато-терпкие запахи трав, высаженных за ним. Похоже, Гальда пробавлялась не только древнейшим ремеслом, но еще и промышляла на поприще деревенской лекарки и повитухи. И не только – он уловил влажно-сладкий запах черного зева, травки, которую обычно употребляют деревенские ведьмы для усиления собственных чар. А вот нотка запаха травы клоповника, лучшего средства для отворота. Травка особо ценная, поскольку снимает любой приворот быстро и надежно. Не у всякой ведьмы найдется в огороде клоповник, растение капризное и не у каждой произрастающее...

Что-то тут не сходилось. Ведьма – особа всегда и везде уважаемая... и в особенности – в своей собственной деревне. И редко кто рискнет отзываться о ней так неуважительно, как отозвался о Гальде тот смерд. Даже если предположить, что вышеуказанная Гальда питает слабость к самому постельному делу, что никогда не приносит женщине уважения в глазах окружающих, – даже в этом случае простой деревенский житель не посмеет открыто намекнуть в беседе на то, что их деревенская ведьма ведет себя как шлюха. И особенно в беседе с посторонним человеком. Что-то тут не складывалось...

Оборотень присел возле дома на корточки и вновь втянул ноздрями воздух. Так. Возле дома есть конура – он учуял идущий с левой стороны острый запах собачатины. Но самой собаки нигде не было. Никаких физических признаков животины. И в ближайшем лесу – тоже. Зато от конуры поверх собачатины настойчиво тянуло сладковатым запахом застарелой крови. Почти выветрившимся запахом, что указывало на одно – если что-то и произошло, то это случилось не сегодня и не вчера. И этот факт насторожил оборотня еще

больше. Кровь наверняка была собачьей. И скорее всего, собаку убили возле конуры. Или, по крайней мере, там ее начали бить. Кто же тот смельчак, который бил собаку? Да еще принадлежащую деревенской ведьме... Чересчур ретивые ухажеры? Странно...

Опять странность? А он, надо отметить, страшно не любит странностей – особенно когда они обнаруживаются в незнакомом месте и в таких количествах.

Герослав пожал плечами, прислушался. Что бы ни произошло снаружи, внутри самой развалюхи сейчас все было тихо. И света в окне, кстати, тоже не было. Тишина, темнота... Интересно, уважаемая Гальдасейчас дома? Придется определять это исключительно опытным путем...

Оборотень молчаливой тенью скользнул к двери, шлепнул по ней открытой ладонью. После небольшой паузы внутри хижины кто-то метнулся. Значит, живая душа в доме все-таки есть. Потом что-то тяжелое шаркнуло по полу. Табурет? Скамья?

И снова наступила плотная, вязкая тишина. Если там кто и есть, то этот кто-то пытается затаиться. Проститутка, не радующаяся поздним гостям, резюмировал про себя Герослав. Может быть, у нее время от времени бывают приступы добродетели? И он пришел в разгар одного из таких приступов...

Оборотень еще раз постучал в дверь, теперь уже кулаком. И только тут заметил, что дверь не заперта. Деревянная щелястая преграда под его ударами скрипнула и подалась.

Хоть это и настораживало, но на ловушку не походило.

В домике пахло не слишком приятно – чем-то прокисшим и тухлым. По-прежнему не было света, но Герослава это не заботило – нос рассказывал ему об окружающей обстановке несравнимо больше, чем человеку его глаза. Он прошел через крохотные сени, увешанные связками сушеных трав, неторопливо вошел в низкую горницу и встал посередке. Так. Женщина в правом углу от входной двери. Тепло. Движение. Запах...

Пахло страхом и отчаянием.

– Гальда? – позвал он.

Женщина в углу прерывисто и судорожно вздохнула. Волны страха и отчаяния в запахе сгустились.

«Ну и что теперь, великий умник? – ехидно подумал он. – Будешь пытаться успокоить насмерть перепуганную женщину – вот только сколько на это придется потратить времени? Всю эту ночь... или же ночь и еще следующий день? А затем легкая беседа на тему, что же такого странного происходило за последние дни в ее деревне?» .

– Гальда! – позвал он. – Гальда, послушай меня. Сейчас ты испугана...

Женщина в углу всхлипнула.

– Даже очень испугана, – торопливо добавил оборотень-лис. – Но мне нужно кое-что узнать. Не о тебе! – поспешно сказал он, упреждая очередной всхлип. – О том, что происходит в твоей деревне. Скажи, не случилось ли тут за последние дни чего-нибудь... чего-нибудь необычного. Не приезжал ли кто, не привез ли какие-нибудь новости...

Кое-что здесь действительно случилось, отметил он про себя. С деревенской ведьмой поступили неподобающим образом...

В углу раздалось шарканье. Сгорбленная фигура, едва различимая в слабом намеке на свет, который падал с улицы в окошко хижины, протопала, держась стены, до подоконника, потом дробно застучала кремнем. Камень в слабой руке высекал искры, но огонька все никак не появлялось. Фигура пробормотала слабые ругательства. И еще что-то так тихо, что даже сверхчуткое ухо оборотня не смогло уловить слов.

Огонь вспыхнул резко, яркой синей вспышкой. Ясно, это было заклинание вызова огня. Лицо ведьмы Гальды высветилось этой вспышкой на короткое мгновение сияющим абрисом на фоне абсолютно черной стены – громадные распахнутые глаза, высокие скулы. Он успел разглядеть ее разбитый в кровь рот. И обломок зуба, торчащий над страдальчески опущенной нижней губой.

«Что, черт побери, что здесь происходит?» – подумал Герослав. Но вслух ничего не сказал.

Гальда прикрыла рукой синевато поблескивающее пламя, колыхнула ладонью, словно направляя огонек вниз. Пламя тут же послушно уменьшилось и превратилось в крохотный язычок на носике светильника. Деревенская ведьма недоуменно посмотрела на гостя поверх дрожащего круга света.

– Э-э... – протянул лис-оборотень, раздумывая, с чего бы начать. – Ты зажгла свет, значит, ты согласна со мной поговорить?

Гальда посмотрела на него серьезно и как-то по-детски кивнула. Губы у нее опять дрогнули, разошлись вверх и вниз, открывая обломанные зубы. Так. Лишь бы не заплакала...

– Отлично. – Что бы еще сказать? – А я в благодарность, э-э...

Что можно предложить этой женщине – деньги? Судя по ее лицу, она скорее всего нуждается в защите. Но какую защиту может предложить лис-оборотень избитой деревенской ведьме? Учитывая, что совсем недавно его самого пытались посадить на кол... И пусть рыцарей Священной комиссии, занимавшихся этим, сейчас уже нет в живых, но на место одних всегда могут найтись другие. Вот хотя бы те же рыцари-палагойцы.

Может, забрать ее в замок? Но его самого там скорее терпят, чем любят. Дворня косится, вассалы исчезнувшего герцога Де Лабри то и дело щупают рукояти своих мечей, стоит им случайно только встретиться. Что ждет там эту ведьму – представить нетрудно. Рано или поздно ее начнут колоть косыми взглядами, задевать плечом при встрече, а там и какая-нибудь местная ведьма найдет, что не поленится за денежки или же просто по доброте душевной составить смертный наговор на чужую ведьмачку, которую притащил в замок проклятый оборотень...

Женщина глядела на него испуганно и выжидающе.

– Кстати, а что случилось с твоей собакой? Гальда нервно сглотнула и ответила на его вопрос неожиданно хриплым, низким каркающим голосом:

– Тимоку убили.

– Я... я так и думал. – Он кивнул. – А кто? И главное – за что?

– Он лаял, – ровно сказала ведьма. – Они пришли – он лаял. Мы с ним вместе росли, он уже старый был. А меня любил больше, чем себя.

Вместе росли? Значит, ему вовсе не показалось. И Гальда в самом деле очень молода. Лет шестнадцать-семнадцать. Ее старили страдальческие складки в углах рта, но кожа лица и особенно шеи выдавала истинный возраст. Совсем девочка.

Нет, поправил он себя, уже женщина. Раз уж ее назвали шлюхой...

Ведьма стояла, привалившись к стене и полностью уйдя в себя. Темные впадины глаз слепо уставились на оборотня.

– Гальда, – осторожно позвал он. – Кто это были – они? И зачем они пришли к тебе?

Юная женщина вдруг охнула и сползла по стенке вниз, так, словно у нее разом кончились все силы. Герослав после небольшой заминки скользнул вперед, осторожно вынул из ослабшей руки горящий светильник, отодвинул его подальше по полу во

избежание случайного пожара и задумался.

Что же делать дальше?

Будь он, как прежде, аристократом, непременно счел бы своим долгом кликнуть к даме горничных, поднести ей ароматных кристаллов под побледневший носик... А если говорить честнее – будь он, как прежде, аристократом, он бы на деревенскую ведьму Гальду и не посмотрел. Сиятельные герцоги не приводят в чувство грязных селянок, будь они хоть трижды ведьмы...

Он осторожно похлопал ее по щекам, надеясь, что не спровоцирует этим у девушки какого-нибудь истерического припадка, к чему, судя по ее словам – а особенно по ее состоянию, – она была до опасного близка.

Картина произошедшего выписалась четко и полностью. Так, словно бы он сам при этом присутствовал. Разбитое лицо и то, что он слышал от смерда в деревне, – тут, как говорится, ни убавить и ни прибавить. Стало быть, сельские жители пришли и изнасиловали собственную деревенскую ведьму. Мерзко-то как... А когда ты сам нагибал к стеночке покорную служанку, не спрашивая при этом у нее согласия, а та, будучи холопкой, и помыслить не могла о сопротивлении, хотя в глазках иногда и слезки поблескивали... тебе не мерзко было? Он покрутил головой, сморщился, словно хлебнул чего-то горького.

Не время посыпать голову пеплом, каясь в том, что был аристократом и вел себя так же, как все аристократы.

Герослав хмуро покосился на силуэт у стены. В таких вот деревеньках, затерянных в лесах, люди часто звереют по причине однообразия и скуки жизни. Он ясно представил себе сейчас, как все случилось. И кто из деревенских на это решился. Конечно, вся деревня в веселье не участвовала. Но достаточно парочки подлецов, а в прибавку к ним еще и тройки дураков, подхватывающих любую идею заводил дружным «ур-ря!!». Все вместе – идиоты и подлецы – становятся увлеченной действием толпой. А толпа, как известно, ищет не разумных решений, а инстинктивных. Посовокупляться – это тоже инстинкт...

И все равно произошедшее было слишком невероятно для разума Герослава – смерды тронули ту, которая способна в один присест извести всю деревню. И для этого ей даже не надо напрягаться – стоит только ведьме выйти на дорогу, ведущую к деревне, и произнести смертный наговор на всех жителей, встав при этом лицом на закатную сторону и сложив руки в жесте, запрещающем жизнь...

Значит, произошло что-то еще. И это что-то произошло до убийства Тимоки, а также всего того, что за этим последовало...

И правда на землях Де Лабри начало твориться что-то странное.

– Гальда, почему? Э-э... Я про то, что случилось... Ты знаешь причину?

Девочка-женщина подняла голову и криво улыбнулась разбитым ртом.

– Они не могли поднять на тебя руку просто так.

– Не руку. Они...

– Не надо о подробностях, – торопливо перебил Герослав дрожащий голос. (Да простит его Единый, но не годится он в исповедники для этого несчастного создания. Просто не смеет утешать обиженных тот, кто и сам прежде... гм... не гнушался обижания.) – Они не могли поступить так... Во всяком случае, беспричинно. И кстати, почему ты их до сих пор не уничтожила? Всех, разом?

– Пришли люди... – медленно, словно в забытии проговорила деревенская ведьма. Голос скрипел и дрожал – сорвала криками, осознал вдруг Герослав. И его замутило. – Сказали,

что они освобождают их от дьявольского отродья. То есть от меня. От моей власти, от моей... моей колдовской силы. Они чудные, на них доспехи в странных буквах, я таких никогда не видела...

«Па-ла-гой-цы, – по слогам пропел Герослав мысленно. – Так вот, значит, кто наш враг!»

Познай врага своего.

– Они что-то такое... что-то такое им дали. Я могу колдовать, но защищаться или причинить им вред – нет. Вот...

– Ну-ну, – сказал Герослав, выпрямляясь и окидывая взглядом комнатенку, порядком разгромленную, но с нетронутой кроватью. – Иди-ка собери вещи. Не хочешь? И правильно: что ветошь тащить с собой? Вставай, мы уходим.

– Ну и зачем ты притащил ее в свой замок, позволь тебя спросить? – сердито заявил Эльфедра, материализуясь неожиданно в пространстве большой пустой комнаты, где посиживал Герослав, тупо глядя в незавешенное окно. К Дебро, несмотря на все желание ведьмы уйти как можно быстрее от ненавистной родной деревни, они добрались только под утро. Теперь за окном пылал розово-лиловый рассвет.

Ведьма спала в комнате, которую ему отвели под спальню. А сам он сидел сейчас в комнате по соседству с голыми обшарпанными стенами и совершенно не обставленной, поскольку мажордом покои оборотню выделил в самой старой части замка. Здесь практически никто не жил, и обстановку попримичнее давно уже утащили в комнаты главного крыла, оставив никому не нужное старье. Или же и вовсе пустоту.

Но оборотню в этой старой части дышалось лучше, чем в новеньких парадных, богато отделанных комнатах замка. Кусочки старинной росписи, кое-где сохранившиеся здесь на стенах, он помнил еще с детства. Когда это было – сто, двести лет назад? Впрочем, какая разница! Он оборотень, а оборотни свои года в человеческом обличье не считают, потому что живут почти вечно.

– Ты думаешь, что я должен был оставить ее там?

Эльфедра колко глянул на него из-под сведенных бровей:

– Я проверил, Герослав. Эти истории множатся и уже имеют место чуть ли не в каждой деревне. Собираешься организовать поход во имя спасения ведьм?

Герослав промолчал.

– Я тебя просил только лично проверить, что творится в отдаленных деревнях на землях Де Лабри. Но не предпринимать ничего. А ты...

– Значит, ты знал? – хрипло заговорил вдруг оборотень. – Знал, что там делается, но не сказал мне? И послал меня на разведку, ни словом не обмолвившись о том, что я мог там увидеть?

Король эльфов бегло увел взгляд куда-то за окно. Но в голосе не появилось и капли раскаяния.

– Тогда, когда я тебя просил навестить одну из деревень, я знал о происходящем там приблизительно. Сегодня, разумеется, я знаю гораздо больше. А что ты хочешь? Сейчас эта зараза с амулетами против ведьм распространяется по всей Нибелунгии, как чума. И заметь, Герослав, – всех ведьм твоими кавалерийскими набегами не спасешь. А мне нужно было узнать, как это выглядит на свежий взгляд. Взгляд человека со стороны.

– Дерьмово выглядит, – замороженным тоном сообщил ему оборотень, – но спасибо за то, что назвал меня человеком. Если сравнивать людей с тобой, то это практически

комплимент.

– Герослав, язвительность тебе не идет, – ласково пожурил его Эльфедра. – А что касается определения «дерьмово», то это не ответ. Меня интересует... – Эльф задумался, видно было, что он тщательно подбирает слова. – Как ведут себя простолюдины?

– Веселятся на всю катушку. – мрачно сказал Герослав. – Я и не предполагал, что в них скопилось столько злости и они сейчас всю ее выливают на ведьм...

Эльф скривился:

– Эти дамочки и сами согласно своей природе не подарки. Хотя, конечно, и не звери. Значит, ты говоришь, что простолюдины на ваших землях несколько, гм... распоясались? И насколько же сильны волнения, вызванные в народе этими амулетами и возможностью безнаказанно развлекаться с ненавистными ведьмами?

Герослав, не глядя на него, сердито рявкнул:

– Очень сильны. Если не веришь – съезди сам и посмотри. Или хотя бы загляни в соседнюю комнату. – Оборотень замолчал, а потом поинтересовался с тихим шипением в голосе: – Значит, ты уже знаешь, что причиной бессилия ведьм служат какие-то амулеты...

– Да.

– Хорошо. Тогда еще один вопрос. Ты... ты в курсе, как чинятся эти расправы над деревенскими ведьмами? .

Эльфедра отвел взгляд от окна и посмотрел на Герослава.

– А ты как думаешь?

– Думаю... черт, Эльфедра, ты и сам знаешь, что я думаю. Как-никак только у тебя имеются знакомые служанки по всем тавернам Нибелунгии. Гм... Навещаешь всех по очереди? День первый – служанка из Дебро, день второй – служанка из как-его-там-хутора?

– Дело чести... – скромно сказал король эльфов. – Услужить, кому могу.

– Ты поосторожнее, – живо откликнулся оборотень. – Не перетрудись, собирая информацию. Корешки жуй, настоечки пей...

Эльфедра сел попрямее, выгнул грудь, улыбнулся хищно:

– Сила прирожденных эльфов не нуждается...

– Да ладно тебе, – поморщился Герослав. – Давай-ка лучше вернемся к нашим баранам. Точнее, к нашим деревенским ведьмам. Ты говоришь, что издевательства над ними творят по всей Нибелунгии?

– Да.

– И сделать, как я понимаю, ничего невозможно. Смерды как обезумели...

– Ты все понимаешь, Герослав, – вздохнул король эльфов. – К тому же мы не люди. И вмешайся мы в это – даже и не знаю, какую реакцию породим. И с чьей стороны. Кто-то же раздал крестьянам все эти амулеты. Но кто?

– А давай порассуждаем, – задумчиво произнес оборотень. – Деревенские ведьмы... Те же девушки из простонародья. Выбираются из их числа. А способности к магии возносят их над остальными. Ладно господа – к мысли об их избранности смерды привыкают с рождения. А тут такая же, как ты, в детстве за косички дергал, а как подросла – не смей и за ягодицу ущипнуть, она теперь – ведьма. И ведь смогла стать выше односельчан, удостоилась, а вот твоя сестра – нет, не удостоилась, ее все по-прежнему на деревне Гальдавкой кличут, а вот ведьму – уважаемой Гальдой...

– К чему анализировать? Не все ли...

– Не все ли равно, ты хочешь сказать? Гм... Может, ты и прав. – Оборотень потрепал

нижнюю губу длинным пальцем, оканчивающимся ногтем, больше похожим на коготь, – жест бессознательный, но исполненный одновременно и животной грации, и человеческой рассеянности. – Тянет меня сегодня что-то на анализ. Так что я продолжу, ладно?

Эльф молча кивнул.

– Так вот... Кто-то осведомлен о затаенной ненависти смердов к ведьмам. Кто-то – не будем говорить кто – присылает в каждую деревню, в каждый город некий амулет, из-за которого ведьмы не могут отомстить смердам. Проще говоря, отныне ведьмы – наравне со смердами. Гм... Холопы, по своему обыкновению, отрываются. Ведьмы, естественно, такого не предвидели, они все как одна в ужасе. А смертельные исходы среди них есть?

– Около трех десятков покончили с собой, – виновато сообщил король эльфов.

– Учитывая общую массу ведьм по всей Нибелунгии – вполне терпимая потеря, – вроде как утешил его оборотень, но при этом в голосе не было ни капли сочувствия. – Есть один вопрос, который меня смущает. Пытались ли ведьмы бежать? Конечно, в лесу или в поле долго не проживешь, но все же хоть какое-то время?

– Нет, поскольку есть еще кое-что. – Эльф осторожно откашлялся, нерешительно глянул на Герослава, как бы решая: говорить или не говорить? – Амулеты... То ли на амулеты наложены заклятия, то ли они наложили эти заклятия на селения и земли вокруг них... В общем, ни одна ведьма не может самостоятельно покинуть свое пристанище. Хотя пытались многие. Точнее сказать не могу, поскольку сам мало что знаю.

– А как же я с моей спутницей?

Эльф вздохнул:

– Герослав, мы с тобой давно знаем друг друга. Неужели ты думаешь, что я послал тебя разведать, что творится с народом в глубинке, и не послал кого-нибудь из своих приглядеть за тобой?

Герослав с удивлением посмотрел на короля эльфов:

– Это как же понимать? Меня столь ценят или, наоборот, не уважают?

– Ты слишком привязан к людям, Герослав...

– Хорошо-хорошо. Значит, ты послал человека... Эльфедра чуть заметно поморщился.

– Ну да, эльфа. И он помог мне выйти из села. Так?

– Не тебе. Помощь для выхода требовалась не тебе, а ведьме.

– А зачем? – повысил голос вдруг Герослав. – Зачем он помог этой ведьме выйти из села, если ты считаешь мою затею по ее спасению глупой?

Король эльфов укоризненно посмотрел на лиса-оборотня. Тот приглашающе ухмыльнулся в ответ – дескать, отвечай, не стесняйся.

– Герослав... Мой эльф понял, что ты ее не бросишь. А это неизбежно привело бы к гибели вас обоих. Поэтому он и решил провести тебя с твоей ведьмой через... через заслон.

– Какова природа этого заслона?

– Мой эльф не сумел определить. Он просто... В общем, было темно, только поэтому вы не заметили.

– Вы вошли в лес в одном месте, а вышли совершенно в другом. Какое-то время вы шли через Эльмир. Он вас провел по нему как по коридору, обойдя таким образом тот участок, на котором в вашем мире стоит заслон.

– Значит, мы можем заключить, – бодрим голосом подытожил эльф, – что заслон, природа которого нам неясна, тем не менее твердо стоит на определенном месте в нашем мире. Непроницаем он только для ведьм, для прочих же абсолютно незаметен. Так?

Эльф кивнул.

– Но эльфы могут вывести ведьм оттуда? Я имею в виду из-за заслона.

– Нет! – стальным голосом отрезал Эльфедра, – Эльфы не будут вмешиваться в дела людей. Во всяком случае, напрямую. Как ты думаешь, кто автор амулетов?

Они с минуту молча смотрели друг на друга, а потом почти одновременно начали открывать рот.

Герослав: – Па...

Эльфедра:

– Палагойцы! Тогда мы тем более не должны вмешиваться. Палагойцы и прежде косились на нас, а теперь и вовсе... У нас свои беды, у вас свои. Ты знаешь, что прежде мы перемещали людей в Эльмир и обратно с помощью гуреров [8]?

– Угу.

– А теперь мы это не можем делать. Гуреры вышли из-под контроля, как взбесились...

– Что, неужели наняли жрать всех без разбору?

– Да. – Король эльфов скривился. – И мы уже не можем их задействовать. Что-то произошло, и наша дрессировка не действует. Они стали поедать людей, а не переносить их.

– Но вы, как я понял, вышли из положения? – напрямую спросил Герослав.

– Да, мы задействовали другие методы. Но...

– Которые вам не хотелось задействовать?

– Дело не только в этом, – серьезно сказал Эльфедра. – Да, с гурерами нам было гораздо легче. Сейчас мы вынуждены тратить гораздо больше личной энергии, перенося людей в Эльмир при надобности. А также выходя в ваш мир сами. Нет, дело не в этом. Сегодня мы расстались с гурерами. Завтра, возможно, нам вообще запечатают вход в ваш мир. И что же будет дальше? Эльфы могут ожидать даже нападения на свой Эльмир, настолько непредсказуемо и открыто враждебно ведут себя палагойцы. Единственное, что мы можем сказать точно, – на сегодня они полны страха и злобы ко всем, кто хотя бы на вершок по своему положению и возможностям выше смердов. Ваш сэр Сериога не подумал, что он делает. Он освободил из векового заточения не просто страдающих в вечных муках людей, а колдунов-рыцарей. К тому же здорово обиженных на наш... то есть на ваш мир. И боящихся повторения того, что с ними случилось. Это – опасные люди, Герослав. Потому что они слишком боятся. Боятся, что кто-то снова возьмет над ними верх, что с ними снова что-то случится...

– Понятно, – задумчиво протянул Герослав. – Значит, сейчас они наступают вам, эльфам, на пятки.

И заодно желают упрочить свое положение аж до высот каменного замка Нибелунгов [9]...

Оборотень и король эльфов обменялись понимающими взглядами.

– А эльфы для наших уважаемых палагойцев прямо как бельмо на глазу. Поскольку рыцари-колдуны всерьез опасаются, как бы их снова где-нибудь не запечатали... Силы эльфов неизвестны, а неизвестное всегда страшит людей. Как я понимаю, вы не собираетесь открывать им все ваши магические штучки-дрючки и фокусы, чтобы они успокоились? Нет?

– Мы пока еще не сошли с ума, – твердо сказал Эльфедра. – К тому же, даже открой мы им все наши, как ты выразился, магические штучки-дрючки, все равно у них останется подозрение, что мы что-то утаили. Нет.

– Посему вы и не хотите действовать напрямую. И вам страшно нужны люди:

Клотильда, сэр Сериога, ваш покорный слуга, хоть я и не совсем человек. Но ведьм вы при этом спасти не будете. Ну и что же дальше?

– А дальше, дружище Герослав, будет игра со связанными руками. – Эльфедра улыбнулся нахальной улыбкой. – И знаешь что? Чем дольше я думаю, тем больше утверждаюсь в мысли о том, что ты поступил правильно, приведя эту ведьму сюда.

– Потому что замешан в этом я, а не эльфы?

– Ну... и это тоже. Но главное, Герослав, в другом. Не сомневаюсь, что палагойцы довольно быстро разузнают, куда делась пропавшая ведьма. И интересно, что они предпримут. Для чего-то ведь это делается?

– Ну-ну. – Герослав, все это время шагая из угла в угол, остановился у двери в соседнюю комнату. – Что ж, давай поглядим, что будет дальше. Что-то мне подсказывает, что за всем этим большие планы. И даже очень большие. Правда, пока никак не пойму, какие именно...

– Надо поторопить леди Клотильду и сэра Сериогу с возвращением, – неожиданно сказал Эльфедра. – Мне кажется, именно сейчас самое подходящее время для возвращения нашего чувствительного друга. Лицезреть измученных ведьм – именно то, что ему нужно. Для воодушевления на борьбу с палагойцами и прочее.

Герослав посмотрел на Эльфедру ничего не выражающим взглядом. Но вслух ничего не добавил.

– Кстати, Герослав... – неожиданно серьезно спросил король эльфов. – А то, что ты рассказал... Про чью-то сестру Гальдавку и ведьму Гальду... Ты это взял с потолка, или... гм... твой рассказ основан на действительных событиях?

Князь двуликих детей ночи ткнул рукой в сторону дверного проема:

– А ты сходи туда и спроси.

– Не надо. – поспешно сказал Эльфедра. – Я, пожалуй, пойду. Если что, я появлюсь, ты не волнуйся.

– Угу, – хрипло пробормотал Герослав и оскалил зубы. – Поклон от меня дебровской служанке...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Патетическая

Наутро Клоти встала спозаранку. Накануне они с Серегой прошептались до глубокой ночи, попеременно выясняя и объясняясь, сочувственно сопя в паузах, а потом совместно ругая всех Серегиных врагов на чем свет стоит. В процессе беседы приходилось то и дело перемещаться из кухни в комнату и обратно – поскольку из кухни их дважды выселяли родители, также пожелавшие вкусить бренной пищи. Картошка, которую Серега нажарил на домашнем сале, вышла просто замечательной. И шла на ура. Так шла, что ближе к вечеру ему пришлось повторить сковородку на бис. Серега и сам диву давался, как это у него так получилось – по тарелкам красовалась не просто картошка, а вкуснейшая золотистая россыпь обжаренных ломтиков, щедро приправленная розовато-коричневыми и хрустящими шкварками. И подавалось все это под соленые огурчики, нежно похрустывающие на зубах, да под белые грибки в легчайшем маринаде... В общем, все ели и никто не жаловался. Клотильде картошка понравилась безумно. Настолько, что она всерьез собралась осчастливить Империю Нибелунгов картофельными клубнями – вместе с технологией квадратно-гнездовой рассадки родимого овоща. Технологию поведал старший Кановнин, обрадованный интересом аристократической гостьи к картофелю, этому почти единственному ныне средству выживания российской интеллигенции – ибо какой интеллигент из глубинки не держит своего огородика, в котором и сажает сей на диво урожайный продукт. С одного ведра у интеллигента выходит десять, вот и есть чем кормить семью холодной зимой...

Мама к появлению Клоти отнеслась терпимо. Даже поулыбалась при первой встрече приветственно, задав для приличия парочку вопросов – как, мол, у вас там в Литве? Зимы снежные? А летом на берегу по-прежнему можно найти янтарь? Клоти поначалу в недоумении делала большие глаза, но потом, щедро понукаемая в бок Серегиной рукой, после небольшой паузы согласилась растерянным голосом со всеми мамиными предположениями – да, дескать, снегу там зимами намедет просто пропасть сколько. По самое... в общем, по это. И кантаря этого вашего летом по берегу столько валяется, что хоть одним местом... То есть хоть ногой пинай. Мама умилилась и тут же пустилась в пространное воспоминание об отдыхе в Паланге, куда они ездили с папой еще в те года. Папа, до этого скромно поддерживавший супругу за локоть, всего через пять минут балтийских откровений сумел оперативно оценить обстановку – а может, его просто смутило недоумение в глазах аристократической гостьи, возникшее после маминых восторгов на тему пляжа, где матушка возлежала в купленном из-под полы ку: пальничке (история покупки прилагалась). И уволок маму в спальню – продолжать на свободе начатую тему. В общем, встреча родителей с литовской баронессой прошла так, как Серега и надеяться не смел. И на всю светлость этого вечера легло одно-единственное смутное пятно – момент, когда матушка Сереги решила поиграть в игру под названием «я есть сверхсовременный родитель и понимаю нужды всего подрастающего и созревающего». Свершилось это просто – ближе к ночи любимая родительница заглянула в «гостиную», изо всех сил стараясь сохранить видимость того, что делает это как бы между прочим. Как раз в этот момент Серега с леди Клотильдой посиживали на диване, перешептываясь и возбужденно махая руками. Мама светски улыбнулась, а затем до крайности приятным

голосом поинтересовалась, как именно ей стелить постель для молодежи – вместе или раздельно?

Клоти, вся залившись клюквенным цветом, одним могучим прыжком соскочила с дивана. И отрапортовала, что благородной девице ее происхождения и воспитания неместно делить постель с мужчиной. Особливо в доме его родителей. И, само собой, стелить им надо раздельно. Мама, тут же ответно смутившись, разразилась потоком извинений. И тихонечко ретировалась, запечатлев на осунувшемся за последнее время личике почтительное уважение пополам с ностальгией – дескать, надо же! Какая девушка... Совсем как во времена моей юности...

Сереха, для которого этот вопрос не стоил и выеденного яйца – он-то понимал, что и помыслить не смеет о подобном, слишком уж много значила для него леди Клотильда, слишком уж была... бесценной, что ли, – решил больше маму не смущать. И поставил себе на заметку, что отныне стелить будет сам. Чем и занялся немедленно после ухода мамы, постелив себе на полу, а леди Клотильде на своем продавленном диванчике.

Но все это было вчера, а сейчас Клоти радостно утопала в ванне. После вчерашнего экспресскурса на тему «Как крутить краны и что дергать в туалете» Сереха за нее уже не беспокоился. И сейчас полеживал спокойно, слушая, как Клоти открывает краны на полную мощь и плещется под душем. Клоти даже в своем феодально-магическом средневековье любила помыться, так что современная ванная показалась ей чем-то вроде отделения рая, по недомыслию Божьему спущенного на землю, в Серехин мир.

Итак, Сереха валялся на полу, а Клотильда плескалась в ванной. Мама с раннего утра унеслась в свою детскую поликлинику, так что в квартире теперь стояла блаженная утренняя тишина (не считая, конечно, плеска Клоты под струями воды). Отец, в отсутствие матери неприкаянной тенью отца Гамлета топтавшийся по квартире, сунул голову в двери «гостиной» и шепотом напомнил:

– Серехенька, а как же колледж?

– Пропущу уж, – нахально объявил Сереха родителю. И с хрустом потянулся, гулко стукнув при этом кулаками по полу.

Лицо отца мгновенно приняло укоризненно-воспитательное выражение.

– Серехенька...

– Да знаю я, – безмятежно отозвался Сереха. – Ученье – оно свет, а как неученье – так чуть свет, и на работу... Пропущу один день, ничего не случится. Должен же я поводить гостью по городу, показать наивной девушке все местные достопримечательности – навряде «Макдоналдса» и памятника вечно сушеной вобле...

– Не забудь краеведческий музей, – напомнил Серехе старший Кановнин.

В свое время именно рукой Серехиногo родителя собранию местного краеведческого музея была преподнесена солидная коллекция минералов и кристаллов. В числе которых имелось и несколько полудрагоценных друз – довольно дорогих, надо отметить. Так что теперь отец – а он не чужд был некоторогo тщеславия – всем и всегда советовал сходить в музей. Щедрый подарок был помечен скромной табличкой, прячущейся где-то в самом конце витрин с минералами. Текст на табличке был самый неприятельный: «Преподнесено частным дарителем». Без указания имени.

– Всенепременнейше! – легкомысленно пообещал Сереха. И подрыгал ногой под одеялом, обозначая свое пожелание встать.

– Да-да, – предупредительно сказал отец, – ухажу, Серехенька.

Он успел встать и даже переодеться в свои старенькие тренировочные штаны, прежде чем в комнату вернулась леди Клотильда – вся распаренная после душа, с мокрыми волосами и бисеринками влаги, повисшими на длиннющих ресницах.

– Ну что, сэра Сериога, – дружелюбно прогрохотала леди, запахивая на груди потуже черную шелковую рубаху и вылавливая в ворохе простыней на диване широкую змею рыцарского ремня. – Грядем на завтрак? Ибо дела следует начинать с легкой головы, но – на тяжелый желудок! В смысле наполненный завтраком.

– Грядем, – легко согласился Серега.

И они двинулись на кухню. Там у окошечка с печально опущенной головой сидел Кановнин-старший. Как раз сегодня был день первой выплаты по заему, вспомнил вдруг Сергей. На мгновение ему стало стыдно, что вот он радостный, счастливый, под ручку с любимой боевой подругой – а отец в это время в горести, в печали, в ужасе от всего предстоящего... «Однако теперь я ничем не могу помочь отцу», – с холодной практичностью подумал Серега. И устыдился таких мыслей еще больше, чем собственного радостного личика. Надо будет уломать каким-нибудь способом короля эльфов открыть проход в Нибелунгию не только ему, но и его предкам, – и забрать родителей в принадлежащий ему ныне замок Дебро (правда, пока он здесь, владение, как говорится, было чисто умозрительным).

Одно плохо – замок располагался в Империи Нибелунгов, и факт такого владения ему придется как-то объяснить любимой семье. Но лучше уж потрясти родителей до глубины души рассказом о собственных странствиях в феодально-магических нетях, чем видеть их бомжующими по родному и славному городу Мухолетову...

Отец с появлением на кухне дамы (да еще и аристократического происхождения) тут же благовоспитанно встал. Прямо-таки взмыл с табуретки. И любезно предложил:

– Не хотите ли тертой морковки, милая... э-э... леди?

Титул, который Серега посоветовал отцу употреблять в обращении с литовской баронессой, звучал у того в устах как-то скомканно. И тяжеловесно. Сказывалось советское воспитание, уроки марксизма-ленинизма и классовая ненависть к феодалам-угнетателям...

Леди Клотильду от упоминания моркови аж перекошило. Но затем она пересилила себя и вполне спокойно произнесла:

– Почтительнейше благодарю вас, уважаемый сэра. Э-э... Несомненно, из ваших искусных рук вышло это вкуснейшее блюдо?

Отец покивал, а леди Клотильда вновь ударилась в политес:

– С радостью вкушу я столь достойной пищи...

– Ага, и заработаешь себе изжогу, – перебил ее Сергей. – Отец! Я сам приготовлю для гостя что-нибудь... что-нибудь не такое достойное.

Клоти тут же с радостной дрожью в голосе заявила:

– Действительно. Недостойна я такого чуда кулинарии, как это тертое...

В ее мире, припомнил Сергей, морковку давали только лошадям. Рыцарь, как и положено рыцарю, потреблял внутри исключительно мясо, хлеб, сыр, пироги... На крайний случай похлебку. А тут встретили котлетами из геркулеса, утром травят тертой морковью...

Отец потихоньку ретировался с кухни. Серега, вдумчиво почесав в затылке и перебрав мысленно список имеющихся в наличии продуктов – не слишком длинный, кстати, – решил приготовить на завтрак макароны под сыром. Благо и сыр в холодильнике зазря плесневел, презираемый родителями-сыроядцами и кашедами, и макароны он лично купил на днях –

длинные такие, тоненькие. Словом, рай для того, кто понимает.

Макаронны, приправленные кусочком желто-белого масла и укрытые сверху толстым слоем тертого сыра, Серега еще присыпал соленым мелко резанным укропом. И для красоты разложил по тарелкам несколько длинных полосок копченого бекона, огрызок которого отыскался в глубинах холодильника. Клотильда наворачивала макароны со здоровым аппетитом, подозрительно поглядывая на лужицу кетчупа, которую Серега налил ей с краешку тарелки. Но потом осторожно макнула туда разок вилку с наколотыми макаронами, пожевала и одобрительно качнула бровью. Кстати, к удивлению Сереги, мускулистая длань леди-рыцаря держала вилку вполне уверенно. Хотя в ее родном мире вилок он вроде бы не видел.

– Зело вкусно ты готовишь, друг мой Сериога, – с набитым ртом промычала леди Клотильда и одобрительно постучала кулаком, в котором была зажата вилка, по Серегиному плечу. – Отныне в странствиях наших ты будешь за повара. А я тебе за то коня чистить буду.

– Спасибо, – от души поблагодарил он расчувствовавшуюся рыцаршу. – Я всегда этих зверей боялся.

Трапезу они закончили с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. С тем самым чувством, с каким прежде российский народ, именуемый тогда еще советским, встречал все решения одной судьбоносной партии. Затем Серега сложил посуду в раковину, торопливо помыл. Леди Клотильда предложила свою помощь в столь сложном деле, но он ее решительно отверг. В конце концов, все-таки гостя, дама, баронесса (и в отличие от него, герцога по праву мандонады, Клоти была баронессой по праву рождения). В ответ на отказ та только покивала головой, заметив, что рыцаря красит любой труд. И, со вздохом распустив пояс на одну дырочку, расположилась на стуле повольготнее. Правда, ног на стол закидывать не стала, – видимо, манеры ковбоев и рыцарей имели определенные отличия. Серега, покончив с посудой, уселся напротив. Помолчал, обреченно изговорясь – сейчас, надо думать, начнется разговор о неприятном. О том, как он проворонил меч, о том, как жить и что делать дальше...

– Сэр Сериога, – размеренным тоном начала леди Клотильда, – глупо, что ты пошел к ростовщику продавать свой меч, не наведя о нем предварительно справок. Но ничего, сегодня мы к нему наведемся. Вдвоем. Люблю объяснять наглецам, что Всемилостивейший наш Господь свою заповедь «не укради» написал исключительно для того, чтобы ее хоть иногда почитывали...

Серега кашлянул. Потом облизнул почему-то враз пересохшие губы и сказал:

– Клоти, гм... Здесь так не положено. Если что-то случилось, нужно обращаться к милиционерам. Ну помнишь, к тем, которых ты за слуг приняла...

– Сэр Сериога, – отказалась его понять леди Клотильда, – рыцарь не нуждается в ком-то, чтобы защитить себя или свое имущество. Пока я способна держать меч в руках, мне не нужны одинаково одетые ми... милинеры!

– Клоти, – тоном няни над непутевым дитя проговорил Серега, – в нашем мире нет рыцарей и... гм... другие правила. Мы не имеем права защищать себя сами – мы должны обратиться в органы, написать заявление...

– Не имееете права защищать себя сами?! – с расстановкой переспросила леди Клотильда. И трубно взревела: – Только смерды не имеют права защищать себя сами! Да и то не столько права не имеют они, сколько возможности! И посему принадлежат своим господам, кои и должны предоставлять им защиту! Запомни, сэр Сериога, – каждый

свободный человек имеет право при нужде защитить своей собственной рукой и имущество, и честь свою!

– Клоты, здесь другой мир. И феодальным правилам...

– Сие не правило. Способность защищать себя – чуть ли не добродетель для рыцаря!

– Мне очень жаль, но феодальным добродетелям тут тоже не место! Пойми, Клоты, в нашем мире нет рыцарей. Мы все – одни сплошные граждане!

– Не вижу, чем вы отличаетесь от смердов, – разъяренно выпалила Клоты.

В дверях кухни бесплотной тенью возник вдруг отец. Глаза у него были запавшие. И обведенные синими кругами. Отец внимательно посмотрел народное чадо, посиживающее на табуретке напротив Клотильды. Затем мягким, чуть виноватым голосом произнес:

– А я вот всегда полагал, Сереженька, что Господь Бог выделил нам всем одинаковые добродетели. И выделил их на все времена сразу. И права у людей должны быть примерно одинаковыми – что при светлой заре капитализма в одной отдельно взятой стране, что при темном феодализме. И в чем-то добрая девушка... э-э... я думаю, права. С исчезновением рыцарства в нашем цивилизованном мире исчез и некоторый оттенок свободы.

Серега воззрился на отца. С недоумением воззрился. Что это – «великий Герцен пробудил декабристов»? Ага, а Клоты, значит, страдающего российского интеллигента?

Старший Кановнин сыновнее недоумение, похоже, даже не заметил, добавив с неожиданной горечью:

– Лучше смерть в поединке, как в те года... Лишь бы не находиться в своем нынешнем положении. И пойти некуда, и пожаловаться не на что... А так – перчатку в лицо, и пожалуйте к барьеру! И ни улик тебе не надо, ни расписок, ни судов...

Он повернулся и растерянно побрел по коридору прочь.

Клоты, бросив на Серегу выразительный взгляд – мол, да посочувствуй же ты человеку! – закричала ему в спину:

– Уважаемый сэр Влу... сэр Владимир! Не вините себя! Всякий честный человек может и даже обязан довериться своему другу! Нет вашей вины в произошедшем – одна лишь воля Всемилостивейшего! Утешьтесь же, добрый сэр, прошу вас...

Серега, из которого леди Клотильда вчера успела вытянуть все подробности, в том числе и причину, по которой он потащил свой меч на продажу, слегка смутился. Все-таки это было тайной его отца. Хотя и не за семью печатями.

Но, с другой стороны, укорять Клотильду тоже как-то не с руки. Она же из самых добрых побуждений, по доброте сердечной...

– Клоты, не надо об этом, – шепотом попросил свою боевую подругу герцог Де Лабри. – В конце концов... гм... папа об этом мне еще не рассказывал. Я просто сам узнал.

Клоты ойкнула. Серега посмотрел на ее лицо, такое очаровательное (и даже беззащитное в этот момент!), успокаивающе сказал:

– Все, проехали. В смысле – не будем больше вспоминать. Клоты, ты поняла, что разбираться с хозяином магазина мы не будем? Запомни – иные времена, иные нравы.

– Отвратительные нравы, – гордо вымолвила леди Клотильда. – А вот насчет ростовщика ты ошибся. Мы отправляемся к нему прямо сейчас!

– Нет, Клоты!!

– Успокойся, сэр Сериога. Не буду я крушить зубы этому мерзавцу. Вот папой-бароном клянусь – просто зайду туда, скажу на ушко этой образине, сыну задничного дерьмоеда, два слова – и все! И тут же кругом марш через левое плечо и вон из его лавки.

– Клотти... – с неким сомнением протянул Серега. Если леди действительно не хочет чесать свои кулаки о физиономию грабителя-антиквара, то... то на хрена ей вообще это нужно?

– Клянусь, – жарко побожилась тем временем баронесса, – что не испачкаю благородную длань об его проклятую физиономию, честно выдержу бой с этим искушением, просто скажу два коротких словечка – и тут же вон, радостным шагом, скоком веселым, как оно и положено рыцарю.

– Положено? Скоком? Гм...

– Это из песни. «Баллада о рыцаре, подвергшемся искушению», – радостным тоном доложила ему леди Клотильда. – «Рыцарь, поддавшись искушению, смело длань свою простер. Но понявши, в чем тут дело, живо длань свою отвел. И радостным шагом, скоком веселым попер тот рыцарь вслед за Перигором...»

– Перигор... – сосредоточенно порылся в памяти Серега.

Увы, там все было пусто. Похоже, объект с именем «Перигор» в Империи Нибелунгов ему ни разу не попадался.

– Это был сюзерен того рыцаря, – снисходительно просветила глубоко задумавшегося герцога Клотти. – А длань свою рыцарь отвел не от чего-нибудь, а от прекрасного и обнаженного тела феи Мурлинды, коя явилась совратить бедняжку-рыцаря прямо во время марша!

– А почему же бедняжку? – невпопад поинтересовался Серега.

На лице Клотильды начало прописываться самое что ни на есть глубокое сочувствие.

– Потому что искушение-то было каково!! – взвела добрая сердцем Клотти. – Восчувствуй всю печаль, сэръ Сериога! – Тело у феи сияло прелестью несравненной, один пупок был аки чаша... для благословенного вина. И каждое бедро было аки круп его рыцарского коня, и груди были аки скалы, возвышающиеся над равниной Махаонской...

– Представляю, – пробормотал Серега. Действительно, красоты были живописнейшие. Особливо для любителя горных пейзажей пополам с портретами лошадей. Не женщина, а прямо-таки мечта конного альпиниста.

Клотти же продолжала мечтательным тоном:

– Зловредная фея хотела заставить рыцаря позабыть вассальную клятву своими неисчислимыми прелестями, манящими и зовущими, зовущими и манящими... Так вот! И я, как тот рыцарь, клянусь преодолеть сладостное искушение. Зайду только на два слова – и никому в морду не дам, правда-правда, честное слово и все такое...

Близкое знакомство с великим могучим на Клотти подействовало развращающе, подумал Серега. Леди время от времени начала сбиваться с благородного рыцарского жаргона на язык стандартных русских подворотен – все эти «честное слово», «правда-правда и все такое»... Того и гляди, запахнет родным трехэтажным матом... Впрочем, оборвал себя Серега, что за ханжество? Если хорошенько покопаться в памяти, леди Клотильда и в Нибелунгии отнюдь не брезговала крепким словом и даже коллекционировала особо выдающиеся перлы. Так что речь идет не о падении высокого рыцарского нрава, а о логическом продолжении оногo в другом языке...

Серега с сомнением качал головой и просвещал Клотти на тему того, чем это может быть чревато: и ОМОН, и обвинения в угрозах (а то и в краже!). Но Клотти уже тащила его за рукав по коридору и приговаривала, что опасности никакой, она его вообще с собой брать не собирается, он подождет ее снаружи. И слова те совсем не страшные, она клянется, и с

Сергей ее никто не свяжет. Просто два коротких слова!

«Я знаю два слова, два матерных слова», – всплыло вдруг в голове у Сереги. Интересная аналогия...

Небольшая заминка в движении наступила у самых дверей. Серега вдруг разглядел на вешалке массу черной, скользко шуршащей ткани – новые занавески, что ли? Последние мамины изыски на дизайнерском поприще? Странно, что он их прежде не видел...

Но тут Клоти решительно протянула руку и содрала с вешалки всю эту массу. И Серега все понял. Клоти явилась сюда в своем рыцарском плаще – длиной до шпор и шириной с целое море. Верность имперской моде...

Вереница складок из тяжелого имратинского [\[10\]](#) шелка опахнула пол и сомкнулась на плечах Клоти. Мощная фигура леди-рыцаря, облитая с ног до головы черным складчатым шелком, смотрелась потрясающе. И в то же время была несколько отставшей от моды – лет этак на семьсот – девятьсот...

– Клоти, может, наденешь мамино пальто? – робко предложил Серега. – Все-таки поздняя осень на дворе, в твоём плаще может быть холодновато...

– Не бойся за меня, друг мой Сериога. – Леди улыбнулась во всю ширь своего оскала, затем мощно хлопнула Серегу по плечу (и хотя он уже не присел от этого, как то бывало прежде, но коленки все-таки ощутимо дрогнули). Леди на глазах вновь превращалась в ходячий бронетанк феодальной эпохи. – Если рыцарю не хватает для обогрева одного плаща, значит, ему уже не стоит странствовать! Мне же пока далеко до упокоения в замке предков!

Сказала как отрезала. И железным шагом вынеслась на площадку, утащив за собой по пути Серегу, едва успевшего натянуть на ходу дешевый китайский кожушок.

Клоти выделялась на городских улицах и статью, и ростом. А также своим экстравагантным видом. Но лишь немногие оглядывались ей вслед – современная мода нынче зашла так далеко, что в ней вполне могло найтись место и рыцарскому плащу феодальных времен. Лишь особо посвященные барышни косились на Клоти слегка пораженными взглядами, в которых просвечивала обида пополам со жгучим интересом к новому фасончику, дико новому и наверняка завезенному здоровенной девицей из самих столиц. Или же и вовсе из блаженной заграницы...

А вот утомленного вида тетки и рабочего облика мужики топали мимо них по улице с совершенно равнодушными лицами. Они-то как раз не видели слишком больших различий между плащом Клотильды и осенними одеяниями прочих дам – в виде сероватых роб, завешенных шальями с кистями и бахромой, а также черных солдатских шинелок, в которых ныне бродили чуть ли не поголовно все девицы города Мухолетова.

Они подошли к троллейбусной остановке, и Серега решил, что сейчас самое время для небольшой лекции. Хотя Клоти уже видела «самодвижущиеся экипажи», но идея общественного транспорта все же требовала отдельных пояснений.

– Клоти! Мы тут ездим по нашему городу на таких... ну, каретах. Общественных. За небольшую плату. Кареты называются – троллейбус. Когда он появится, делай все, как я, и ничему не удивляйся. И учти, что наши кареты – без лошадей. Двигутся путем волшебной силы.

– Ага! – обрадовалась Клоти. – Жажду увидеть очередное чудо твоего мира! Но не волнуйся ты так за меня, сэр Сериога. Достаточно вежественна я и знаю, что не полагается рыцарю глазеть по сторонам с разинутым ртом, аки простолюдину. Да и с магией я вполне знакома. Обещаю выполнять те же самые движения, что и ты. Ну, где же твой трилибус –

показывай!

– Надо ждать. Подъедет.

Обещанное чудо появилось достаточно скоро – к великому Серегиному облегчению, потому что Серега уже начал беспокоиться за Клоти, одетую всего в два слоя шелка – рубашку со штанами и плащ. Правда, возможно, у нее под рубашкой было еще что-то... Воображение лихорадочно заскакало, описывая нижнее дамское белье феодального периода. Он прикрикнул на себя – в животе ощутимо потяжелело, и за-дышалось сразу как-то слишком часто. Увы, не время было для фривольностей и не место... Они влезли в распахнутые двери обшарпанного троллейбуса – Серега впереди, Клотильда за ним. И тут же прошли на пустынную заднюю площадку, встав там лицом к заднему стеклу. Точнее, так встал Серега, а Клотильда просто послушно последовала его примеру, как и обещала. Он глянул на нее искоса.

Лицо баронессы оставалось таким же спокойным и ровным, каким было и до появления в ее жизни чуда под названием «троллейбус». Она никак не отреагировала даже на появление кондукторши, получившей от Сереги помятую десятку. Во всяком случае, внешне не отреагировала.

Но как только та удалилась, баронесса сказала доверительным шепотом на ухо Сереге:

– Лишь две вещи смущают меня, сэр Сериога. Как я понимаю, ты вручил этой славной женщине деньги?

– Да. Понимаешь, Клоти, никто не будет возить тебя бесплатно.

– Это-то как раз я понимаю, – рассудительно заявила Клоти. – А вот почему у вас такие деньги? Словно... словно маленькие мятые тряпочки. И еще – зачем вам такие большие города? Вы здесь вынуждены заводить опчественные кареты, чтобы добраться на них из одного конца в другой. Не проще ли, как только город дорастет до определенного предела, прекратить селиться в нем и создать другой город неподалеку?

– Клоти, – принялся объяснять он. – Когда-то у нас все города были небольшими. Как и в твоём мире. Но потом... гм... население размножилось, у горожан, видишь ли, время от времени рождались дети, а им, в свою очередь, тоже нужно было где-то жить...

– А надо было просто изгнать из города часть простолюдинов, – с готовностью предложила Клоти. – За городскую ограду. И население враз бы сократилось, и город бы не рос. Да, а потом время от времени повторять подобные вещи – и так бороться с ростом городского населения.

Серега фыркнул.

– Знаешь, Клоти, чем больше город, тем больше налогов. А население в поле выгонять – так это же растраниживание людских ресурсов. И к тому же потеря налогов.

– Налоги – это да, – тут же согласилась Клоти. – Особенно для владельца города.

Он хотел было объяснить Клотильде, что владельцев у нынешних городов в этом мире уже нет, есть единое правительство где-то в Москве, и все тут, но подумал хорошенько и махнул на это рукой. Зачем это ему и зачем такие подробности леди Клотильде? На нее и так вывалилось слишком много информации: телефоны, телевизоры, троллейбусы...

Они доехали до нужной остановки и спустились по помятым троллейбусным ступенькам все в том же строгом порядке – спереди Серега, за ним в кильватере леди Клотильда.

Он довел баронессу до дверей антикварного магазинчика, в душе раскаиваясь, что поведал Клоти подробности инцидента с мечом. И даже сделал довольно настойчивую

попытку пройти внутрь.

Но Клоти, уже начавшая героически прогибать спину (в целях устрашения, надо думать) и расправлять плечи, и без доспехов достаточно широкие и внушительные под складками черного плаща, моментально пресекла всю эту самодеятельность:

– Сэр Сериога! Как уже сказала, одна войду я в логово этого гнусного гада... И хочу сказать — да не бойся ты за эту харю! Я же понимаю — у вас своих обидчиков обижать не принято. Их у вас принято исключительно любить и жаловать! С этими... братскими поцелуями в щечку, во!

Сергеа и хотел бы возразить, но вовремя вспомнил знаменитое библейское — «и возлюбите врага своего» — перепев Клотильдиной фразы.

Баронесса Дю Персиваль тем временем добавила внушительно:

– И запомни, сэр Сериога... Хоть ты у нас теперь и герцог, но у меня так же, как и у тебя, есть право поступать по своему усмотрению. С любой личностью — хоть в этом мире, хоть в другом. А тебе идти туда просто глупо. Меня же этот похититель рыцарских доблестей не знает и посему спокойно выслушает от меня кое-что. А именно — что надо!

И Клоти широченными шагами унеслась в двери магазина. А Сергеа остался стоять под накрапывающим с хмурого осеннего неба хлипким дождичком и ждать простодушную баронессу, почему-то свято верящую, что вразумить при желании можно всякого. Словом ли, кулаком ли...

Он топтался возле магазина, нервно переминаясь с ноги на ногу, и не замечал, что давно уже очутился посреди глубокой лужи, холодной и до ужаса мокрой, как то и положено любой луже на излете осени. И все благодаря своему нервному топтанию. Клоти все не появлялась, время тянулось медленно, на душе кошки скребли... Ну и так далее.

Он уже вознамерился было ворваться в магазин с богатырским кличем «Не трожь мою девушку!», как вдруг двери распахнулись во всю ширь и Клоти вывалилась из них — вся розовая и довольно улыбающаяся. Следом из магазина никто вроде бы не рвался, и Сергеа враз успокоился. До какой-то степени. И даже позволил себе расслабленно спросить:

– А собственно, Клоти... Что ты ему сказала? Я имею в виду те два слова...

– Те самые, великие, — с достоинством произнесла Клоти. — «Не укради». И еще я ему сказала, что послушать ответ приду завтра.

– За... зачем придешь?!

– За ответом, сэр Сериога. И не волнуйся так. Вот хмырь этот совершенно не волновался. Удивился только. Да и то самую чуточку.

– Клоти, — Сергеа протянул руку к высокому чистому лбу своей боевой подруги, — может, у тебя жар... Да вроде бы нет. За каким ответом ты собираешься завтра прийти? За вольным ржанием в лицо?

– Сэр Сериога! — крайне довольным тоном заявила в ответ на это леди Клотильда. — Надо же дать человеку возможность раскаяться! Чистосердечно. И искренне надеюсь я, что за предстоящую ночь величие этих простых слов поразит его в самое сердце!

Что-то здесь было не так. Пусть Клоти и страдала некоторой наивностью, сопряженной со здоровой долей простодушия... но не могла она зайти в магазин только для того, чтобы этак игриво прошептать на ухо давешнему толстячку в полосатом костюме заветное «не укради». Не может рыцарь, знающий слово «ростовщик», верить в раскаяние подобного типа.

– Знаешь что, Клоти...

– Есть хочу, – радостным басом оборвало его наивное дитя феодальной эпохи. – И еще хочу посмотреть этот самый... памятный обелиск Вечно Сушеной Вобле. О котором ты вскользь упоминал вчера вечером. Надеюсь, то был достаточно великий рыцарь?

– Э-э... Это вечно сушеная вобла-то? – переспросил не успевший прийти в себя Серега. – Гм... Да, вобла – это вообще великая вещь. С ног до головы вся в чешуе – как в доспехах. Ты права, это почти рыцарь...

И он затолкал поглубже собственные сомнения – все равно ведь не скажет! – посвятив время лицемерию радостно-светлого лица Клоти.

– Есть хочу, – напомнила Клотильда. – Кстати, я еще не видела здешних трактиров, дорогой мой сэр Сериога. Но смею предположить, что и ваши трактирщики вороваты. И отнюдь не меньше наших разбавляют вино водой. Хоть здесь и другой мир, как ты говоришь, но твердо уверена я, что люди везде одинаковы.

Серега кивнул и пробормотал строки какого-то поэта:

– Натура человеческая вечна – что для нее миры и времена? Всего лишь бесконечность...

Он нашарил в кармане несколько купюр – собственные скудные сбережения, оставшиеся от разгрузки ящиков. Прикинул и решил, что на какое-нибудь скромное кафе вполне хватит. Затем Серега обозрел критическим оком улицу, змеей убегающую за поворот, в уме перебирая все ее бесчисленные кафе и забегаловки. Ну... Через два квартала тут имеется как раз то, что ему подойдет.

– Клоти! – начал было он.

И остановился. Пусть здесь нет ни поместья, ни его вассалов, но он все же герцог. А дама рядом с ним – леди и баронесса. И вообще Клоти учила его всячески блюсти приличия, особенно на людях.

– Миледи Клотильда, – церемонно сказал он и вскинул правый локоть, предварительно согнув его. – Предлагаю вам руку. И пройдемте в один местный... гм... трактир. Недорогой, но, смею вас заверить, относительно приличный.

– Само собой, сэр Сериога! – захохотала Клоти, выпростала руку из складок плаща и грохнула ее на Серегин локоть. – Однако должна заметить... Вижу, что по-прежнему ограничен ты в средствах? Ну?

У Сереге внутри все тоскливо дрогнуло. Ага. Вот его болевая точка. Девушкам не нравятся бедные...

– Эльфийский король, – проникновенно сообщила Клоти, – именно это мне и предрек. Сказал, что верит он в твою способность быть... гм... интеллигентом! Во. Слово-то какое – звучит прямо как ругательство. Надо будет запомнить на всякий случай, будет чем блеснуть в рыцарских собраниях... Ну вот, он сказал, что тут все повторится. Прямо как в Империи Нибелунгов – ты и тут будешь нищ и гол, как этот самый...

– Сокол, – мрачно подсказал Серега.

– Нет, он сказал про другую птичку! Вроде как оципаный петух...

Серега от души представил, как дает по роже его эльфийскому величеству.

– И он сказал, что непременно поможет. Надо будет только щелкнуть пальцами и погромче сказать три раза: «Бухорлог! Бухорлог! Бухорлог!»

– Ага, – злым голосом прокомментировал сообщение про бухорлогов Серега. – А насчет «сим-сима» там ничего не говорилось? Волшебник хренов...

На душе было муторно и тоскливо. Конечно, его эльфийское величество Эльфедра не

виноват в том факте, что он, Серега, лицо не слишком обеспеченное. В материальном плане. Но и тыкать этим в лицо – это уж простите. Не по-королевски это, ваше величество...

– Короче, «Бухорлог!» я уже сказала, – до ужаса довольным тоном произнесла Клотти. – Теперь остается только ждать. Глянь по сторонам, сэр Сериога, не грядет ли помощь? А я тем временем посмотрю в небо.

– Зачем?

– А вдруг оттуда да ка-ак дастся кошелем по голове!

Логично. Оконце между Нибелунгией и его собственным миром открыться могло на любой высоте. И даже легкий предмет, условно выражаясь, набрал бы вполне приличное ускорение. Так что следовало смотреть вверх – знаменитое «люди гибнут за металл» в такой ситуации могло обрести слишком уж буквальный смысл.

Интересно, эльфийский король хоть знает, что в этом мире нибелунгские чаури не котируются? А то вдруг возьмет и пришлет именно их. Правда, они все равно из золота, так что пригодятся.

Хотя у него уже был опыт со сдачей драгметалла. И не слишком удачный.

Клотти сосредоточенно уставилась в небо, хмурое и беременное дождем.

Серега в свою очередь тоскливо перевел взгляд на окрестные дали.

И вдруг увидел неторопливо бредущую по направлению к ним девицу в умопомрачительно коротком плащике. Одевание было ядовито-зеленого цвета, и на его фоне яблочно-зеленые волосы незнакомки гляделись чуть ли не нормой. Зеленое на зеленом – почти терпимо...

Что-то было в девице знакомое. И лицо под громадными солнцезащитными очками (совершенно неуместными при полном отсутствии солнца) было настолько бледным, что даже отдавало странной голубоватостью.

– Эльфева, – с некоторым оттенком пренебрежения высказалась стоявшая сбоку Клотильда. – То бишь дамочка из эльфийской породы. Отлично. Значит, кошелек с небес бояться уже нечего. Что меня, кстати, только радует, ибо считаю я, что с неба гадить положено только голубям. Или же прочим птицам.

– Точно, – потрясенным тоном подтвердил Серега. И замолчал.

Летящей походкой шла по земной улице эльфева Эльфирра. Та самая, с которой он провел когда-то вполне определенное количество времени. И провел наедине. Так что и время было потрачено не без пользы, и вообще...

– Ваш-ше сиятельство... – с привычной уже прибалтийской расстановкой (на манер леди Клотильды) пропела Эльфирра. – Разрешите...

И она сунула ему под нос тонкую ручку, ослепительно при этом улыбаясь.

Леди Клотильда кашлянула, уголком губ прошептала в сторону Сереги:

– По этикету, сэр Сериога, следует вам сейчас склониться галантно и устами облобызать...

– Да-да, – потерянно ответил Серега. – Счас...

Он неловко наклонился, тукнулся носом в ручку.

Эльфийская девица Фира почему-то захихикала, выдернула ручку и перевернула ее ладонью вверх.

Что называется – подловила. На нежно-голубой ладошке покоился тугой рулончик долларовых банкнот. В солидном достоинстве.

– Вот, – сказала Фира. – Наш эльфийский король у ваших заокеанских гномов

надыбал...

И она опять захихикала, при этом кокетливо и хитренько подмигнув ему обоими глазками. А еще стрельнув ими попутно в сторону леди Клотильды. С определенным таким и очень нехорошим намеком стрельнув. Типа – «ну и что, она все еще не знает?».

К счастью, леди Клотильда к подобному хихиканью отнеслась совершенно хладнокровно. И продолжала смотреть на эльфа с сытым равнодушием обожравшегося дракона, которому после двух десятков девственниц вот лично эта – уже и даром не нужна...

– Ну да, – напряженно пробормотал Серега. – Однако... Я бы взял, но герцоги у женщин денег не берут.

Он ощущал стыд и отчаянное неудобство. А самым оскорбительным было то, что получение денег в такой ситуации (и при таких условиях) больше походило на милостыню, чем на обычное заимствование денег в долг. К тому же деньги протягивал эльфийский король, успевший Клотильде охарактеризовать его со своими денежными затруднениями самым ругательным в России словом – интеллигент...

– О-о? – заинтересованно протянула эльфева. – Но тогда у нас получается трудная ситуация. Я пытаюсь деньги отдать, но их почему-то не желают брать. Увы, что делать нам?

– Да никаких трудных ситуаций, – отрезала леди Клотильда. – Давай сюда деньги, уважаемая эльфева. Я их лично подержу, пока наш герцог не проспится...

То есть не поумнеет! Эка загнул – герцог денег не берет... Сэр Сериога, да настоящий герцог гребет все, что ему под руку подвернется!

Клоти протянула руку и решительно сгребла рулончик.

Девушка Фири, решенная матерью-природой (эльфийской природой!) в зелено-голубых тонах, почему-то снова гнусно захихикала. И глазками опять повела—и опять-таки с намеком.

– Не пойму, чего смешного видишь ты, уважаемая эльфева, в поручении своем, – мужественным голосом произнесла Клоти. И вопросительно уставилась на эльфийскую девушку Фиру. Нехорошо так уставилась, со спокойной угрозой во взгляде. – Или это встреча с нами так тебя рассмешила? И ты оттого все хихикаешь и хихикаешь, как деревенская девушка на выгоне? Ну, та, к которой рыцари подбегают, дабы подол ей задрать?

В воздухе запахло оскорблением. И оскорблением прямым. Два девичьих взгляда – насмешливо-зеленый и яростно-голубой – скрестились двумя шпагами.

– Отвратительная погода, не правда ли? – в лучших английских традициях заорал на всю улицу Серега, пытаясь отвлечь девушек от затронутой весьма скользкой темы.

Но девушки и бровью не повели. Эльфирра с насмешкой бросила:

– Уважаемую леди-рыцаршу интересуется, почему я смеюсь? Кое-кто ведет себя совсем как законная супруга, спешащая перехватить монеты у зазевавшегося муженька...

Слова произвели эффект свалившегося на голову ночного горшка, и свалившегося вместе со всем своим содержимым. Клоти громко сглотнула и залилась темно-красным стыдливым румянцем. Наступила тяжелая пауза, в течение которой эльфева Фири опять начала похихикивать и подмигивать.

– Ну все, хватит, – выдавил опомнившийся Серега. – Фири, душка, давай свои деньги и проваливай отсюда. В темпе. А намеки свои засунь знаешь куда... В общем, не намекай!

Клоти демонстративно посмотрела в небо. Фири обиженно поглядела на него. Серега подвигал бровями, нагнал на лицо значительную мину. С намеком сказал:

– Кстати, пока ты еще не ушла... А то я вижу – ты так торопишься, уж так торопишься...

Как ты сюда попала, а, Фира? То есть откуда? Может, пригодится, знаешь...

Лицо у эльфевы Фирочки тут же разгладилось. Ехидная усмешка исчезла как по волшебству, и хихиканье умолкло... И даже личико посерьезнело, враз приобретя этакий налет суровой таинственности – в лучшем духе рыцарей плаща и кинжала. Перед Серегой стояла вылитая радистка Кэт – вот только решена была она исключительно в зеленом цвете. От волос и до плаща...

Фира – Кэт помигала, подвигала зелеными бровками на высоком голубоватом лбу и деловито заявила:

– Здесь неподалеку есть портал. Для незнающих объясняю: портал – это такое место, откуда можно сразу попасть в вашу вожделенную и пресветлую Империю Нибелунгов. Что-то вроде точки, где находится невидимая дверь, которую может открыть только знающий и посвященный. А также заранее приглашенный... Кстати, сэр Сериога, гордитесь, поскольку этот портал наш великий король Эльфедра сваял специально для вас. Дабы вы могли без забот при нужде вернуться в свою занюханную и посконную... впрочем, вы уже знаете куда. А теперь внимание – объясняю, как добраться. Вот так прямо шагаете по улице во-он в том направлении и через два квартала увидите телефонную будку... красного цвета. А дом, к которому ее прилепили, выкрашен в синий. Так что не ошибетесь, если вдруг понадобится срочно обратиться отсюда. Заходите в телефонную будку, набираете номер и говорите кое-что.

– Что?

И вот тут непрошибаемая Кэт – Фира залилась сиреневым цветом. Нежнейшим и совершенно очаровательным – как раз таким цветут по весне кусты махровой сирени в городских скверах.

Неужто румянец? Ну да, кожа-то у нее голубая, а значит, и румянец будет отливать голубизной...

Сереге даже несколько залюбовался на это дивное видение. Но тут двинулась рядом Клоти, мощно дыхнула и шумно прокашлялась. Враз опомнившийся Сереге отвел глаза от сиреневого личика, украшенного огромными зелеными глазищами (хотя и с некоторым усилием отвел), строго сказал:

– Ладно, Фира, не тяни резину. Давай говори номер. И этот самый... пароль.

Фира осторожно откашлялась.

– Ну... Знаете, у нашего короля есть один грешок. Маленький такой, но...

– Ну и что? – удивился Сереге. – В конце концов, я не исповедник. Да и он... гм... не донна Анна при исполнении. Так что при чем здесь королевские грехи? Пароль, Фира, пароль – и мы разбежались!

Фира многозначительно приподняла брови. Затем высказалась намекающим тоном:

– Любит он у нас... ну, пошлый юмор. А уж после того, как посетил ваш мир на предмет ваяния портала, – тут и вовсе удержу не стало. Нахватался здешних перлов из какого-то «ящика», и теперь от некоторых его фраз все эльфы аж за уши хватаются.

– Эльфедра посетил наш мир? – несколько напряженно спросил Сереге. – И даже в гости ко мне не зашел, шалунишка противный... Что же он так?

– Э-э... – подрастерялась зеленоволосая «радистка Кэт». – Но ведь... Но ведь его королевское величество просто так в гости никогда не заглядывают. Точно! Им требуется официальное приглашение...

– Приглашаю, – как можно официальнее произнес Сереге. – Жаль, открыточку не знаю куда послать. Но я устно, через тебя. Пусть заходит по-свойски. Обязательно обеспечу

банкет с дворником дядей Колей во главе стола...

И констатировал с грустью: «Ехидничаю. Да еще так мелко. Ну сказали обо мне кое-что нелицеприятное за глаза. Все равно не повод вести себя как обиженный киндер над занятым горшком...»

«Радистка Кэт» позволила себе слабый намек на улыбочку. Дескать, мы тут вместе бьемся на переднем фронте борьбы и можем посудачить на тему отцов-командиров, прячущихся в теплом тылу... Затем Кэт– Фира стерла с лица все следы радостного понимания и стальным голосом продолжила:

– Мы остановились на пароле. Изысканным его не назовешь, но за неимением лучшего... Набираете 05-05-05 и говорите: «Пора штаны снимать». И срабатывает...

Клоти возмутилась:

– И верно, дурновкусие это! И непристойно для короля! И... и для меня, рыцаря, еще непристойнее будет, если произнесу такие речи!

– Я сам произнесу, – решительно утешил разобиженную деву Серега. – Я сам, я не гордый... А тебе спасибо за информацию, товарищ Фира. Кстати, штаны можно менять в любое время? Я имею в виду – заходить, звонить и отлетать в мир иной?

– А то как же, – насмешливо произнесла Фира. – Когда речь идет о таком важном предмете, как штаны, мы готовы помочь в любое время дня и ночи. То есть это портал готов. Ну все, пока. А то мне еще надо явиться с отчетом о нашей встрече к его королевскому величеству ...

Фира, хихикнув, развернулась и быстро пошла по улице игривой походкой. Подол короткого зеленого плащика то и дело взлетал над очаровательными голубоватыми ножками, порхал и танцевал вокруг стройных бедер, обнаженных до неприличия...

Клоти вдруг встрепелась и трубным голосом проорала в сторону удаляющейся Фиры:

– Благодарим тебя, уважаемая эльфева! Э-э... Из рук твоих пришло к нам спасение! И из уст! И много благодарностей тебе за это!

В окнах звенькнули стекла. Семенящая мимо бабулька испуганно оглянулась на леди Клотильду, ойкнула и присела на ближайшую скамейку. Серега фыркнул и пояснил впечатленной старушке:

– Подруги они... Вот и прощаются!

– Свят, свят, свят... – перекрестилась пожилая особа, накрест перевязанная пуховым платком. – Соловей-разбойник она у тебя, а не подруга...

Клоти недоуменно посмотрела на бабульку. И даже приоткрыла рот, явно собираясь спросить, достаточно ли достойным рыцарем был вышеупомянутый сэр Соловей-разбойник? И достойно ли ее, леди Клотильды Персивальской, подобное сравнение? Серега не стал ждать дальнейшего развития темы, громко заржал, дернул Клоти за руку и потащил ее по улице. Подальше от старушки, пока ту и вовсе удар не хватил – от вопросов о Соловье-разбойнике.

– Мы куда? – мрачно спросила леди.

Но руку вырывать не стала. И продолжала шагать вслед за Серегой достаточно послушно.

– В трактир! – тоном коварного искуителя объявил ей Серега. – Обедать, Клоти!

– Это хорошо, – задумчиво одобрила леди. – После вестей прекрасных люблю я вкусить... э-э... да что бог пошлет, то и люблю в общем-то...

– Прекрасные вести, Клоти? – громко переспросил Серега, не переставая шагать по

направлению к заветной цели – кафе-пиццерии на следующем перекрестке. – Лично я ничего прекрасного не нахожу и не вижу. Так, мелочи – деньгами от королевских щедрот нас одарили, так что жить будем теперь в роскоши. Спасибо королю Феде. И точку убегания назвали, чтобы было откуда улепетывать, если... то есть когда придется шкуру спасать. А спасать придется, нутром чую. Не напрасно же и встречу на завтра назначили...

– Завтра все будет в порядке, – со значением сказала Клоти. – Завтра вообще все будет в порядке...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда еврейское казачество восстало

Следующим утром, однако, все было по-прежнему. Мама убежала на работу, как всегда, еще затемно. А отец остался дома по причине его нынешней безработности. И теперь слонялся по квартире печальной тенью, держа в руке прохудившуюся тапочку на манер черепа бедного Йорика. Соседи с утра травили тараканов, в квартире ощутимо пахло, и отец бдил вдоль плинтусов, ловя подлых перебежчиков из соседских пределов и побивая их мелкими точечными ударами.

Лишь одно украшало это утро – Клоти уже плескалась в ванной, счастливо рыча под тугими струями воды и попутно заливая глубокими и широкими лужами весь пол. Серега, улыбаясь уголком рта и мурлыча что-то маловразумительное, убрал постель за собой и за своей боевой подругой, поскольку еще вчера успел понять, что леди Клотильда, находящаяся в его доме на положении желанной гостьи, заниматься уборкой простыней после себя заметно брезговала. Труд горничной леди-рыцаршу не прельщал, и даже очень явно не прельщал.

И в общем-то это было в пределах нормы. Неподходящее это дело для рыцаря – тряпочки складывать. Вот хвосты жеребцам крутить – это да. Просто жеребцов здесь не было, но это уж не вина Клотильды, скорее беда.

Серега запихал подушки на антресоли и пошлепал на кухню, дабы приготовить для своей боевой подруги что-нибудь на завтрак. Что-нибудь осязаемое и более съедобное, чем котлеты из овсянки.

В холодильнике обнаружились ветчина и сыр, предусмотрительно купленные им еще вчера. Серега не мудрствуя лукаво решил соорудить из имеющихся продуктов бутерброды в устрашающих количествах и внушительной величины. Чтобы уж хватило на всех присутствующих.

Клоти явилась из ванной как раз в тот момент, когда на блюде красовалась целая гора бутербродов, больше напоминающих маленькие айсберги, залитые и заляпанные со всех сторон кетчупом и майонезом. По бокам скособочившихся хлебных кусков торчали листья петрушки, сильно смахивающие на жалобно вытянутые по сторонам резные ладошки. И огурцы кое-где выглядывали огрызками, и ветчина свисала толстыми пластами, стыдливо занавешиваясь сверху сыром... Клоти бодренько прошагала на кухню, уселась за стол – табурет под ней при этом жалобно хрюкнул. Сказала добродушным басом:

– Сэр Сериога, а как же твой благородный отец? Разделит ли он нашу трапезу?

Серега согласно кивнул – рот у него был занят пережевыванием крошечного бутербродика, сооруженного на скорую руку для себя в качестве пробной дозы. Кинул на тарелку еще двух сляпанных его руками монстров. Затем откинул голову и этак картинно полюбовался делом рук своих. М-да... Вид у его бутербродов был не слишком аппетитный. Одна радость – леди Клотильда такое диво будет есть впервые в жизни. Даст бог, бедная девушка и не поймет, что выглядят бутерброды несколько неэстетично...

Он наскоро помыл руки, покосился на закипающий чайник и покричал:

– Па!

Отец тихо отозвался из коридора:

– Я не голоден, Сереженька. Завтракайте без меня.

Сергея прикусил губу. Отец...

Отец явно был на грани. Он немного поразмыслил и пометил себе в уме, что следует сегодня же переговорить с родителями. Лично и наедине, без леди Клотильды. Поговорить, успокоить... сказать, что обязательно заберет их отсюда. И что участь местных бомжей им не грозит. Вот только как объяснить тот факт, что в телефонной будке всего в нескольких кварталах отсюда имеется проход в чужой мир, где их никуда не отлучавшийся сын умудрился стать герцогом? И как объяснить принцип перемещения по мирам – а в нем он, кстати, и сам ни бельмеса не понимает, – благодаря которому он провалился в другой мир в одну секунду, провел там больше месяца, но вынырнул обратно на родную твердь аккурат в следующую секунду после своего исчезновения?

И не побегут ли родимые вызывать дюжих ребят из «веселого» дома? Что оч-чень даже вероятно...

Он крикнул, выключил начавший свистеть чайник и заварил крепкого чайку. Кое-как сервировал стол для чаепития – лимон, сгущенка, сахар и конфеты. Затем разлил по чашкам горячий коричнево-прозрачный напиток, уселся напротив леди, гостеприимно помахал ладонью над столом:

– Угощайтесь... гм... миледи.

Приглашение несколько запоздало. Клоти уже ухватила бутерброд и теперь его рассматривала, с энтузиазмом примериваясь, с какого бы бока за него взяться. Затем с некоторым раздумьем откусила.

– При общей трапезе допустимо и более куртуазное обращение, сэръ Сериога, – добродушно сказала она, одновременно пережевывая огромный кус бутерброда. – Типа дражайшая леди, светлоокая дева, средоточие хрупкости...

– Угощайтесь, средоточие хрупкости, – тут же послушно исправился Серега. – Поскольку свет зари в ваших очах требует немедленной подпитки топливом.

И ловко подхватил с тарелки бутерброд, который уже начал разваливаться в сторону стола.

Клоти одобрительно покивала – и не поймешь, к чему относилось одобрение в ее кивке, то ли в адрес его цветистой куртуазности (свет зари?!), то ли в адрес бутерброда... Затем она взяла следующий, пожевала, вдумчиво обводя взглядом стол. Углядела чашку с чаем, стоявшую возле ее локтя, заинтересовалась.

– Чай, Клоти, – напомнил Серега. – Помнишь, я тебе вчера объяснял?

– Угу, – задумчиво прочавкала сиятельная баронесса. – Горячий травяной взвар, который вы тут употребляете вместо вина... С медами и сахарами. И также сахарными заедками. А ты, сэръ Сериога, продолжай учиться положенному вежеству. Если рядом сидит дама, то истинный рыцарь должен быть изыскан в манерах. Крайне изыскан, замечу. Иначе кто же за такого замуж пойдет?

– Это ты к чему? – сдавленно прошептал Серега.

Сердце отчаянно тукнуло – раз и два. Действительно, кто пойдет за такого? Не то чтобы он задумывался над этим вопросом – совсем наоборот. Восемнадцать лет еще не возраст для мрачных мыслей о браке и всем прочем, что сопутствует этому событию. Дети, пеленки, труды на прокормление семьи... Новот если бы его женой стала леди Клотильда, вот от этого он не отказался бы даже сейчас, в свои юные и зеленые года.

Да еще если бы Клотильда стала его женой в Нибелунгии, где у него вроде как и поместье имеется, так что можно будет не беспокоиться о прокормлении семьи...

«Пентюх ты и лапоть необразованный», – отчаянно подумал он. Серега Кановнин, дитя бедных российских интеллигентов (происходящих, увы, от обычных крестьян Казанской губернии), и в подметки не годится благородной баронессе, гордящейся тем, что наперечет знает имена всех тридцати двух колен своего рода. Ну и пусть баронесса за столом иногда чавкает, но благородство у нее налицо, его не скроешь подобными мелочами. Так что тебе ли мечтать?

«Да, но если это не намек на определенные возможности – тогда что же?» – жалко проскулил он внутри себя.

Леди Клотильда между тем изящно рыгнула и продолжила:

– Должен ты даме непрестанно кушанья предлагать и восхвалять ее несравненную красу. Давай-давай, сэра Сериога. Пока я вкушаю твою легкую закуску...

Легкую?! Он подавил смешок, одновременно глянув на быстро уменьшающуюся гору гигантских бургеров. И поспешно проглотил кусок бутерброда, на тот момент находившийся во рту. Затем после короткого раздумья сказал:

– Клоти... Не силен я в манерах. И к чему мне в куртуазных комплиментах изощряться? Я уж так как-нибудь.

– По возвращении в империю, – протянул а Клоти, рассматривая его с каким-то непонятым выражением лица, – тебе, сэра Сериога, надо будет тут же навестить своих соседей. Устроить для них один-два турнира, с пирами и приличными танцами, разумеется. И должна сказать тебе, сэра Сериога, что в твоих летах и при твоём титуле давно пора бы уже и женатым быть.

Серега подавился.

– Да, сэра Сериога! – на всю кухню прогремела Клоти. – Тебе следует жениться! На родовитой девушке, которая принесет тебе в приданое землю, деньги и связи со всем своим семейством. Тебе... гм... пришельцу из другого мира, сие будет как нельзя кстати! Лично прогляжу я список невест, дабы тебе не подсунили нечто порченное.

Серега почесал в затылке. Так. На Клоти напал своднический зуд, но себя она почему-то за непорченную невесту не считает. Интересно...

– Знаешь что, светлоокий свет зари, – с некоторой решимостью в голосе заявил он, – никаких танцев и балов не будет. Это мое решение.

– Но почему? – искренне изумилась Клоти. – Долг герцога – продлить свой род, и как можно скорее. Пока еще есть кому продлевать. Не собираешься же ты и в самом деле оставить свой лен тому... гм... подкидышу? Сие сойдет, пока там нет тебя, но стоит тебе вернуться, и твои вассалы тут же восхотят наследника твоей крови. Кто же согласится подчиняться в будущем безродному приемышу? Вот родному сыну герцога – это да.

Герцог Де Лабри как раз в этот момент размешивал в чашке сахар. Затем очень медленно вынул ложечку, положил ее на блюде. Упер взгляд в противоположную стенку.

А то, что сам герцог абсолютно безродный, его вассалов никак не волнует? Не могут же они до бесконечности верить в сказочку о неизвестном благородном отце, которую сочинила леди Клотильда. К тому же даже по этой сказочке папаша его бросил и он остался бастардом. Без земель, без прикрытия имени отца и без дома. Что в феодальные времена отличием не считалось, скорее наоборот, пятном на репутации... Или рука, способная хоть как-то держать меч, с успехом заменяет все эти бредни о благородном происхождении? А вот маленький ребенок меч держать еще не способен, а потому геть его...

– Клоти. Ты считаешь, что я выбрал наследником этого ребенка просто так? Без всякой

задней мысли?

– Э-э... – замялась Клоти. – Честно говоря, я думаю, ты предвидел, что тебя вот-вот выкинут из нашего мира, и решил на всякий случай назвать наследника. Ведь к нему переходит и право на мандонаду, то есть на защиту твоих земель со стороны эльфов. Есть наследник, есть и мандонада. И земли Де Лабри будут таким образом защищены даже в твое отсутствие – эльфы об этом позаботятся, поскольку данное ими слово обязывает их позаботиться о твоём наследнике и его имуществе.

– К сожалению, я не настолько предусмотрителен, – тяжело вздохнул Сергей. – Я хотел только одного. Справедливости – мелочь, не правда ли? Этому... этому мальчишке слишком много досталось для его возраста. И я считаю, что он, а также память его родителей достойны герцогского титула. Хотя бы в качестве вознаграждения за их страдания. И все. Разговор окончен. Нравится это моим вассалам или нет, но ребенок получит право на все мои земли. И на эльфийскую мандонаду. А с эльфами они тягаться не смогут – те защитят в будущем и самого мальчишку, и все его права. Так что морщиться могут сколько угодно, но глотать им это придется. Да еще и с верноподданной улыбочкой.

– А как же твои родные дети?

Он перевел взгляд на Клотильду, улыбнулся:

– А они у меня будут?

– Да! – с жаром сказала Клоти. – Вот вернемся в Нибелунгию, устроим турнир с пиром и танцами! Ты теперь герцог, так что в девах для тебя недостатка не будет!

Он с грустью поглядел на ее лицо, такое прекрасное, такое одухотворенное. И чем? Мечтами о его невесте. Выходит, он ей безразличен. Абсолютно...

– Клоти, дело в том, что я, как бы это сказать...

– Есть препятствие? – грозно нахмурилась Клоти.

– Да, есть.

– И какое же?

Он мило улыбнулся, решив на этот раз для разнообразия промолчать. Клоти в этом вопросе можно довериться, она домыслит все остальное и сама. Без его помощи.

– Неужли страдаешь ты от безответной страсти? – с дрожью в голосе предположила Клоти. – И дал обет верности предмету любви своей? Пожизненный, я имею в виду.

– Точно, – кивнул он. Клоти, как всегда, не подвела.

– Ну, – задумалась баронесса. Потом, явно найдя какой-то выход из ситуации, радостно кивнула. – Но, сэръ Сериога, при чем же здесь дело продолжения рода? Ради Всевидящего, храни обет в своем сердце. И жену – не хочешь, совершенно не люби. Но потомство оставь. Вот и все.

М-да. Вот он, прямой и жизнеутверждающий подход феодальной эпохи: любовь – это одно, а жена – это уже совершенно другое. Похоже, в Нибелунгии есть четкое разделение отношений между полами на духовные и материальные. И одно у них вполне может существовать отдельно от другого.

Следовало срочно выходить из ситуации. И отговорка типа – дескать, я еще молод и в мужья не гожусь по причине нежного возраста – здесь не пройдет. При феодализме, как помнится, и в двенадцать женились.

– Клоти, – твердым голосом напомнил он. – У тебя вроде были планы на сегодня?

– Не отлынивай от вопроса, сэръ Сериога, – стальным голосом уличила его леди. – Ответствуй мне прямо – намерен ты жениться или нет?

– Нет! – Он с обожанием и грустью облизал Клотильду взглядом, всю – от всклокоченных светлых волос на макушке до черной рубахи, обтягивавшей выпирающие плечи (и не менее выпирающую грудь), вздохнул и повторил: – Нет. Она... Она единственная. Такой больше нет. А другой уже и не надо.

– Дурак, – коротко резюмировала Клоти. – Но, может, еще одумаешься. Ладно! Перекусили, теперь к делу. Аида к твоему ростовщику. Как это у вас говорится... Ах да! Побазарим. – И добавила чуть тише: – Хотя при чем здесь базар и разговоры серьезные? Что-то не так тут, сэр Сериога. Или речи серьезные лишь о деньгах ведете вы, уподобляясь базарным торговцам, или же и самую серьезную речь в торг превращаете...

– Устами младенцев, а также феодальных баронесс глаголет сама мадам Истина, – пробормотал Серега. Окинув взглядом блюдо, на котором остались теперь одни крошки и обломки ветчины и сыра, вывалившиеся из бутербродов, он подобрал их сложенными в горсть пальцами и бросил в рот.

И вышел вслед за Клотильдой в прихожую.

У вешалки, где находилась тумбочка с телефоном, стоял отец, держа в руке телефонную трубку. Заслышав шаги Клоти и Сереги, отец дернулся, но не обернулся. Он продолжал стоять к ним полубоком и взирал при этом на трубку со странным выражением лица – то ли ужаса, то ли восторга.

Клоти с любопытством посмотрела на старшего Кановнина, но промолчала. Хотя Серега и видел, что молчание далось ей нелегко.

– Отец?

Старший Кановнин медленно повернулся в их сторону. В свете, падающем из раскрытых дверей кухни, виски его блеснули серебряным. Хотя еще месяц назад они были густо-каштановыми...

Сердце у Сергея сжала какая-то лапа, и он прикусил губу.

– Сережа, – врасстяжку произнес отец. – Мне тут только что позвонил один из наших знакомых. Общих с одним моим старым... приятелем, в общем. Приятелем, который уже не приятель. Н-да. Человек, о котором я говорю, сделал мне одну подлость. Ты, похоже, и сам уже в курсе. А знакомый слышал мельком о моих неприятностях и решил слегка помочь. Этот тип, Мерзавчиков, снял у него на время дом. В деревне. Всего в тридцати километрах отсюда. Меня только попросили не портить дом. В смысле, не дырывать там стены и кровью их не заливать...

Серега переглянулся с Клоти.

– Прекрасно, – деятельно заявила леди Клотильда. – Только не отправляйтесь туда в одиночку, сэр Владимир. Вам непременно потребуются свидетели того, что вы дрались честно и с отвагой, достойной отца моего друга, сэра Сериоги. Сейчас мы с сэром Сериогой прогуляемся по городу, уладим одно маленькое дельце, а затем с радостью сопроводим вас к месту вашего поединка с позорным предателем. Кстати, есть ли у вас достойный этого случая меч, уважаемый сэр Владимир? А то в доме вашем... гм... в общем, не зрела я тут вооружения боевого. Но с радостью одолжу вам свое в случае нужды.

Сэр Владимир глянул на нее выпученными глазами:

– Поединок?! Оружие?!

– Ну да. – Тон у Клоти стал несколько напряженным. – Не собираетесь же вы спустить сему мерзавцу учиненное им зло? Поверьте, сэр Владимир, не в деньгах тут дело, а в том, что предательству попустительствовать нельзя. Ни при каких условиях и ни в каких мирах! Не

хотите же вы простить ему его позорное деяние?! Ну?!

– Нет, – растерянно сказал отец. – Вроде бы нет...

Успокоившаяся Клоти одобрительно похлопала отца по плечу:

– Вот и прекрасно. Я вам одолжу свой самый лучший меч, сэр Владимир. Он достался мне от предков и отстаивал дело чести не один раз. Откровенно говоря, я даже думаю, что за всю его жизнь он улаживал подобные случаи гораздо чаще, чем я за свою побегала в кустики по нужде. Ну, вперед, сэр Сериога. Нас ждут дела чести! И... проповеданного слова. Как видите, сегодня и в самом деле – все приходит в порядок...

Сергея посмотрел на нее внимательно. И ощутил, как в душе поднялась волна какого-то... сомнения?

Удивления? Слишком уж гладко все складывалось. Слишком... Как по волшебству.

Как по волшебству?! Интересно, а не существует ли где-то на свете магия, приводящая все дела «в порядок»? И не привезла ли Клоти из своего мира что-то... что-то такое, что улаживает проблемы в этом мире как по мановению волшебной палочки? Ведь Мерзавчиков нашелся – и так вовремя нашелся...

«Думай головой, а не ягодичной мышцей!» – одернул он себя. Видеть во всем магию – это уже даже не параноя, это прямое и натуральное впадение в детство. Отсюда рукой подать, до Микки Маусов под столом и прочей чуши. Существой такое заклинание – им бы активно пользовались в самой Империи Нибелунгов. И была бы там тишь да гладь, и не шялся бы семилетний император в рубище по своей собственной империи, не зная даже, что это такое – досыта поесть...

Но все-таки что-то странноватое во всем этом было. «Два слова» антиквару, теперь проснувшееся вдруг желание общего знакомого подействовать старшему Кановнину. Глядишь, раз-два – и все проблемы его семейства будут улажены...

И тогда он с чистым сердцем и чувством неоплатного долга в этом самом сердце отправится в Нибелунгию. Где его, надо думать, тут же попросят начать улаживать дела тамошних семейств. В частности, семейства короля Эльфедры, как это уже было один раз, в деле с принцессой Эльлизрой. Не зря же Эльфедра так старается – и Клотильду сюда отправил, и красотку Эльфирру с денежной помощью для малообеспеченных подослал, и даже портал соорудил, чтобы сэр Сериога мог попользоваться им, как только возникнет такое желание...

Слишком уж хочет его король Эльфедра назад, и слишком уж все гладко складывается.

Конечно, он может и ошибаться. А может и не ошибаться. Но сейчас это все равно не узнать. Так. Сергей приглушил бешено бьющиеся в голове мысли и решил пока выждать. Посмотрим, что будет дальше.

Клоти одним богатырским замахом облеклась в черное великолепие своего плаща и выжидательно глянула на него, приподняв одну из соболиных бровей.

– Да, Клоти, очень мило, что ты предложила моему отцу меч, – торопливо сказал Сергей для того, чтобы нарушить паузу и заодно дать понять окружающим, о чем именно раздумывал последние две минуты (точнее, не дать понять, а этак мило соврать на тему собственных раздумий). – Но у нас поединков чести не проводят. Не принято у нас это дело.

– Глупости, сэр Сериога, – трубно возгласила Клотильда. – Человек не может жить без веры в себя. А ничто не укрепляет эту веру так сильно, как бой за истину. Словом, человеку нужна вера! И потом, что такое – не принято? Если у вас нет такого обычая, значит, самое время его ввести!

– Но мой отец никогда не держал в руках меч!

– Значит, истина направит его руку, – решительно отmelda это возражение Клотильда. – А также укрепит. И тем славнее будет его победа, и чище правота Божьего суда над нечестивцем!

– У меня такое ощущение, уважаемая... леди, – вмешался вдруг в их разговор отец, – что вы прибыли сюда совершенно из другого мира. И даже не из Литвы. Вы так не похожи на обычных женщин и... так оригинально высказываетесь...

Сердце у Сереги екнуло. Ну и что теперь делать? Выкладывать геологу Кановнину теорию о множественности миров?

– Вы совершенно правы, о сэре Владимир, – брякнула в ответ Клоти. – Я из другого мира! И траву топтала я не грязно-желтую, как у вас, – а изумрудно-синюю! И солнце мне светило... Впрочем, я вашего солнца еще не видела. Не удивлюсь, если его вообще нет. Как ни глянешь на небо, так там одно серое марево. И холодно, как в горах Даркоты. В общем, не дивлюсь я, что так странны порядки ваши. Нет сомнения, что холода этого мира выстудили вам кровь! Иначе кто стерпел бы унижения такие...

– Это из «Гамлета», – задумчиво проговорил отец. – Только там немного по-другому – «иначе кто снес бы...».

– Это не из «Гимлета»! И я говорю чистейшую правду! Я из другого мира! – рыкнула Клотильда. – Слово рыцаря! И не советую вам сомневаться в моем слове, сэре Владимир!

– Фантастика какая-то, – совсем растерялся отец. – У меня в последнее время было такое ощущение, леди, что мой мир деятельно пытается опустить меня до своего уровня. А теперь вы так же деятельно пытаетесь поднять меня до уровня вашего мира. Мира, больше пахнувшего неумной фантазией и «веселым» домом желтого цвета, чем реальностью, – уж простите великодушно...

Сергей решил вмешаться:

– Ее мир вполне реален, отец. Честное слово. Множественность миров, о существовании которой столько твердили фантасты и наиболее стукнутые головами ученые, наконец-то осуществилась и все такое. Мир Клотильды – один из многих возможных. И хотя он так же бездоказателен, как существование атома, тем не менее...

– Да я вообще-то верю, – устало сказал отец. – Я сейчас готов верить во все что угодно. Даже в мир, по которому бродят рыцари вперемешку с баронессами и который выше нашего. Ибо в нем есть честь и достоинство...

– Не факт, что ее мир стоит выше нашего, – поспешно вставил Сергей. – Пап, надеюсь, тебя не слишком сильно выбили из колеи слова Клоти? Понимаешь, она и в самом деле из другого мира. Вообще с другой планеты. Поэтому... гм... и призывает нас с тобой к тому, что принято у них...

– Очаровательная планета! Правда, я все-таки не пойму, как ты с ней познакомился...

– Потом! – крикнул Сергей и ухватил Клоти за руку. – Мы сейчас по делам, а потом я тебе все объясню! Только обязательно нас дождись!

День был достаточно погожий. И редкое для октября солнышко по небу гуляло, и в воздухе уже не пахло морозцем, как во все последние дни. На кленах, что стояли группкой посреди двора, все еще болтались последние буровато-золотые листья. А на опавшей листве у их подножий в это утро не было изморози...

Сергея вышел во двор вслед за Клоти, остановился, вдохнул терпко пахнувший прелью и осенней влажной свежестью воздух. Хорошо! Свежесть воздуха определенно бодрила, а

неяркое осеннее солнце ласкало лицо теплыми лучами – словно напоследок пригревало. Рядом удовлетворенно щурилась на солнышко Клоти, запрокидывая лицо и вытягивая шею. Серега повернулся к ней. Пробежал глазами по освещенному солнцем профилю, подумал и решил-таки:

– Насчет поединка, Клоти. Ты все же перегнула палку. Мой отец и в руках никогда не держал такую оглоблю, как твой дедовский меч. А уж о том, что противника на этом пресловутом поединке чести положено убивать, и желательно насмерть, он и помыслить не посмеет. Он, как бы это тебе сказать... из тех, кто не обидит и мухи. К тому же по нашим законам за это светит тюрьма. На много-много лет...

– Человеку нужна надежда...

– Да? Значит, мне слышалось, как некоторое время назад ты говорила, что человеку нужна вера.

– И то и другое, сэр Сериога, – строго проговорила Клоти и слегка распахнула плащ.

На свет высунулся очаровательный холмик груди, укутанный в черный шелк. От осеннего холода холмик очень быстро увенчался тугой, напряженно торчащей вперед вишенкой соска. Серега, сглотнув, перевел взгляд на осенние пожухлые газоны. Тело радостно наполнилось знакомой тяжестью, отвечая на соблазнительный вид Клотильды.

Он кое-как управился с реакцией собственного тела, несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, затем покосился осторожно на точеный профиль Клоты. Не заметила ли?

Клотильда тем временем рассуждала:

– Человеку нужна надежда. Помимо веры. Надежда на лучшее, надежда на собственные силы.

– Это вера.

– Что – вера?

– Вера в собственные силы, – поправил Серега разошедшуюся в рассуждениях леди. – Нет такого выражения – надежда на собственные силы. У нас, во всяком случае.

– Знаешь, как у нас говорят? – быстро спросила Клоти. – Что в полдень грош, что наутро грош. Надежда, вера... Так вот, иногда нет лучшей возможности дать человеку надежду – или веру, если тебе так больше нравится, – чем позволить ему... гм... подраться. Просто и незатейливо дать в рожу кулаком какому-нибудь мерзавцу. Или хотя бы помечтать о драке. А что касается поединка, то твоему отцу достаточно вызвать своего обидчика на бой, определяемый уложениями рыцарскими как бой ради Божьего суда. А затем он может преспокойненько назначить защитника своих прав. Хоть меня, хоть тебя, сэр Сериога. Все честь по чести, все по правилам. Так что не трусь! Я уж поняла, что твой отец и муху не поймает – даже если она ему глаз начнет грызть. Но мы-то с тобою знаем это самое... как мух обижать, во! И не только мух, собственно...

– У нас так не делается, – твердо стоял на своем Серега, – и отца давай-ка лучше не трогать. Он о таком только мечтать может, но вот когда дойдет до практики, скорее сам себя отделает, чем другому человеку посмеет пальчик прищемить. Так что и драться, и вызывать на бой придется нам самим. Хорошо, Клоти?

Леди-рыцарь обиженно поджала губы, но спорить не стала.

Магазинчик антиквара – или, как его упорно называла леди Клотильда, ростовщика – в лучах неяркого солнца блистал желтенькой краской. Мимо по тротуару шли немногочисленные прохожие. Двое или трое из них одарили Клотильду в достаточной степени равнодушными взглядами – если там и было любопытство, то относилось оно

скорее к ее плащу. Но никак не к ней самой.

Сергея остановился неподалеку от магазина, вынуждая остановиться и свою спутницу.

– Ну... Мы на месте. Последний раз призываю – облегчи душу признанием, дочь моя. На небе, вот увидишь, зачтется.

С Клоти, как ни странно, всю решимость к этому моменту как рукой сняло. Неужели ее решимость была наигранной? Она помялась и с преувеличенным вниманием принялась рассматривать ближайшую лужу.

Что-то тут было не то. Впрочем, как и вся эта история.

– Клотильда! – напористо продолжил Сергей, чувствуя, как начинает учащенно биться сердце и все нехорошие сомнения и мысли выплывают из глубин памяти. Нечто вроде гласа Божьего – восстань, сомнение! – Признавайся. Немедленно. Что ты сказала вчера? Чего ты ждешь сегодня?

– Сэр Сериога, я...

Он схватил ее за руку и прорычал:

– Клоти! Знаешь, я уже дозрел. Раз ты не хочешь говорить, то я прямо сейчас зайду в магазин и спрошу обо всем сам. У того, кто там найдется. И если что-то было или будет не так, то внутри меня встретят. И не с лучшими намерениями встретят. Прикинь последствия, Клоти, будет драка, даже если мы отмашемся, все равно на нас могут заявить в ми... властям. Меч останется у того, у кого он сейчас, а мы под фанфары загремим в тюрьму. В которой, кстати, порталов в Нибелунгию не предусмотрено. Ну?!

– Сэр Сериога, – с чопорным сомнением в голосе заявила леди Клотильда, – когда вчера я решила на это, все казалось простым и ясным. Но сейчас почему-то кажется...

– Что ты сказала? И кому?

– Ну этому, кому же еще? Твоему ростовщику в полосатом рубище.

– Это не мой ростовщик, – хмуро заметил Сергей. – И на нем было не рубище, а очень дорогой костюм. Ладно. Проехали. Что именно ты ему сказала?

Клоти пожала плечами:

– Ну... Что завтра его ограбят.

– Что?!

Несколько прохожих обернулись. Но на этот раз не на Клотильдин плащ, а на его голос.

– Сдержанней надо быть, сэр Сериога, – менторским тоном тут же одернула Клоти. – Что подумают о тебе люди?

– Что я дурак, – мрачно сказал он. – Но это мне и так ясно. Сам ведь отпустил, сам... И до дверей довел. Не мог сообразить, что ты не можешь просто так... «На два слова». Да уж. Зачем ты это сделала, Клоти?

– Ну, это же ясно, – слегка самодовольным тоном заявила Клоти. – Раз он думает, что его сегодня ограбят, значит, будет сидеть у своего сундука и охранять его. Твой меч наверняка там же. Таким образом, мне не пришлось бы его искать. Сначала ростовщику в ухо, затем меч из скрыни – и все в порядке!

Сергея слегка затошнило. Клоти – гений кулачного боя. Вне всякого сомнения. Но вот планировать операции в условиях чужого мира – это явно не ее конек. Не рыцарское это дело – правильно организованная экспроприация ответного характера...

– Клоти, – с трудом выговорил он, – даже если это и так... Что, если упомянутый сундук у него дома? И он сидит там? Как ты найдешь его дом?

– Спрошу, – не очень уверенно сказала Клоти. – В наших городах всякий знает, где

живет ростовщик...

– Клоти!! – заорал он. – Это – не ваш город! Это наш город! В наших городах не всякий знает даже своего соседа!

– Да?! – изумилась Клоти. – А как же вы живете? И ты не знаешь, сэр Сериога?

– Тихо!

Он схватил ее за руку и отволок за ближайший угол. Огляделся. Это был обшарпанного вида переулочек, рукавом убегающий под горку. Двое мужичков запойного типа распивали неподалеку от них пиво из целлофанового кулька, присев на корточки возле кирпичной стены одного из домов, где-то вдалеке семенила бабулька запенсионного возраста – и никто не обращал на них ровно никакого внимания. А еще метрах в трех от них важно проплывала женщина, вылитая мадам Грицацуева – лаково блестящий громадный кожаный плащ обворачивал ее наподобие кулька с расширением вверху, и это расширение было щедро драпировано поверху пышным черным мехом с торчащими во все стороны белыми щипаными метелками. Ни дать ни взять – рожок с мороженым, облитый черным и украшенный вишенкой головы, шествующий по улице на неведомо как отросших ножках, всунутых в сапоги на платформах. Мадам Грицацуева была полностью отдана важному делу перемещения собственного тела. И по округлому белому напудренному лицу с клюквенной щелью рта было сразу видно, что обращать хоть толику своего внимания на высоченного парня, стоящего в обнимку со странного вида девицей, мадам считает ниже своего достоинства.

Сергея выдохнул, тщательно досчитал до десяти. Посмотрел на слегка задумчивое лицо Клотильды, заговорил, медленно и ритмично произнося слова:

– Так. – Голос был придушенным от ярости, но ничего, пусть Клоти почувствует его злость. – Повтори-ка мне все еще раз, миледи баронесса. Ты с порога заявила этому хряку, что завтра... то есть уже сегодня, его ограбят. Так? И ничего больше?

Она помотала головой. Задумчивость на ее лице начала усиливаться. До баронессы, кажется, начало доходить, что она сделала что-то не то.

– И теперь надеешься, что он сидит над моим мечом в бессменном карауле? Так?

Клоти покивала. Ему до ужаса хотелось выругаться, и посочнее, чтобы хоть этажностью мата выразить всю гамму охвативших его чувств – от ярости до унижительного осознания, что и тут все пропало. А ведь он, дурак, отчаянно надеялся еще две минуты назад, что Клоти не просто так заскочила вчера к вороватому антиквару, что эти ее пресловутые два слова не что иное, как заклятие или еще что-нибудь наподобие (в конце концов, она же из мира, где магией чуть ли не суп заправляют), и что меч таки вернется к нему как по щучьему велению и у его родителей появится шанс. Хотел было выругаться Серега, но посмотрел на Клоти, налицо которой все больше и больше наплывала... виноватость?

И язык присох к небу.

– Ладно. Будем спасать ситуацию. Какой-нибудь из путей всегда ведет к победе. Вот только какой?

– Известно какой! – В голосе у Клоти появилась радостная готовность помочь всем, чем может, после того как напортичила. – Или он сидит в своей лавке, или у себя дома. Бдит под окошечком... и над сундуком. Я захожу, даю в морду всем, кто на мой кулак сам напарывается. Тех, кто по углам прячется, я, разумеется, не трогаю. Затем вырываю меч из рук мерзавца...

– Стоп, – оборвал разошедшуюся баронессу Серега. И ядовито дополнил обалденные

Клотильдины речи: – Я, конечно, понимаю, что миледи несколько не в курсе... Но здесь у нас имеется такое приспособление для хранения особо ценных вещей – сейф называется. Сундук нашего времени. Кладешь туда вещичку, запираешь. И все. Вскрыть его невозможно. Если только ты сам не хозяин или не особый мастер по этому делу. Которого, между прочим, называют словом «вор» и которого время от времени сажают в тюрьму. Ты понимаешь, что в общем-то решилась на кражу? Которую еще надо суметь осуществить. И учти– это очень даже непросто.

Клоти надулась:

– Он сам первый у нас украл! Это... это несправедливо, сэс Сериога! Бесчестно! И нап долг – восстановить справедливость! Помнишь, как это было в благословенной Нибелунгии?

Последние два слова Клоти произнесла с тоскливым придыханием. И даже всхлипнула, кажись...

Н-да. В Нибелунгии... В Нибелунгии антиквар герцогу – не пара. Там бы он не ушел просто так, поджав хвост. Дал бы в харю, разобрался по-свойски. Благо и милиции на его землях нет – одни только герцогские вассалы, подчиняющиеся ему лично. Увы, здесь, на Земле, он не относится к сильным мира сего и сам это хорошо понимает. Так хорошо, что даже не ры-пается. Хотя, может быть, и зря...

– Итак, путь к победе... – Сергей на секунду представил все возможные последствия – тюрьма для него самого и Клоти, дополнительное горе для его и без того подкошенных бедами родителей. – Клоти, гм... Тебе придется рискнуть.

– Да? – с готовностью встрепенулась Клоти.

– Леди Клотильда, – наставительно заговорил он, сводя брови и сверля ее суровым взглядом, – это может оказаться совсем не так весело и безопасно, как ты думаешь...

У Клоти пренебрежительно дернулась верхняя губа, сделав девушку до ужаса похожей на большую кошку. Скажем, на львицу. Большую такую добродушную львицу, отмахивающуюся от шакала, который ни черта не смыслит в больших львиных делах.

– Сэс Сериога! Ты говоришь такое странствующему рыцарю? Из рода Дю Перси? Дщери колен Персивалевых, мотавшейся по таким дорогам, что даже и твой мир, полный бесчестных чудес, удивили бы? Я убила сэса Марлогу, который любил вытягивать кишки у своих пленников. Убила, пробившись сквозь стену его дружинников!

– Должно быть, дружина не слишком его защищала? – вполголоса предположил Сергей. И добавил еще тише: – Этакого-то милашку...

Клотильда посмотрела на него недовольно и продолжила:

– Я сцепилась в одиночку с бандой Кровоглаза, лютого разбойника, любившего хватать на дорогах именно безвинных рыцарей – и все потому, что один из них когда-то вырвал у него глаз...

– А тот, кто вырвал, конечно, тоже был безвинным... – саркастически пробормотал он.

– Я побила его! – победоносно закончила Клоти. И, поглядев на него с торжеством, заявила: – А ты пугаешь меня мелким ростовщиком!

– У него может быть поддержка. Или милиция. Хотя последнее маловероятно. Такие, как он, предпочитают не связываться с органами – может возникнуть слишком много вопросов. А то и всплывет что-нибудь на поверхность...

– Скорее всего, он наймет головорезов, – со скучающими интонациями проговорила леди Клотильда. И широко улыбнулась. Дескать, мне, нибелунгской леди, все эти головорезы – на один зубок.

– Значит, так, – сказал Серега. – Если ты еще раз появишься в магазине, интерес его подручных к тебе вырастет до величин запредельных. Надо думать, они тут же доставят тебя на фатеру к патрону, предварительно повязав... или в какой-нибудь другой укромный уголок. И там начнут вытрясать из тебя информацию. Вот в этот момент ты и...

– Понятно, – протяжно сказала Клоти. И деловито поинтересовалась: – Одного я, самс собой, оставлю в сознании. Для того чтобы было кому проводить беззащитную девушку до этого, как его? Сейфуса. А что делать с остальными? Как это у вас говорится... мочить всех без разбору?

– Нет! – вскрикнул Серега и тут же обернулся – не привлек ли чьего внимания? – Отключи их. Но не навсегда, а временно. Ты поняла? И, Клоти...

– Мм? – вопросительно промурлыкала Клоти, уже приобретя воинственный вид. Рыцарь на тропе рыцарской войны! И все из-за украденного меча? Из-за железки с камушками по рукояти?

В эпоху менестрелей, вдруг вспомнил он, самые возвышенные чувства питались именно к мечу. И еще – к лошадям.

– Я поймаю такси и буду следовать за тобой... за ними. – Сергей сглотнул. – Может, смогу помочь. Но ты не зарывайся. Веди себя скромно, но и обижать себя не позволяй.

Клоти мило улыбнулась и потопала к магазину, занимавшему первый этаж дома. Двери раззявились, как пасть динозавра, втянули ее и захлопнулись за могучей девичьей спиной, обтянутой мокро поблескивающим черным шелком. И мир сомкнулся в ожидании.

Он нащупал в кармане долларовую бумажку. Огляделся, подошел к бровке тротуара, помахал рукой. Одно из такси, печальной вереницей торчавших у остановки поодаль, нерешительно газануло и приблизилось.

Водитель, с лицом хитрым и худеньким, как у шимпанзе, спросил:

– Машину, сынку? А куды...

– Сто долларов! – отчаянно брякнул Сергей, комкая в кармане означенную бумажку и пытаясь сразу же отвлечь водителя от вопросов, подчинить взамен этого радостной мысли о деньгах. – Сначала ждать, потом ехать.

– А куды пойдём-то? – деловито спросил таксист. И хитро заулыбался, морща лицо.

– Я... я слежу за одной девушкой, – гулким шепотом сообщил Сергей водителю. – Молча делаешь все как надо – и получаешь свои кровные. Не хочешь – я еще кого-нибудь поищу, вас там на остановке много, как я посмотрю.

– Не надо другого, – быстро отреагировал мужик. – Давай садись, хлопец.

Он распахнул перед Серегой переднюю дверцу, зазывно похлопал небольшой ладошкой по обтянутому кожей сиденью рядом с водительским. Серега отрицательно качнул головой и предусмотрительно перешел к задней дверце. Ни к чему, чтобы шофер мог еще и наблюдать за его лицом.

Минуты тянулись как часы. Или нет, секунды тянулись как часы. Или вообще – как кучи часов...

– О, глянь, солнышко вышло, – довольно сказал таксист.

Действительно, солнце, незадолго до этого ушедшее за серую мощную тучу, снова появилось на блекло-голубом небе. И обрызгало хмурую осеннюю улицу бледно-желтыми лучами. Последняя листва нескольких тополей, жалко сутулившихся по обочинам, зазолотилась в их свете желтыми и бурными переливами.

– Холодная нынче осень, – тоном знатока-метеоролога объявил таксист. – Все дожди да

дожди, а тут глянь-ка – солнце...

Ему явно хотелось поболтать. А вот Сереге болтать совершенно не хотелось. И поэтому он только одарил шофера хмурым взглядом. Очень хмурым. На некоторое время в машине воцарилась тишина.

Он сидел и нервно барабанил пальцами по обшивке переднего сиденья. Если в магазинчике что и происходило, то наружу это не выливалось. Спокойно. Спокойно.

Неожиданно откуда-то сбоку вынырнул неприметный «москвич» и припарковался недалеко от входа в лавку антиквара. Из машины вывалились громилы – числом трое. Интересно, как они поместились в небольшом салоне «москвичонка»? Парни дружным строем двинулись к зеркальным дверям. И исчезли за ними, едва слышно хлопнув створками.

И опять настало время ожидания. Томительного. Бес-ко-неч-но-го...

– Бонни и Клайд, – чуть слышно пробормотал Серега себе под нос. – Мы с Клоти прям вылитые Бонни и Клайд. Е-мое. Не дай бог, и конец будет такой же.

– Ты что-то сказал, хлопчик? – тут же озаботился таксист. И обернулся назад, радостной улыбкой демонстрируя готовность к общению.

– Ничего, – прошептал Сергей, – эт-то у меня в животе бурчит.

Бонни и Клайд – парочка, занимавшаяся воровством. По сути, они тем же самым собирались заняться, хотя вещь, за которой они отправились, сама была ворованной. Вор у вора украл...

Двери магазинчика наконец распахнулись, и оттуда поочередно вышли два громадных мужика из той троицы – настолько громадных, что даже леди Клотильда на их фоне выглядела бы чуть ли не Дюймовочкой. Собственно, она и выглядела так – вывалившись следом за мужиками, и очень резво вывалившись. Складывалось ощущение, что из магазина ее вытолкнули хорошим пинком. Серега облизнул враз пересохшие губы и уставился в другую сторону. Шоферу не следовало знать... Нет, не так. Шоферу не следовало слишком уж наглядно демонстрировать, куда направлен его взгляд. И посему он старательно пялился в другое окошечко, не забывая, впрочем, краешком глаза отслеживать передвижение группы с леди Клотильдой в центре. Мужики слаженно уводили Клоти под локотки по направлению к неприметному «москвичу». Третий крупный индивидуум появился на свет божий из магазина чуть погодя, стрельнул глазами по улице с бдительным видом. И снова скрылся в магазине.

Подкрепление на случай внезапного нападения прямо на торговую точку, понял Сергей. Так.

Он качнулся вперед, постучал согнутым пальцем по плечу шофера:

– Трогайте. И вон за тем «москвичом», пожалуйста. Только не слишком впритык, ладно?

– А, так ты за той дивчиной доглядаешь? – заметил словоохотливый шофер. – Ну, ничего дивчина. Тильки великовата трокси...

– Ну поехали же! – чуть не взвился Сергей, глядя, как «москвич» заваливает за поворот в один из переулков и исчезает из виду. – Ну!

– Да что ты волнуешься-то? – удивился таксист. – Да счас мы его враз... Махом догоним.

Он мягко крутанул колесо руля, ласкательным движением переведя рычаг от коробки передач. Машина вжикнула, отваливая от тротуара. Сергея вдавило в спинку сиденья.

Они нагнали «москвич» достаточно быстро.

– Ой, не знаю, хлопчику, – рассуждал шофер, небрежно придерживая двумя пальцами рулевое колесо. – На что тебе дивчина, которая аж с двумя куды-то за город собралась...

– За город?! – Крик у Сереги вышел каким-то сдавленным.

«За город» – это у него ассоциировалось чуть ли не с темным лесом. Чаща, безлюдье. Не дай бог... Хотя леди Клотильда и бог в области рукоприкладства, но... нет приема против нацеленного на тебя ствола...

– Ну да, за город. Видишь, куды заворачиваем? Белоусовские коттеджи прямо по курсу...

Вдоль дороги и вправду потянулись заборы. И вдалеке начали проступать трубы над черепичными крышами. «Москвич», попетляв по местным ответвлениям дорог, остановился у одного из таких заборов. Дверцы разом отворились со всех сторон. Клоти, печально спотыкаясь, прошествовала от машины к воротам в сопровождении двух громил. Руки ей на этот раз, уже совершенно не стесняясь, заломили за спину.

– Эге, – односложно издал таксист.

– Проедете мимо и высадите меня за поворотом, – жестко распорядился Сергей. – Вот деньги. И еще...

Таксист молча заложил руль, объезжая «москвич». И не сказал ни слова в наступившей паузе – только чутко повел шеей, выдвигая свое правое ухо поближе к Сереге. Тот принял этот жест за молчаливое приглашение к дальнейшим откровениям. Шепотом посоветовал:

– А после езжайте прямо и не задерживайтесь.

Он вылез, выждал минутку. Затем осторожно заглянул за угол. «Москвич» стоял на прежнем месте, водитель вышел из машины и теперь беззаботно курил, стоя у передней дверцы.

Из дома никто не выходил. Было тихо. Ни вскриков, ни хруста ломающихся костей. Короче, никаких признаков привычных действий леди Клотильды.

Почему? Или она считает, что время еще не настало? Или же просто решила на этот раз устроить драчку без шума... Разнообразия ради.

Как бы то ни было, с собственным появлением во дворе коттеджа следовало подождать. Во-первых, чтобы не помешать планам леди, а во-вторых... Во-вторых, потому, что она вскорости и сама появится, не в ее обычаях оставлять у себя в тылу человека противника – а именно водителя «москвича»...

Серега стоял за углом с бешено колотящимся сердцем и покусывал краешек нижней губы. Ждать. Ждать.

Расслабления ради он решил подумать о чем-либо отвлеченном. Но, увы, единственное, что тут же полезло в голову, был его отец. Сломленный и растерявшийся, настолько не похожий на себя прежнего...

Классики до ужаса любили тему маленького человечка, застигнутого неприятностями врасплох. Интересно, в каком возрасте детям положено осознавать, что их родители – тоже обычные слабые люди, делающие время от времени глупости? Может, это и есть признак взросления?

Однако ждет он уже слишком долго... Снова заглянул за угол. Водитель докурил и теперь сидел в машине. Очевидно, такси, следовавшее за ним неотвязно от самого города, подозрений ни у кого ни вызвало. А если и вызвало, то ненадолго, стоило чужой машине проследовать мимо и уехать в поселковые закоулки. Действительно, мало ли кто может

ехать вслед за тобой, но при этом исключительно по своим делам – поселок-то большой.

Сергей в последний раз огляделся по сторонам. Вокруг было пусто. Мощные заборы закрывали подворья от нежелательных взоров, но они же прикрывали и его самого от любопытства здешних обитателей. За окошками верхних этажей соседнего коттеджа тоже вроде бы никто не маячил.

Убирать... то есть отключать или нет того водителя из «москвича»? Да, стоило леди Клотильде появиться здесь, как мысли у него потекли очень, очень... по-нибелунговски.

Нет, водителя трогать не будем, решил он. Мало ли кто еще подъедет. И так, путь внутрь бдает начинаться прямо отсюда. Ну и чего ж мы ждем?

Отступил на шаг, смерил взглядом стоявшее перед ним препятствие. Три метра добротного сложенного красного кирпича. А наверху наверняка еще и осколки бутылочные залиты в раствор, а может, и колючая проволока аккуратно уложена. Три метра. Если прыгнуть, хорошенько оттолкнувшись, затем ухватиться руками за край, а потом подтянуться, – может, и получится.

Сергея отступил на другую сторону переулка. Выдохнул. Истово сообщил бледно-голубому небу, с которого неслись отдаленные птичьи крики, то ли вороны, то ли еще чьи, что – «Отче наш...». И побежал.

На забор удалось взобраться только с третьей попытки. Он подтянулся – слава богу, не обнаружилось ни бутылочных осколков, ни проволоки. Ура! Цивилизация докатилась и до нашего дремучего угла. Надо думать, плебейские осколки владельцу строения заменяют камеры слежения и сигнализация на каждом углу...

Оставалось только надеяться, что в данный момент сигнализация отключена. В конце концов, навряд ли антиквар хочет огласки – да и Клотильду завели в дом не по собственной воле. А это уже пахнет киднеппингом. На что не может не обратить внимания даже вневедомственная охрана.

Не давая себе задуматься, Серега перевалил через забор. И свалился на жухлую травку. Двор с редко высаженными, по моде, группками кустов и невысоких деревьев был пуст. От дома Серегу довольно удачно заслоняла одна такая группка, возвышающаяся прямо перед его носом. Неплохо для начала. И что же дальше? Будем стучать в двери и проситься впустить?

Ага. Окошко неподалеку от заднего угла двухэтажного коттеджа было распахнуто. Так что вперед и с песней. Он, пригибаясь, добежал до окна, прячась за негустыми посадками и петляя при этом, как мартовский заяц. Подтянулся на руках, заглянул внутрь комнаты. Пусто. Только книжные шкафы остовами корабельного кладбища громоздятся вдоль стен, и корешки в них до смешного хорошо сочетаются по цвету: бело-золотые, сине-золотые и черные корешки. Гм... Книги явно подбирал дизайнер, а не владелец. Нахальной глыбой возвышался сбоку стол, крикливо заставленный глобусами, хрустальными письменными приборами и прочей сувенирной дребеденью.

Сергея преодолел небольшое препятствие в виде стены, перекинул ногу через подоконник, скользнул внутрь. Вроде тихо, хотя массивная бархатная штора слева как-то странно оттопыривается...

В этот момент в затылке что-то резко ухнуло, и он провалился во тьму. Боли почти не было – только странное ощущение полета и тошноты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В подлом плену

Он не знал, сколько провалялся в глухом беспомоществе, но пришел в себя от заплешившего шепота:

– Сэр Сериога! Сэр Сериога!

– А... —дрожащим голосом отозвался он. Медленно дернул руками, пытаясь дотянуться ими до головы, которую разрывала гулкая пронзительная боль.

На руках были наручники. И заведены руки были за спину. Причем лопатками он ощущал ребристые выступы... Спинка стула. Значит, так – он сидит на стуле, вокруг странная темнота, и сбоку раздается шепот леди Клотильды. Не очень веселое окончание эскапады.

Он прикрыл глаза, осторожно подвигал головой. Затылок отозвался на это движение новым взрывом боли. Похоже, его ударили по голове. Но из этого логически проистекает, что в кабинете-корабельном-энд-книжном-кладбище кого-то поджидали. И поджидали как раз его. Впрочем, нет, леди Клотильда скорее умрет, чем выдаст тайну врагу, – в этом он был уверен.

Абсолютно ясно было одно: окошко приоткрыли именно для того, чтобы туда сунулся такой идиот, как он. Сам виноват, следовало просто пораскинуть мозгами – на улице не так уж и тепло, и проветривать жилище в такую погоду ни один домохозяин не решится. В доме, где держат заложника – или пленного? – окошки просто так не открывают.

– Клоти... Что произошло?

– Ох, сэр Сериога, – с облегчением выдохнула Клоти, совершенно невидимая в темноте. – Мне, э-э... Меня оглушили, подло и предательски ударили сзади... И вот сижу я тут, и руки мои скованы оковами, кои разорвать я не в состоянии. А преподлый антиквар так и не явился. Хотя и есть мне что сказать ему!

Голос у Клоти был высоким и тоненьким. И каким-то испуганным, даже растерянным. Что для нее было совершенно несвойственно. Плохо. Леди-рыцарь, похоже, не слишком успешно акклиматизировалась к суровым реалиям российской действительности. Иначе откуда бы ей взяться, растерянности-то? Танки траками только лязгают, а не скрипят жалобно...

– Вот горе-то, – односложно отозвался Сергей, решив не утешать и не ободрять. Ни к чему. Леди это только оскорбило бы. Вместо этого он попытался найти в собственной голове пути к спасению.

Но их не было.

– Тебя тоже поймали в ту же ловушку, сэр Сериога?

– Увы... – проскрипел он, дергая руками. Они были прикованы. И под собой их не пропустишь – спинка стула надежно фиксирует руки сзади. Вот так.

– Как раз тот случай, когда многомудрие твое и хитрость оборачиваются против тебя же! – с чувством высказалась сбоку леди Клотильда.

Сергей только хмыкнул. Хитрость?! Если это Клоти про себя, то зря.

Он подергал ногами. Их тоже что-то держало – похоже, их просто примотали к ножкам стула скотчем. И так. Если бы руки не были связаны за спиной, у него был бы шанс освободиться хотя бы от стула – упав назад и попытавшись расколоть его на части. Но при

таком положении тела он не столько стул расколает, сколько руки переломает, и совершенно понапрасну...

– Клоты, у тебя тоже руки за спиной? То есть за спинкой стула?

В темноте раздалось гулкое печальное сопение.

– О да, сэръ Сериога. Крайне предусмотрительно это со стороны наших врагов. Хотя что я могу, слабая женщина, против стольких могучих мужчин?!

– Это ты про тех двоих?! – изумленно спросил он. Быть того не может. Та парочка настолько впечатлила Клоты?

– О да, – дрожащим голосом отозвалась девушка. Нотки командного рычания в ее голосе трансформировались в дрожащую охриплость, какая бывает при пересохшем горле. Или при очень большом страхе. Или же при том и другом одновременно... – Я потеряла свой плащ. Они могут сделать с нами что угодно, да? Э-э... в их руках я чувствовала себя как тростинка. Которую вот-вот переломят. Это ужасно, друг мой Сериога, чувствовать себя такой слабой. Такой... беззащитной...

Сергеа стиснул зубы еще крепче. Клоты растеряна и напугана. И он не может ей помочь! Ничем. И что делать?! Он скрипнул зубами. В груди как-то запекло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В своих мечтах он часто залетал дальше реальности. Ему виделось, как он спасает Клоты от каких-нибудь негодяев – не столько с помощью силы, сколько с помощью, скажем так, хитроумно проведенной комбинации. И затем девушка нежно склоняет голову ему на плечо...

Но вот он здесь. И обстановка самая подходящая для подвига ради любимой девушки, но он надежно зафиксирован на стуле, а какую комбинацию можно устроить, если противник даже не соизволит зайти на него посмотреть? И даже если зайдет, что он сделает? И как же глупо он попался с окном... И вообще не следовало лезть в эту авантюру! Если Клоты погибнет сейчас из-за его непредусмотрительности, то... То он, скорее всего, погибнет вместе с ней. Но что он будет делать на том свете с комплексом неполноценности, который эта нелепая смерть (смерть Клоты!) привьет ему?

И все-таки что-то не увязывалось. В Нибелунгии он видел, как леди Клотильда практически в одиночку расправилась с целой бандой, напавшей на них в лесу. При помощи одной-единственной поварешки. Хотя здесь, конечно, не Нибелунгия. Но и Клоты – не местная девица, возвращенная в рафинированных городских условиях. Как он успел понять из своих нечастых приватных бесед с нею, ее взяли в рыцарскую науку лет этак с пяти-шести. А на пятнадцатилетие ей подарили латы, которые уже через год пришлось поменять на другие – девочка просто-напросто выросла из своего первого бронированного комбинезончика. И первый свой рыцарский поединок она провела в шестнадцать лет – раньше как раз в том нежном возрасте подростки российские, ее одноклассники, только-только паспорт получали. Так что зрелище двух (пусть даже и очень накаченных) мужиков никак не могло ее слишком уж сильно впечатлить. У себя в Нибелунгии она таких мужиков не только видывала, но и хаживала на них, бывало. И не всегда с копьем и мечом в руке. Иногда и просто врукопашную. К тому же у них уже бывали ситуации ничем не лучше этой, а то и похуже. Скажем, в темнице замка Дебро, после того как их посадил туда барон Квезак. Причем Клоты везде и всегда демонстрировала исключительно высокий боевой дух...

Да, но Клоты могли чем-нибудь запугать! Скажем, выстрелив перед ней из огнестрельного оружия. Кто знает, как может подействовать на феодальную девицу зрелище

разлетающейся на куски мишени – и это при полном отсутствии стрелы, или дротика, или еще чего-нибудь более осязаемого, чем абсолютно незаметная в своем смертельном полете пуля? Он мысленно попенял себе за то, что заблаговременно не поговорил с Клотти на эту тему. Может, поговорить сейчас? Делать-то все равно больше нечего.

Нет. Если рассказать ей об этом в данный момент, то в следующий раз, увидев наставленное на нее черное дуло, Клотильда может и дрогнуть. Потеря секунды-другой на нерешительности, на страхе перед неизвестным может стоить им слишком дорого – скажем, в случае пока что чисто гипотетической возможности спастись.

Если, конечно, такая возможность им представится.

Дальше они сидели в полном молчании. Ожидание в темноте было томительным и каким-то... безмерным, что ли.

В конце концов (спустя целую вечность!) скрипнула дверь. И тьму прорезала полоса слепяще-яркого света. Сергей сразу же заморгал. Отвыкшие от яркого света глаза отозвались болью и слезами, поэтому он зажмурился.

Щелкнул выключатель. Сергей осторожно разлепил ресницы. Глаза потихоньку начинали привыкать к свету, уже различали контуры, обводы, цветовые пятна.

Помещение, в котором они находились, явно было подвалом. Точно, подвал – вон и трубы, и параллелепипед внушительного по размерам отопительного газового котла возвышается в углу. М-да. И цепи кое-где свисают с труб... Пыточная антиквара?

Вошедшие приблизились. Теперь Серега видел их достаточно хорошо – пухлячок из антикварного магазина и с ним еще двое. Антиквар стоял, довольно улыбаясь и покачиваясь с носка на пятку. Над обоими покатыми плечами нависали двое громил с удивительно переразвитыми челюстями – как у бульдогов. Глядя на них, Серега начал подозревать, что род людской стал активно делиться на породы, подобно тому как делится на породы род собачий. Вот этих, например, он назвал бы «охранбулями». Или «о-хрен-були»? Или же просто и со вкусом – «человек охраняющий, подвид человека разумного». И обязательно сноску – «подвид с уклоном в регрессию»...

– Так-так. Вижу перед собой того самого умника, не так ли? Как это он сам себя называл... Лыцарь, вот! Ха-ха.

– Не смей издеваться над рыцарем палагойским! – тут же с готовностью возмутилась Клотильда – но тоненьким голоском. И застучала стулом по бетонному полу. – Орден Палагойцев древен и ела...

– Заткните ее, – небрежно распорядился бандити-стый антиквар.

Один из громил с готовностью шагнул вперед. Коротко взмахнул рукой. Серега жалко дернулся на стуле, привязанный к нему всеми четырьмя конечностями.

Он сжал зубы. Спокойно. Спокойно. Пусть веселятся. Может быть, в какой-то момент они освободят Клотильде руки. Или ему. Хотя лучше бы Клотти.

– Все в порядке, парни! – бросил пухлячок. – Раз после нее появился этот лыцарь, то значит...

Толстяк сделала паузу. На его лице отразилось колебание.

«Вот-вот, – с ненавистью подумал Серега. Давай объясняй своим громилам, зачем сюда завалилась такая пестрая компания, как мы с Клотти. И объясни заодно, что мы могли прийти сюда только за одним – вернуть назад уворованную тобой вещь».

Но толстяк молчал, продолжая морщить лицо. «Интересно. Значит, защитнички-громилы не знают, что ты своровал. И на какую ценность это что. И вполне возможно, что

так никогда и не узнают, если только им не поможет кто-нибудь...»

– Антон Иваныч, и это – грабители? – с чувством в голосе спросил один из дюжих парней. – Ребятишки какие-то. Вообще странно все это! Таким разве что квартиры в подъезде вскрывать – да и то те только, где замки похуже. Но вот так, сначала предупредив, лезть к приличному человеку в хороший дом?

Смятение в рядах. И недостаток информации. Следует ли это исправить?

– Ну, здесь тянуть нечего, – зачастил толстячок. – Кончайте их. И немедленно! Только крови поменьше!

Громилы переглянулись.

– Ты потише, Иваныч, – с гораздо меньшей долей уважения сказал один. – Мы как договаривались? Разобраться с воришками. Поколотить мы их поколотим. А вот куда их потом девать и кончать или не кончать – это уж твоя забота. Мы на мокруху не подписывались.

– Ребята! – всколыхнулся толстячок. – Мы ж договаривались! Охранять...

Громилы с соболезнаванием переглянулись. Потом один, выставив перед собой внушительных размеров пятерню, принялся загибать пальцы.

– Охранять. Поддерживать штаны, если что. Сберечь домашнее имущество и отловить воришек. Они перед тобой. Так что с тебя еще десять кусков – и мы в расчете.

Оп-ля! Или лучше – оп-ля? Похоже, громилы не подчинены напрямую дяде антиквару. Наняты, приглашены со стороны... Это шанс.

– Еще двадцать кусков, – попытался соблазнить их толстячок. – Дел-то – две дырки на две головы!

Громилы заколебались.

Сейчас, понял Сергей. Если прямо сейчас не внести смятение в их ряды, то через минуту, а то и раньше в подвале останутся только три человека. А вместо двух других появятся два аккуратно пристреленных трупа.

– И действительно странно. – Вот так, спокойным голосом. – Мы вас сначала предупредили, что к вам в дом полезут грабители, а потом сами же в открытую полезли в дом. Вот только интересно...

Он сделал паузу. Ну, ловись, рыбка, большая и маленькая...

– Что?! – нервно сглотнул толстячок.

Ага, нервы у него начинают сдавать. Теперь надо сделать так, чтобы они сдавали планомерно и постепенно. Нельзя, чтобы нервная система толстячка обрушилась внезапно, таким обвалом – такие, как он, если уж начинают паниковать, даже нормальную ситуацию могут довести до полного абсурда. И причем кровавого абсурда...

– Интересно, вас это натолкнуло на мысль или как? Или вы уже не способны думать? Ваш Иваныч украл одну очень ценную вещь, которая ему совсем не по рангу. И эта вещь еще похоронит вас всех! Вместе с домом...

– Врезать ему, Иваныч? – предложил один из громил. – А уж потом потолковать с ним по душам!

– Мы – всего лишь отвлекающий маневр, – торопливо сказал Сергей. – Я мало что знаю. Возвращением того, что вы у нас украли, занимается орден Палагойцев. Это такая организация, – пояснил он в ответ на недоуменные взгляды громил. – И образовалась она отнюдь не на общественных началах. В общем, это темные люди. Я знаю только, что для вас уготовано нечто более грандиозное, чем обычная вульгарная кража. В прошлый раз орден...

Пусть уж будет хотя бы месть после смерти – громилы услышали достаточно, чтобы желание познакомиться с кубышкой антиквара стало у них прямо-таки маниакальной страстью.

Он споткнулся, перебирая в уме варианты. Клотильда сбоку благоразумненько молчала. Он благословил ее непривычную молчаливость. Если только они посчитают ее просто глупой куклой, то у нее появится шанс.

– ...Орден забаррикадировал двери, перекрыл окна и начал закачивать в дом серную кислоту из цистерны. Визжали страшно. И что самое смешное, никто из соседей даже в милицию не позвонил.

Он мельком глянул на своих слушателей. Ага, слушают, и очень даже внимательно. Господи, какую он глупость порет! Но ведь слушают. Откровение жулика идиотам...

– Вы хоть представляете, что вы сделали, украв у меня этот меч? – Вот так. Именно у меня. Леди Клотильду пора выводить из числа действующих лиц. – Нам было велено так отвлечь ваше внимание, – значительно добавил он.

Толстячок дернулся, приоткрыл рот и замер, не сводя с него внимательных и настороженных глаз. Вот-вот, смотри. И слушай, развесив уши. А теперь надо намекнуть на кое-что.

– Меч, который вы у меня украли, очень уж ценный, – философски пояснил он. Встретил разом заострившийся взгляд громил, добавил специально для них: – Иваныч спер у меня меч, когда я принес его продавать. Очень ценный меч – древний и с бриллиантами по рукояти. Нужда одолела. А в ордене мне потом пояснили, что такой подарок продавать было никак нельзя. Мол, надо было прийти к ним и просто попросить помощи. Так что теперь они очень недовольны. Кстати, вы ведь меня уже обыскали, так? – ласково спросил он.

Громилы почти одновременно пожалы плечами. Жест можно было истолковать как угодно. От «Да-да, поскольку нам, громилам, так положено» и до «Да нужен ты был».

– Вы нашли у меня доллары? Это помощь моего ордена...

Любопытство в глазах громил разгоралось, как пламя на сухой ветке.

– Как я уже сказал, меч не простой. Ценность его такова, что за него...

– Живо заткни ему пасть!! – ощерясь, завопил толстячок.

Ага, значит, он тоже понял, к чему идет дело! Громила послушно качнулся из-за его плеча. Не тот, что бил Клотильду, другой.

Блямп!! Но при этом он очень внимательно смотрел на рот Сергея, так что в последний момент тот успел отдернуть голову, и это смягчило удар. Но все равно скула взорвалась мозжащей болью. Глаз стремительно начал заплывать.

– И за эти авмазы, ревятки, вас всех здесь выежут! И дом по кавешку равнесут! – торжествующе прошамкал Серега, стараясь морщиться от боли как можно незаметнее. Во рту ощущался свинцово-сладкий привкус крови.

Громилы переглянулись. Тот, что постарше, озаботился:

– Надо бы двор посмотреть. Может, кто уже наведался.

Толстячок мелко закивал. Многоярусный подбородок затрясся.

– Да-да, сходите. – Голос звучал снисходительно. И даже подобострастно.

Антиквар вплотную подступил к стулу, на котором сидел привязанный Сергей. Громилы унеслись за дверь, по пути несколько раз крепко приложившись о выступы торчащих труб.

«А глупо он сделал, – подумал вдруг Сергей. – Он дал им время сговориться наедине».

– Ну говори. Все, что знаешь! А то сейчас...

Дальше толстячок высказал как минимум две-три версии того, что собирается проделать с Серегой, если тот выберет участь партизана на допросе. Надо отметить, что ни одна не радовала.

Сереге криво улыбнулся, прощупывая побитую щеку языком изнутри. Там рос пульсирующий болезненный желвак.

– Нишево не скашу. Поха не отпустишь ее. – И ткнул подбородком в сторону леди Клотильды.

– Ты что, шутишь? Да я сейчас тебя...

– Давай. – Сереге прикрыл глаза. – Ешли уверен, што нишево не слушится, пока ты мне ятвык раввяываешь. Думаешь, у тебя много времени? Мовет, овден уве у пороха? У твоево...

Прикрыв глаза, он ждал. Сердце гулко постукивало внутри груди. Если удастся... Лишь бы удалось! И как хорошо, что леди Клотильда молчит и не возмущается. Глядишь, и сойдет за глупую девчонку, случайно запутавшуюся в чужих нехороших играх.

Странно, но откуда-то из глубин коттеджа отзвуком, причем очень слабым отзвуком, прилетело вдруг рычание.

И потом что-то вроде отдаленного топота прозвучало сверху. Двое удалившихся громиль решили в срочном порядке заняться предобеденной пробежкой по коридорам? Впрочем, поправил он себя, не факт, что это именно они. В коттедже вполне могли находиться и другие бравые стражи. Помимо этой сладкой парочки.

Сереге наострил уши, прислушиваясь. Антиквар морщил лобик, соображая, как ему быть – отпускать или не отпускать дебелую девицу подозрительно мощного вида? Клотильда сидела на соседнем стуле тихо как мышка. Насколько он знает свою броненосную леди, она сейчас фабрикует один за другим планы, как в случае освобождения вернуться в коттедж и прихлопнуть антиквара. И ни она, ни толстяк не проявляли и тени беспокойства по поводу какого-то там рычания. Или это ему чудится?

– А кстати, – совершенно некстати заявила вдруг Клотильда. – Здесь ли меч друга моего? А Впрочем, не важно. Поскольку сам ты здесь, подлый человек. Я же искусство пыток знаю доподлинно. И далеко до него тем фокусам, которые ты грозился применить на друге моем, сэре и милорде, герцоге Де Лабри...

Толстячок переводил взгляд с Сергея на Клотильду, совершенно ошалев от такой наглости. Под самый конец прочувствованной речи баронессы Дю Персиваль послышался громкий и гулкий щелчок. И вот это уже явно не почудилось! Клотильда метнулась сбоку черной тенью, выбрасывая себя вперед. Стул, по-прежнему примотанный к ее ногам скотчем, звучно шлепнул рыцарственную леди по задку. Отчего она, уже достигшая вдруг освободившимися руками горла толстячка, повалилась вперед, заваливая того на спину. Сэндвич – стул, затем Клотильда и потом уже толстячок – секунд пять повозился на полу. Потом Клотильда вместе со стулом отпрянула. С неудовольствием оглянулась, чуть присела, молча ухватила за одну из ножек, с хрустом ее выдрала. Вскоре от стула остались одни щепки. Леди Клотильда выдрала из липкой ленты на своих ногах деревянные ножки, отбросила их в сторону. Затем брезгливо оглядела грязно-серые полосы скотча на голених. Но возиться с ними не стала.

Мускулистая блондинка, не тратя времени понапрасну, с полминуты поколдовала над браслетами наручников на Серегиних руках. Сначала раздался треск, потом громкий щелчок. Он высвободил руки, потрясенно спросил:

– Клотильда? А как ты... Что ты сделала с наручниками?

– С оковами, – практично поправила его Клоти.

– Ну, с оковами...

– Сломала.

– Это невозможно, Клоти!

– Тсс! Хватит болтать.

Она легко поставила его на ноги, взмахнула кулаком, уничтожая стул за его задницей таким же упрощенным способом, что и свой, – путем прямого выдирания ножек. Освободила его от бранных остатков стула, засадив по пути в его икры порядочное количество заноз. Даже довольно плотная ткань брюк от этого не спасла.

– Сэр Сериога, посторожите пока вашего друга. Я – наружу, осмотреть и встретить, если кто навстречу решит попасться.

– Я пведлаваю вучше, – с трудом ворочая губами, пробормотал Сергей. – Щаф мы ево свяжем, закнем рот и вафунем в акой-нибусь чуван. А потом вмэфте входим на офмотр замка... то ись окрефнофтей.

Клоти не стала спорить, просто согласно кивнула, не говоря ни слова. Затем кинулась увязывать толстяка его же собственной одеждой. Тем временем по коридору прогрохотали шаги – одиночные, к счастью, – и чей-то потрясенный голос завопил во всю мощь:

– Иваныч! Ты выдь, глянь, что там!

Клоти скользяще переместилась к дверям и встретила потрясенного громилу у выхода. Сергей услышал удивительно ласкающий ухо в этих обстоятельствах звук удара чьей-то забубённой головушки о стену, а затем шорох укладываемого на пол тела. Клоти вернулась и, неласково глянув на распростертого толстяка, уже оставшегося без брюк, которые пошли на обвязку его блудливых рученок, предложила:

– Оставим их обоих тут. На оконце решетки, с той стороны на двери замок с торчащим ключом. Минут на пятнадцать это будет вполне надежное место. А то и на всю оставшуюся жизнь.

Сереге согласно кивнул, избегая говорить. Они заперли дверь, Клоти сунула ключ в его карман (нимало не смутясь при этом тем, что рука ее проскользнула в опасной близости от интимных мест) и помчалась вперед. Они вылезли из подвала рядом с тем кабинетом, где их захватили. Двери кабинета были приоткрыты. С левой стороны маленький коридорчик перекрывала арка, за которой виднелось что-то вроде пищеблока, отделанного никелированными плоскостями и оборудованного по последнему слову техники. Сереге поднес палец к губам, призывая Клоти к молчанию, затем ткнул им в себя и перевел указующе на кабинет. Клоти тут же протестующе замотала головой и прыжком влетела в двери кабинета. Он, оторопев, бросился было за ней, но она уже стояла рядом и отрицательно качала головой – стало быть, там, в кабинете, никого нет. В кухню Сергей успел заскочить первым, ради успокоения собственных слегка трясущихся поджилок пригибаясь до уровня многочисленных столов и буфетных стоек. Кухня была громадная, как небольших размеров спортивный зал. И абсолютно пустая и безлюдная, к немалому облегчению Сереге. Всю оставшуюся часть первого этажа занимал громадный холл, поделенный на зоны – обеденную, гостиную, еще какую-то. Но мебель в каждой зоне была буквально Сереге по пояс и потому весь холл отлично просматривался. Там тоже царил безлюдье. Сереге разнообразия ради решил переключить внимание с осмотра мебели на прочие вещи. Так. Со двора не доносится никаких звуков. Правда, окна щедро занавешены пышными просто до безобразия шторами. Из-за них двор совершенно не просматривался,

возможно, они еще и гасили звуки. Баронесса тем временем завершила обход обширного холла и коротко предложила:

– Посмотрим второй этаж? Стены здесь, в отличие от наших замков, тонкие. Если кто и сунется в дом, мы с тобой услышим тут же. К тому же если придется отбиваться, то уж лучше делать это с более выгодных верхних позиций.

Герцог Де Лабри согласно покивал, в полной мере оценив замысел баронессы. Действительно, укрыться от громил на почти открытом пространстве холла нечего было и думать. Они побежали к лестнице, расположенной по ту сторону громадного зала, почти у самого входа. У Сергея было очень сильное искушение по дороге заглянуть за занавески, но он удержался. Кто его знает, может, все их «оппоненты» сейчас обыскивают двор и надворные постройки, ищут членов ужасного ордена Палагойцев. И могут заметить шевеление в окне. А это в свою очередь может навести их на некоторые подозрения.

Лестница круто поднималась вверх всего одним пролетом. От нее в глубь второго этажа вел неширокий коридор. С обеих сторон двери – не слишком много, к счастью. Клоти с легкой ноткой нерешительности в голосе сказала:

– По правую руку мое, по левую ваше, сэра Сериога. Сначала осторожно приоткрываем дверь в покои, потом, ежели кто там двинется...

Интересно, касалась ли эта нотка смущения баронессы совершенно незнакомой ей обстановки? Или она наконец-то начала сомневаться в своем праве приказывать ему?

– Лучше не так, – торопливо зашептал он, предчувствуя, что леди Клотильду вот-вот занесет на дорогу махрового рыцарского героизма, а он, признаться честно, в отличие от Клоти не горел желанием кидаться собственной грудью на стволы. – Это... это будет не совсем разумно. Распахивая двери, мы только оповестим их о своем появлении на арене. Они спрячутся в какой-нибудь угол, а затем, когда мы появимся у них на мушке...

Кстати, о пистолетах, – у оставленных в подвале они наверняка были. Стоило их прихватить... но тогда пришлось бы заниматься срочным инструктажем Клоти на тему огнестрельного оружия, в котором он и сам-то ни бельмеса не смыслит. К тому же оружие в руках человека, не умеющего с ним обращаться, все равно что граната в руках у обезьяны. То ли себя зацепишь, то ли противника... И уж если «грабители» продемонстрируют оружие, в них наверняка тут же начнут стрелять. А так есть шанс обойтись без кровопролития. Им пригрозят стволами, они послушно сдадутся, как воспитанные мальчик и девочка из этого мира... И тогда уж можно опробовать на противнике метод леди Клотильды – это когда внезапно да кулаком по темечку.

– Лучше давай-ка встанем вот за этот угол и пошумим. Если у них кто есть в этих комнатах, он тут же выскочит в коридор посмотреть. И, Клоти...

– А? – незамедлительно откликнулась его боевая подруга. С готовностью и доверием откликнулась, отчего у него сразу потеплело на сердце.

Он сдержал приступ щенячьего восторга и строго сказал:

– Если на тебя наставят небольшую такую черную штучку, которая помещается в руке или немного торчит на манер палки с ответвлениями...

– Маленькая черная штучка вроде тех, какие были у этих смердов и бандюг, подло посмеявшихся посягнуть на твою и мою благородные особы?

– Да. Тогда лучше застыть и поднять руки. Жди, пока они приблизятся к тебе. А затем уж и наступай. Но помни – в первую очередь надо уйти из-под наставленного ствола...

– Соображаешь в тактике ты, сэра Сериога! – похвалила его Клоти. – И верно, когда

целятся в тебя незнакомым оружием, следует выждать. Вот увидишь, врежу я им только тогда, когда отведут они от меня свои магические пукалки!

– Гений, – несчастным голосом пробормотал он. И подумал: а удастся ли им вырваться из этой заварушки живыми? Страшно-то как... но и раскисать на глазах у Клоти он не мог себе позволить. Никак.

Сергея отпихнул Клоти в угол, а сам подпрыгнул и громко бухнул подошвами по самой верхней ступеньке лестницы. Считай, уже почти по перекрытию второго этажа, в этом месте еще свободному от ковров. Ботинки брякнули по роскошному матовому паркету с гулким звуком – словно по барабану запустили булыжником. А потом Серега стремительно откатился в угол, расположенный напротив того, в котором пряталась леди Клотильда. Паркет под ногами протестующе скрипнул.

Никого. В коридоре по-прежнему было тихо и пустынно.

– Берем за аксиому, что там никого нет, – пробурчал он. – И почему это меня данный факт не слишком радует? Даже совершенно не радует. Значит, все выбрались за пределы дома – обыскивают или ждут в засаде почтенных палагойцев. Плохо. Для атаки с тыла мы слишком плохо вооружены...

Они слаженно слетели по лестнице вниз и кинулись к выходу.

– Каков твой план захвата территории вокруг сего замка? – почти с восторгом спросила вдруг леди Юготильда, притормозив у самых дверей.

И посмотрела на него преданным взглядом – совсем как один из суворовских «чудо-богатырей» на самого графа и фельдмаршала Суворова. Серега поежился. В их паре всегда именно она бывала ведущей. Обычно именно она...

– Желает ли ты, дабы я отвлекла их внимание, атаковав со стороны одного из задних окон? – ликующим голосом предложила Клоти. – Или же, наоборот, осуществлю я ложную атаку спереди, в то время как ты...

– Как я – что? – угрюмо спросил Сергей.

Клотильда озадаченно подвигала ровными бровями, но ничего не сказала. Кажется, и до нее дошел весь ужас ситуации.

Весь их ударный отряд состоял всего из двух человек! Практически безоружных.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тяжело мечу на Руси...

– Э-э...

Клоти отпустила глубокомысленное эканье и замолкла.

– Там внизу есть оружие, – с дрожью в голосе проговорил Серега.

Клоти – с пистолетом в руке?! И на свободе?!

Впрочем, она скорее воспользуется пистолетной рукояткой для удара по чьему-нибудь затылку на манер кастета, чем собственно дулом по его прямому назначению.

– Я... я думаю, нам надо опять пошуметь. И когда они ринутся сюда, устроить им засаду во-он за теми диванами. Сейчас спустимся в подвал, заберем...

– Поздно, сэр Сериога! – с неожиданно ожесточившимся лицом перебила его баронесса. – Они уже идут! Хотя мы пока что и не шумели...

За дверью слышались голоса и торопливые шаги, причем и те и другие приближались. Разговаривали два человека.

– Гони сюда Иваныча, пусть сам и посмотрит...

– Блин, карусель какая-то...

Дальше зазвучали ругательства вперемешку с удивленными междометиями. И так, там, на дворе, что-то происходило. Но что именно?

Тем временем Клоти пружинисто развернулась и переправила его по другую сторону от входа, жестко пихнув локтем в бок. Он открыл было рот, собираясь запротестовать, – локоть грубо прервал его раздумья на тему происходящего во дворе. Что бы ни происходило там – здесь время было для действий, а не для дум. Клоти, притаившись за изогнутым в форме колонны косяком, прошептала:

– Стой тихо и бей...

– Нет, Клоти!! – шепотом отчаянно завопил он. – За диваны, живо!! Если их будет больше двух, они нас попросту сомнут!

И он нырнул за укрытие, не дожидаясь ее ответа, просто полностью положившись на то чувство дисциплины, которое должно было быть у Клоти, выросшей в строго иерархическом обществе. В конце концов он же герцог, а баронесса никак не может послушаться герцога, стоящего в феодальной табели о рангах на несколько ступенек выше! Сам он перевалился животом через спинку дивана. Даже обитая, спинка болезненно проехала по брюху. Сергей поморщился. Следом неслышно приземлилась Клоти, брыкнув его по пути мощной стопой по коленке и пробурчав что-то вроде одобрения. Примерно так:

– Соображение, гм...

И почти тут же двери в гигантский холл захлопали. Вошедшие продолжали обсуждать возбужденными голосами нечто загадочное, увиденное ими во дворе. Вот интересно, что бы это могло быть? Судя по обрывкам реплик, свободным от ругательств, речь шла о чем-то светящемся. И при этом далеком от света обычных фонарей...

Клотильда подняла четыре пальца, обозначая количестводвигающихся вдоль их дивана людей. Потом подняла указательный, призывая его ко вниманию. Сергей опустил веки, давая ей понять, что уяснил эту нехитрую жестикуляцию, напряг мышцы, изготавившись к прыжку в нужный момент. Когда шаги замыкающего отряд из четырех человек миновали диван, Клоти коротко кивнула.

Значит, пора.

Баронесса, как всегда, поспела первая. Длинное мощное тело просвистело у него над головой в прыжке, до ужаса напоминавшем прыжок пантеры, приземлилось там на кого-то, с хрустом расправилось с первой своей жертвой. И двинулось дальше. Сергей выскочил из-за дивана как раз к моменту окончательной зачистки поля боя Клотильдой. И остался стоять, выставив перед собой костистые кулаки в защитно-обороняющемся жесте.

Враги, дюжие здоровячки средних лет, валялись по полу в бессознательном состоянии. Клоти стояла примерно посередке, радостно глядя на Серегу.

– Что теперь?

– Во двор, – предложил он. И не удержался, посожалев вслух: – Надо было хоть одного из них оставить для допроса. Что-то у них там творится непонятное...

– Двор здесь! – отрапортовала ему Клотильда в своей обычной радостно-приподнятой манере. – Выглянем и узнаем!

– Ну да, – пробормотал он, покорно пристраиваясь в затылок к зашагавшей по направлению к дверям Клоти. – И как всегда, никаких мыслей о том, что выглянувшую головку может и шандарахнуть что-нибудь...

– Ты у нас герцог, ты и будь умным!

На это ответа Серега не нашел.

Он перешагнул вслед за Клоти порог особняка и застыл на месте. Как Лотова жена в штанах.

По всему периметру забора тянулось странное сияние, собирающееся в нити и комки голубоватого огня. Это чем-то сильно напоминало пресловутые и легендарные огни святого Эльма. Но огням – по легенде – полагалось появляться не где-нибудь, а только на мачтах обреченных кораблей. И уж совсем не место было им на заборчике новорусского коттеджа...

Было еще кое-что странное: казалось, что светлый октябрьский день резко поменял свою освещенность над особняком антиквара. Промытая небесная голубизна неестественно сгущалась над забором и воротами до синевы предвечерних сумерек. На этом фоне неоновоголубые огни святого Эльма сияли особенно ярко.

– И что бы это значило? – громко и отдельно произнес Серега.

Вопрос вообще-то предназначался леди Клотильде, но она стояла в остолбенелой позе с приоткрытым ртом. И явно была не в состоянии слышать что-либо.

Зато огоньки на заборе сразу же после его речи радостно запульсировали.

– Это... – после небольшой паузы напряженно произнесла Клоти. – Это Сияние Милгота!

На ее слова огоньки не прореагировали никак. Сияние успокоилось и теперь горело ровно, как лампочка в патроне.

– Вот как? – проявил сдержанное любопытство Серега. Огоньки тут же снова взорвались суматошным полыханием.

– Милгот – святой меч, – с придыханием пояснила Клоти. – Был он некогда отважным рыцарем, но император, правивший тогда, затеял поход против племени дурдлов, кои из своих земель злоумышляли супротив него злостные интриги...

– И наверняка при этом еще и жили неплохо... – пробормотал Серега.

Огоньки снова радостно замельтешили. Похоже, они реагировали непосредственно на его голос. Непонятно, но очень настораживает...

Кожа на локтях и загривке герцога Де Лабри покрылась мурашками. Оч-чень даже

интересно...

Клоти задумчиво прокомментировала его высказывание:

– Да, земли у них, по преданиям, были богатейшие... Правда, после того как они присоединились к империи, враз почему-то обеднели...

– И с чего бы это? – насмешливо подивился Серега. – Наверное, император с ребятами погуляли на них во всю ширь?

– Не перебивай, – грозно сказала Клоти. – Так вот, поход шел неровно и в какой-то момент... Хотя и немногочисленны были дурдлы, но по глупости... гм...

– Что, неужто отважно сражались?

– Нет, – насупившись, заявила Клоти. – Не слишком отважно. Но и дурак за свое кровное дерется. Ну, попал император в засаду и пришлось ему временно отступить. Вместе со всем своим войском...

– Драпал, значит, император? – радостно встрял Серега, наблюдая усиливающееся мелькание голубых огней.

– Нет! – недовольно рыкнула Клоти. Странно, но она вроде бы совершенно не замечала, что огоньки вновь и вновь начинают свое судорожное мельтешение, стоит только Сереге открыть рот...

– Император просто временно отступил. Сохранив, хотя и слегка подрастеряв, свое войско. Но отступил со всевозможным благородством!

Она смерила его взглядом – дескать, не понимаешь ты, сэръ Сериога, благородства по-императорски! И продолжила радостным тоном:

– А сэръ Милгот в одиночку остался прикрывать ущелье, по которому отступал император!

– Что тоже было сделано со всевозможным благородством, – прокомментировал Серега. – Самому драпать вместе со всем войском, а сзади бросить одного-единственного человека на растерзание врагам!

– Это долг каждого вассала и рыцаря! – гулко проревела Клоти. И от переизбытка чувств вдарила кулаком по белой стеночке рядом с входной дверью.

Рифленая обшивка стены жалко крикнула и провалилась внушительной дыркой внутрь самой себя. Оттуда брызнули кирпичные обломки и цементно-строительная пыль. Серега заморгал – часть фонтанчика попала ему прямо в глаза.

– И вот тогда, – уже ревела Клоти со всей страстью в голосе, – начал крушить рыцарь Милгот всех направо и налево! И когда уже горы тел врагов его лежали вокруг и меч рыцаря обагрился их кровью по самую рукоятку, случилось ужасное!

– Появилась умная мысль, что дерется зазря? Не может быть!

Клотильда грозно взглянула на герцога Де Лабри, который по-прежнему не проявлял ни капли понимания в том, что касалось благородства по-рыцарски. Или по-императорски.

– Нет! Меч выпал из усталой руки рыцаря! И упал в расщелину. Приблизились отвратительные дурдлы к сэру Милготу, и взмолился рыцарь Единому и Пресвятому о том, чтобы хоть перед смертью вновь соединиться ему со своим мечом, умереть, как подобает рыцарю, – с мечом в руке! И чтобы меч сей не позволил-таки врагам настичь императора! И показал тогда Единый ему милость свою!

Клоти снова радостно вогнала кулак в обшивку. Та покорно хрустнула и явила взгляду новую дыру.

– Ожил меч рыцарский, свершилось чудо святого Милгота! Засияло все ущелье в

точности такими огнями! И отступили в испуге дурдлы, прижались к скалам! А меч, обретший душу, принялся сам крушить врагов!

– Да неужто? – засомневался герцог Де Лабри. Грани между физическим и метафизическим в рассказах Клотильды просто не существовало.

– Точно! – возопила Клоти. – Они расступились, а меч все крушил и крушил! А затем сам влетел в руку святого Милгота!

– Это явное чудо, – поддержал воодушевленную баронессу Сергей. – Особенно если при этом у него уцелела кисть. Значит, это огни не святого Эльма, а огни святого Милгота...

– Догадываюсь, сэр Сериога, – поучительным тоном заявила Клоти, – что и вам знакомы сии огни. Надеюсь, ваш святой сэр Эльм совершил подвиг не меньший, чем наш Милгот?

– Ничуть, – заверил девушку Серега, знавший о святом Эльме так же мало, как и о почтенном Милготе. – Ну и что означает появление здесь огней святого Милгота?

– Ну как же, сэр Сериога! – простодушно удивилась девушка, – Ты тоже потерял свой меч, как и святой Милгот!

– Чудесно, – напряженно сказал он. – Я потерял свой меч, но он решил одухотвориться. В полном соответствии с законами вашего мира, о чем свидетельствуют эти огоньки. Хотя я-то, как припоминаю, Единому не молился... Что дальше?

– Теперь он исполнит высказанную тобой волю, – с готовностью проинформировала его Клотильда, – Ты же сказал: «Эта вещь вас всех похоронит!» Хоть и нехорошо называть вещь меч.

– Переживет, – бросил он.

Итак, меч оказался до какой-то степени магическим. Стало быть, он принес в свой сугубо физический мир магический предмет. И вместе с ним – магию, которой здесь прежде не было! Во всяком случае, явно не было.

Виновен!!! Это несомненно. И все, что он может, – это жалко блять: «Но я же не знал...»

Ладно, решил Серега, о последствиях поговорим потом. Сейчас надо выбираться из этой ситуации.

– Так что же последует дальше, Клоти?

– Он их похоронит! – радостно констатировала простодушная девушка Клотильда. – Всех этих смердов, кои у вас почему-то зовутся братками. Я думаю, он только ждет, чтобы мы сошли с крыльца. А потом он их похоронит и сам вернется в твою руку. Пошли с крыльца, сэр Сериога! Да свершит меч возмездие вору!

– Нет, – каким-то замороженным голосом просипел он. И перехватил руку Клотильды, вознамерившейся дать ему толчка. Разумеется, в сторону двора. – Мы никого убивать не будем. Слышишь, Клоти? И ты... и мой меч. Никого.

– Поздно, сэр Сериога, – замогильным голосом протянула Клоти. – Ты уже сказал, то есть предрек. Теперь ничто не остановит руку Единого, направленную твоей волей и чудом святого Милгота...

– Черт...

Он схватил Клоти за руку, подтащил поближе, уточнил придуренным шепотом:

– Значит, пока мы здесь, он ничего не сделает?

– Ничего. Но что ты хочешь сказать, сэр Сериога?

Он мрачно улыбнулся, предвидя град ее возражений, и сообщил:

– Сейчас мы вернемся туда и вытащим всех этих, как ты выразилась, братков из дома...

– Нет! – взорвалась Клоти. – Они достойны смерти!

Сергеа вздохнул и прикрыл глаза.

– Если в моем мире убивать всех, кто этого достоин... налогоплательщиков не останется. В общем, так. Давай договоримся – я буду решать, кого в моем мире убивать, а кого нет. Хорошо? Ну вот и чудненько, а теперь довожу до сведения – я против убийств вообще. А в своем мире особенно.

– Но как же свершать тогда праведную месть?! – воинственно откликнулась Клоти.

– У нас считают, что Бог сказал: «Мне отмщение и аз воздам». То есть месть – это дело исключительно Божье.

– Не по-рыцарски...

– Точно! – прервал ее герцог Де Лабри. – Но меня устраивает. А теперь пошли в дом и вытащим этих бандитов во двор. Поскольку мое сиятельство сказала, что меч похоронит их непременно в доме, думаю, если вытащить их оттуда вон, то и предречение мое станет пустым звуком...

Клоти странно так хихикнула. Сергеа посмотрел на леди недоуменно, но у той на лице уже было самое нормальное выражение – ее всегдашней готовности к трудам и оборонам...

Вдвоем они быстро выволокли слегка упирающуюся парочку из подвала, затем Клоти поочередно свалила их на центральный газончик перед домом. Так же слаженно и быстро они отволокли туда же тех четырех бесчувственных, что валялись в холле.

У одного из них Сергеа обнаружил и выудил пачку долларов, переданную девицей Фирой по поручению эльфийского короля.

– Все, – изрек он, оглядывая аккуратную кучу из шести тел. Двух упирающихся они спокойствия ради уложили под самый низ и прижали теми, кто лежал спокойно. – Дело сделано, и можно уходить с чистой совестью. Эй, меч, где ты там? Гм...

Он не совсем уверенно вытянул вперед руку. Ладонью вверх. Прилетит меч или нет? Через плечо сообщил связанной парочке – до ужаса удивленному Иванычу и его битюгуптелохранилю:

– Сейчас вы увидите кое-что, что приоткроет вам глазки на сущность того, что вы у меня сперли...

И затаил дыхание. А если не получится? Если все это вранье и не будет никакого чуда святого Милгота. Вот идиотом он тогда будет!..

Огни по забору вдруг засияли с прожекторной яркостью. Нет, точно – в этих чудесах все завязано на мече и на нем лично. Вот только у меча, увы, оказалась своя воля, что его, Серегу, не очень радует, поскольку не дает возможности переиграть необдуманно сказанные слова... Поздно, паря, поздно – проехали, да со свистом. Остается только попытаться исправить обстоятельства.

В глубине дома вдруг что-то заколотилось. И загремело. И застучало. Иваныч из-под кучи таращил глаза, потел и краснел, силясь повыше приподнять голову. Но при этом дисциплинированно молчал, не пытаясь завопить и призвать соседей к исполнению их гражданского долга. Впрочем, этому немало способствовала кровожадная улыбка на лице Клоты, которое она время от времени поворачивала в сторону пухлячка-антиквара и его... сотоварища? Нет, пожалуй, все-таки солежника.

А потом с двускатной крыши, красивенько выложенной малиново-алой черепицей, полетела вниз и в стороны та самая черепица. По скатам начали каскадом сиять огни

святого Милгота – и посередине крыши возник вдруг разлом, словно бы горбинка скатов просто взяла да и треснула. И в разломе завис, явившись как бы ниоткуда, палагойский меч. Исканный и званый, висевший прямо в воздухе без всякой поддержки вверх рукоятью.

Двое на газоне забормотали что-то с придыханием в голосе и заиканием. Серега покартиннее вытянул руку, выдохнул, постарался расслабить сведенные от напряжения мышцы кисти – чтобы было не так больно, когда меч ударит в руку.

И он действительно прилетел ему прямо в ладонь, с чуть заметным посвистыванием в воздухе – словно ветерок промчался – и скрежетанием лезвия в золотом наверху ножен. Как ни странно, удара он не почувствовал. Меч просто влился в пальцы, и те мгновенно сомкнулись на прохладной рифленой украшенной рукояти...

Цепь конечно же была намотана на плоские, облепленные рельефными золотыми детальками ножны и несла на себе два ветвистых рога шпор. Полный рыцарский набор, вернувшийся к хозяину на манер верной собаки.

– Ну, мы пошли, – чуть ли не с извинением сказал Серега в сторону неровно уложенных тел. – И... э-э... давайте больше не встречаться, ладно? Лично мне вполне хватило и одного раза. Клоти, развяжи их.

Леди Клотильда сделала большие глаза. И почти покрутила пальцем у виска – правда, проделала она все это исключительно лицом, а не пальцем. Так сказать, мимика на грани жестикуляции. Но все же развязала тех двоих связанных. Четверо поверженных в холле, на которых пут не было, начали приходить в себя. Подтверждением чему служили жалобные стоны с их стороны.

– Думаю, вы не захотите позвать себе на помощь милицию, – нахально предположил Серега, подталкивая Клоти к выходу. – Ситуация аховая, а ваши поддельники могут ненароком и запутаться в своих показаниях. Что в свою очередь возбудит подозрения у органов, не так ли? Какая-то вещь – то ли не вещь, то ли уворованная, то ли нет... Руки развязаны, так что первую помощь окажете друг другу сами. А у нас, увы, дела, дела...

Клоти безропотно позволила увлечь себя за ворота. Серега первым перешагнул стальной порожек калитки, прорезанной в воротах. И застыл, стоило ему очутиться по ту сторону забора.

Здесь, с улицы, ничего не было видно. Огни святого Милгота, новогодней иллюминацией сиявшие внутри двора, снаружи умудрились ничем себя не проявить. Над головой простиралось бледно-голубое осеннее чистое небо, по которому даже тянулся реденький птичий клин – над самым горбиком покорябанной крыши.

И ничего больше. Только тишина, монументальные ограды вокруг и призрачно-хрупкая красота солнечного октябрьского дня...

Водитель «москвича», по-прежнему сидевший на шоферском месте, высунулся в оконце при виде Сергея и Клотильды. И – судя по лицу – очень даже удивился.

– Привет, – благожелательно сказал Серега, медленно разворачиваясь от коттеджа антиквара к улице. – Ваши попросили подбросить нас до города.

– Что?.. – недопонял водитель.

Но тут Клоти, уставшая стоять безмолвной статуей, решила провести кое-какие действия – надо думать, в качестве наглядной агитации. Мускулистая блондинка шагнула вперед и просто-напросто отодрала зеркало заднего вида с дверцы машины. Водитель с выпученными глазами отпрянул в глубь салона и уже оттуда посмотрел с невольным уважением и страхом на мощную руку Клоти, в которой было зажато отодранное зеркальце,

сиротливо пускавшее зайчиков в сторону соседней ограды. Затем девушка (а по правде говоря – боевой монстр магического Средневековья) присовокупила сквозь зубы:

– Ну? Теперь везешь?

Водитель судорожно сглотнул. Звук громко отозвался в холодном суховатом воздухе улицы, на которой царил самый обычный тихий осенний день.

Сергеа вздохнул. Вот и тут мы начинаем жить по правилам леди Клотильды. И как ни странно, средневековые правила оказались крайне действенными в мире современной России. Во всяком случае, Клотильду все понимали с полуслова, стоило ей только начать себя вести как баронесса-рыцарь Дю Персиваль. Клоти тем временем еще и кулак занесла, целясь в простоватое лицо за рулем. Парень вжался в кресло.

– Повезешь?!

Тот, помедлив, нерешительно кивнул. Но на его лице за испуганной гримасой легко угадывалась злость. И ведь было на что злиться. Пленница освободилась, вышла из хорошо охраняемого особняка в компании с неизвестно откуда взявшимся молокососом, а теперь еще и машет кулаком под носом, требуя подвезти себя до города. Свои же за все это время и носа из двора не показали, оставив его без помощи и без подсказки. Что же на самом деле во дворе произошло?..

Впрочем, если не дурак, то должен догадаться, что у друзей случились непредвиденные критические часы, и их, скорее всего, отнюдь не консенсусом убедили отпустить девицу. А если уж совсем умный, то после доставки парочки до города обязательно вернешься. Зайдешь во двор и окажешь первую помощь страдальцам.

И тут сзади что-то громко ухнуло с пронзительным скрежетом и грохотом. Сверху на Серегу с Клотильдой посыпалась пыль и мелкие обломки чего-то больше всего напоминающего строительный мусор. Они обернулись.

Крыша коттеджа, холмиком видневшаяся из-за забора, теперь превратилась в скелет из нескольких стропил, сиротливо торчащих над оградой. Клоти, опомнившись первой, кинулась во двор. Сергеа с небольшим опозданием последовал за ней, столкнувшись в воротах с водителем «москвича».

Внутри царил разор и бедлам. По аккуратным газончикам и группам деревьев, из которых состоял возделанный с определенной претензией на вкус приусадебный участок, сейчас валялся мусор – куски обшивки коттеджа, арматура, кирпичи, обломки бетонных плит. Ковер из мусора местами сгибал ветви деревьев до самой земли. А в центре высился остов коттеджа. Сохранились лишь остатки стен вокруг несущих колонн и опор, перекрытия торчали рядом параллельных балок, щерились в небо лишённые покрытия стропила...

Двое из тех четверых, которых леди Клотильда вырубил в холле, сидели на замусоренной лужайке возле бывшего крыльца, сейчас отмеченного лишь ступеньками. Сидели неподвижно, широко раскинув по земле ноги и не сводя взгляда с горбатого завала, высящегося под сводами обнажившегося каркаса.

Все, на что был сейчас способен Сергей, – это издавать нечленораздельные звуки. Типа «э-э», «м-да...» и чуть ли не «ме-э»...

– Ну вот, – на удивление бодро сказала леди Клотильда противным голосом – тем самым, которым она бесконечно поучала Серегу во время их странствий по Нибелунгии. – Меч выполнил твоё предсказание, и враги наши торжественно захоронены. Дурачье, им больше не следовало заходить в этот дом... И хорошо, что ты не предупредил их об этом!

О том, что она сама забыла «предупредить» об этом обстоятельстве Серегу, разумеется,

не было сказано ни слова.

– Я... я, собственно... Но как?!

Клоти этак набожно возвела свои бессовестные очи к небу:

– Все было произнесено, а то, что ты их вытащил во двор, всего лишь отсрочило исполнение приговора. Но не отменило. Да не сокрушайся ты так, сэриога. На то была воля святого Милгота, не твоя. Ты всего лишь запустил предсказание. Исполнение же его было не в твоей власти – это священная воля святого Милгота, который назначен от Единого следить, чтобы рыцари наши не разлучались беззаконным образом со своими мечами. Хоть по пьянке, хоть... гм... Да еще, пожалуй, это воля твоего меча, коему, само собой, безбожный ростовщик был еще менее по вкусу, чем...

Слова «рыцарь, который в своем мире не смеет и руки на обидчика поднять» слишком ясно читались в многозначительном Клотильдином хмыканье. Как низко он пал в ее глазах! Впрочем, разве когда-нибудь он в них поднимался?

– Воля моего меча? – потрясение переспросил Серега, глядя на развалины, только что ставшие могилой сразу четырех человек. У него мелькнула мысль, что, может быть, кто-нибудь из них еще жив – извлекают же после землетрясений живых людей?

– Должен ты знать, сэриога, – философски сказала Клоти, равнодушно глядя на братскую могилу антиквара со товарищи и попутно сгребая одной рукой за воротник ринувшегося назад к воротам водителя, – что всякий меч несет в себе частичку души. А меч ордена колдунов-рыцарей, коими и являются палагойцы, помимо этого наделен еще и магическими силами. Слова, которые ты говоришь про меч, могут сбываться.

– Ладно, – буркнул Серега, понемногу приходя в себя и начиная вновь что-то соображать. – Надо... надо начать разгрести развалины. Почти наверняка кто-то из них еще жив.

– Ты сказал – «похоронит», – педантично напомнила ему леди Клотильда. – Не сомневайся, живых нет.

Меч согласно дрогнул у него в руке, как бы подтверждая слова Клоти. Или же просто подтверждая?

– Но...

– Надо уходить.

Серега беспомощно забарахтался в удавке собственного воротника, за который Клотильда ухватила твердой рукой и поволокла его к воротам. Он слегка упирался, но шел. В конце концов баронесса из колен Персивалевых была совершенно права – врагу вражья смерть. И на войне, как на войне, короче. Его самого в подвал затащили тоже отнюдь не цветочки нюхать...

Он в очередной раз стал убийцей! Причем уже в своем собственном мире, на родной Земле...

В другой руке у Клоти болтался водитель, также вынужденный перебирать ногами под тягой уверенной и мощной Клотильдиной длани. Судя по лицу бедолаги, ему не больно-то и хотелось идти с двумя такими странными типами, но события во дворе коттеджа его сильно впечатлили. И высказывания Клоти, обрисовывающие Серегу как главного виновника произошедшего, также повлияли на его способность к сопротивлению...

Они под согласное молчание загрузились в машину и отбыли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

День обычный. Где-то там

Ведьма гостила в замке уже два дня. Ничего не происходило – никакой реакции не было ни со стороны палагойцев, ни со стороны замковой прислуги. Впрочем, насчет последних это утверждение было не совсем верно. Появление в Дебро избитой сельской ведьмы по неизвестной причине добавило Герославу, приведенному ведьму, авторитета в глазах прислуги. К нему начали обращаться куда с большим уважением и гораздо быстрее стали выполнять приказания из его уст. Похоже, местные, немало претерпевшие от рук своего прежнего хозяина, барона Квезака, сочувствовали пострадавшей девушке. И частично сочувствие распространилось на Герослава.

Три ведьмы из городка Дебро тоже скрывались сейчас в замке, укрытые дворовыми слугами от толпы, пришедшей громить их дома. Оборотень благословлял тот факт, что у ведьм никогда не бывает семей – иначе бы кровопролития избежать не удалось. Нищие, бродяги и отщепенцы из квартала городской бедноты пошли на ведьм глухой ночью. Три ведьмы – одна старушка, две других помоложе – едва успели добежать до замка, благо их вовремя предупредили благодарные девицы, бегавшие к ведьмам за приворотным зельем. Но по пятам жертв гналась взбудораженная распаленная орава. А когда не обременные детишками ведьмы все-таки добрались до спасительного моста, бдительный капитан стражи приказал тут же мост поднять – и часть толпы вслед за женщинами закатилась прямо во двор замка, где их быстро разделили на правых и виноватых, упаковав последних в кутузку, сиречь в глубооченные темницы замка Дебро.

Сейчас в городе царило напряженное и шаткое перемирие – беднота столпилась под стенами замка, но на штурм пока не шла, поглядывая при этом на высокие башни замка Дебро с нехорошим вниманием. С оч-чень нехорошим. Герослав приказал усилить стражу и предупредить всех подвассальных лэрдов о том, чтобы привели свои отряды в состояние полной боевой готовности. И даже начал подумывать, а не собрать ли всех вассалов в стенах Дебро вместе с их людьми. Но при отсутствии явного врага тратить припасы замка на содержание немалого войска было не слишком хорошей затеей, и Герослав от нее отказался.

Городские стражники сбились с ног, шныряя по городу, внезапно ополчившемуся на «замковых», но так и не смогли отыскать для оборотня-наместника того, кто привез в Дебро и передал местным бродягам амулеты против силы ведьм.

Короче, обстановка в городе была просто хуже некуда. Еще и – этого ему не хватало! – состояние Гальды вызывало у оборотня серьезные опасения.

А с другой стороны, какое ему дело до поруганной сельской ведьмы? Он ее вытащил, и довольно. У него и без нее хлопот было выше крыши. Именно в этом он пытался уверить себя последние два дня.

Однако именно по его приказанию слуги разворошили сундуки в гардеробных замка. Герослав, отдуваясь и пугаясь в длинных рукавах и свешивающихся подолах, лично оттранспортировал дамские тряпки до комнаты, куда он поместил Гальду. Спроси кто-нибудь – почему он решил притащить платья для ведьмы лично, Герослав так и не смог бы ответить. Он приволок в комнату охапку богатых, расшитых золотыми шелковыми нитями с жемчужной нанизью туалетов и с облегченным вздохом свалил прямо на кровать. Весь этот женский антураж, который в прежние годы ему не раз приходилось стаскивать с дам под

непрестанный аккомпанемент заверений в полнейшей невинности своих намерений, теперь его скорее раздражал, чем возбуждал, как то было раньше.

Но на женщин такие штучки действуют безотказно, новое красивое платье – величайший стимул для женщины. Главное – чтобы Гальда... успокоилась, расслабилась... Короче, свирепо заключил Герослав, стала больше походить на человека.

Гальда, сидевшая, поджав под себя ноги, у изголовья кровати, при его появлении тут же забила в угол, часто задышала и прикрылась от него подушкой. «Слабая защита, чисто символическая, – иронически подумал Герослав. – Если она и от тех деревенских мужиков так же защищалась, то неудивительно, что все так плачевно закончилось». Мысль была не очень доброй и от нее сильно пахивало мужским самодовольством, и поэтому оборотень быстренько ее прогнал, устыдившись и одновременно разозлившись на самого себя. Но ему и в самом деле было бы гораздо легче, если бы она сейчас попробовала его ударить... ну или хотя бы закричать. Наверное, что-то отразилось на его лице, потому что ведьма поплотнее забила в угол. Глаза у нее расширились, опять появилась страдальческая, уродующая ее гримаса. Осуждение. Вот чего боятся все женщины в такой ситуации. Герослав тут же торопливо изобразил самую очаровательную светскую улыбку, которая должна была сигнализировать – «все в порядке».

Не помогло. Ну, попробуем дальше.

– Я принес тебе платья, – сообщил оборотень самым приветливым голосом, на который был способен. – Э-э... А почему ты не поела?

Поднос с принесенным им вчера ужином стоял на столике у кровати нетронутым. Над мясом с застывшей жирной подливкой тоскливо кружила муха. Десерт – спелые фрукты, купленные на базаре по его приказу и выложенные на большом блюде, – сейчас приувыл, сморщился и отдавал разлагающейся сладкой мякотью.

– Э-э... Ну ничего. Гальда, тебе нужно поменять платье.

«И помыться», – добавил про себя Герослав. Служанки вчера принесли в эту комнату ванну и ведра с водой. Но Гальда, по их словам, мыться отказалась. «Собственно, она даже не заговорила с нами, милорд, – пожаловалась старшая из служанок. – Просто забила на свою кровать и сидела там, трясясь и всхлипывая. Ума не приложу, что с ней делать. Помыть бы силой – но ведь рехнется...»

Ванна и ведра и сейчас стояли в комнате. Служанки оставили их в надежде, что девушка помоеется, оставшись в одиночестве. Но вода по-прежнему была кристально чистой. Гальда ею не воспользовалась.

Он вздохнул и боком уселся на широченную кровать.

– Гальда, гм... А что ты намерена делать в будущем? Молчание.

– Не знаю, как ты... – мечтательно произнес он, устраиваясь поудобнее на мягкой кровати и искоса поглядывая на Гальду, – но я бы на твоём месте...

Девушка продолжала следить за ним настороженно-испуганным взглядом, но с места не двинулась и намерения закричать или убежать не выказывала. Хоть это хорошо.

– Я бы непременно пожелал отомстить им. Мечь – это сладкая вещь, ты не думаешь? Или тебе вообще не охота им отомстить?

Глаза у Гальды стали чуть более задумчивыми.

– А может, ты вообще не думаешь об этом? Решила все простить и забыть...

Девушка еле заметно мотнула головой. После небольшой паузы верхняя губа у нее дрогнула и задралась вверх, обнажив ряд обломанных зубов, среди которых зияли провалы.

И Герослав помимо желания припомнил вдруг те дни, когда у него у самого был в точности такой же рот – с выбитыми и обломанными зубами. Это случилось, когда на его земли обрушилось проклятие Отсушенных земель, а его посчитали виновным. Первый же камень, пущенный каким-то метким стрелком с городских стен Дебро, разбил губы в кровавую кашу и опустошил ему почти весь рот. В город его так и не пустили. Вассалы встали на сторону холопов – его благородные вассалы были тогда перепуганы не меньше суеверных смердов...

Нынешняя ситуация не слишком напоминала тогдашнюю. Но если вдуматься, дальнейшее развитие событий вполне могло покатиться по уже знакомой колее. Если кто-то захочет использовать ведьм как яблоко раздора между наиболее влиятельными лордами, их союзниками (к примеру, он союзник герцога Де Лабри) и простым людом плюс купцы и менее богатые лорды и рыцари, то...

То он здорово сыграл им на руку, притащив в замок эту ведьму. Теперь им остается только крикнуть: «Гадкие ведьмы и богатые лорды заодно, им лишь бы нас обирать!» – и готово, его снова начнут забрасывать камнями. Толпа не умеет рассуждать, а отсутствие твердой власти в империи на протяжении последних лет привело к тому, что в народе появились во множестве личности, готовые на все в надежде получить хоть что-то...

Вот только зачем все это палагойцам?

Оборотень мотнул головой, хищно обнажил зубы – все до одного целые. После недолгих скитаний по собственным землям его подобрали эльфы. Он умирал с голоду, некоторые суставы у него были раздроблены, на лице вообще не осталось ни одного живого места – каждая из его деревень гнала его от своих околиц градом камней. Эльфы отворили ему жилы и влили толику крови древнего оборотня Мра. И тело переродилось, и зубы выросли заново – крепкие и острые.

Но взамен он перестал быть человеком.

Герослав тряхнул головой и вернулся к действительности. Гальда по-прежнему сидела в углу кровати, сжавшись в комочек. Но подушку уже не сжимала перед собой в древнем защитном жесте, а скорее обнимала.

Он кивнул и поднялся с кровати.

– Помойся. И переоденься во что-нибудь... не рваное. К мести лучше приступать в чистом виде.

– За... зачем? – с усилием хрипло обронила Гальда.

– Затем, что нужно иметь к себе уважение. И люди должны испытывать к тебе уважение.

– Какое уважение... какое?! — лихорадочно вскинулась Гальда. – Ко мне после всего...

И махом развела руки в стороны. Тонкие кисти с сухим хрустом врезались – одна в стену, другая в резное деревянное изголовье. И упали на вышитое покрывало надломанными крылышками.

По деревянной загогулине изголовья потекла кровь.

– Слазь, – строгим голосом велел Герослав. – А то покрывало кровью запачкаешь – тебе этого старшая прислуга ни в жисть не простит. Настоящие люди будут испытывать к тебе уважение. А те, которые не люди, – на мнение таких надо плевать. С высокой дебровской башни. Беда – это то, что на тебя сваливается. А позор – это то, что ты сама делаешь. Так вот, ты ничего не сделала и тебе нечего стыдиться. На тебя свалилась беда. И чем достойнее ты из-под нее выберешься, тем...

– Ничего не сделала... – словно не слыша последних слов его прочувствованной речи, зачарованно повторила ведьма. – Ничего, чтобы... чтобы защититься...

Это почти в точности были его мысли – те, что у него появились, когда она прикрылась от него подушкой. Герослав вновь ощутил приступ стыда, на этот раз гораздо более сильный.

– Ты и не могла, – грубо сказал он. – Твоим односельчанам дали амулет. Не знаю какой, но он лишил тебя всей твоей силы. Ты не могла защититься, не повредив им, а амулет не давал тебе причинить им вред. Так что...

– Амулет Дригар... – в полузабытьи прошептала ведьма. Глаза ее затуманились, словно она в этот момент смотрела внутрь себя. И не видела ничего из внешнего мира – в том числе и его, Герослава.

– Что? Повтори! – Оборотень неосознанным жестом вскинул к ведьме руку, почти коснувшись ее ноги, едва укрытой рваным платьем.

Ведьма Гальда охнула и вжала колени в живот. Он опомнился, убрал руку, спокойным голосом твердо сказал:

– Не бойся. Это ведь я привел тебя сюда. Помнишь? Вот и славно. Это я, я хороший, я тебя вывел из твоей деревни, привел сюда, где ты в безопасности... Ты помнишь, да? – Девушка немного отмякла, и он торопливо продолжил: – Слушай, Гальда, это дело крайне серьезное. Ведьмы всей Нибелунгии сейчас преследуются, их избивают и... Ты поняла? А ты, оказывается, знаешь, с помощью какого амулета всем им руки повязали. Амулет Дригар, говоришь?

– Я... я не помнила, – прошептала ведьма, страдальчески морщась всякий раз, как холодный воздух комнаты на вдохе касался обломанных зубов. – Но ты сказал... И я вспомнида. У матушки Зельдер, которая была ведьмой до меня и... и учила меня, была книга. Старая такая. По словам матушки, она содержала магические знания, которые сейчас никто не использует, потому что против всего, что там написано, уже сложили противодействующие заклятия. Там было про амулет Дригар, а Зельдер меня научила грамоте...

– Ну еще бы! – пробормотал Герослав.

Ведьм, считай, единственных из всех женщин на селе учили грамоте в обязательном порядке. Иначе бы им не прочесть даже простенького заклятия и, что еще более для них недопустимо, не записать для потомства то, что придумают сами.

– Там было... почти как ты сказал, —с придыханием произнесла ведьма. – Поэтому я вспомнила. «Ты не сможешь защититься, мне не повредив, а амулет не даст тебе причинить мне вред»... Заклятие для оживления амулета. Именно так и было там написано, все, как ты сказал... Называется амулет Дригар. Лишает ведьм возможностей к противоборству...

– Так. Ну ладно, Гальда, мне нужно отлучиться, а ты давай пока вымойся и переоденься. Я часа через три к тебе зайду.

– Не буду, – чуть слышно произнесла ведьма потухшим голосом, хотя в нем и ясно слышались нотки былого упрямства. – Я... я осквернена. Платье тут не поможет.

Ну, упрямства Герославу и самому было не занимать. Но хорошо уже то, что она начала оживать, даже спорит с ним...

– Посмотри мне в глаза, – холодно предложил он. – Ты в них видишь хотя бы каплю презрения? Для меня ты чиста. И телом и душой. И этого должно быть для тебя вполне достаточно. Гальда, если хотя бы один человек считает тебя невинной – значит, ты и в самом деле невинна. А если тебе покажется... гм... что кто-то относится к тебе с

пренебрежением, просто вспомни мои глаза. Да, и мне сказать об этом не забудь.

– Но ты же не человек! – внезапно произнесла ведьма.

Он выдержал ее взгляд, ищущий, страдающий и обвиняющий одновременно:

– Да. А для тебя это важно?

Ведьма молча помотала головой, всхлипнула и сползла с кровати на пол, бережно прижимая к груди руки с обломанными ногтями.

* * *

Зала одного из дебровских трактиров была задымлена чадящими факелами. И пахла густыми хмельными запахами. Герослав скользнул безразличным взглядом по столам, за которыми сидели хорошо одетые люди – трактир посещали в основном подрядчики, купчики второй и третьей руки [\[11\]](#) и прочая публика, имеющая кое-какие денежки и желающая гульнуть на них не хуже прочих.

Посещали трактир и замковые стражники, когда им в руки перепала монета-другая – будь то жалованье или же милость заскучавшей благородной дамы, чью тоску по неутомимому мужскому телу сумел развеять ладный и услужливый молодец. В соответствии с запросами почтеннейшей публики была и обстановка в трактире – по стенам висели в пугающем количестве кевлаковы [\[12\]](#) и балгоньи [\[13\]](#) рога, в торцах зала два громадных камина, в которых потрескивал огонь, и – несомненный признак зажиточности хозяина трактира – над огнем этим не было вертелов с дичью. Пища здесь готовилась на кухне, и обоняние уважаемых посетителей было таким образом спасено от грубых запахов.

Среди посетителей были и те, кто узнал его. Но, как и следовало ожидать, никто не поспешил подойти и поздороваться. Герослав отметил про себя с облегчением, что замковых стражников сегодня в трактире нет – они ведь могли и подойти, но это ему не было нужно.

Он выбрал себе столик в затемненном углу, подальше от огня. Прошел туда твердой походкой, опустив подбородок в высокий воротник плаща и пряча глаза.

Разнаряженная певичка, явно состоящая на хорошем жалованье у хозяина трактира – чего не сделаешь, лишь бы привадить денежную публику посещать трактир почаще, – пела на крохотном пятачке посередке, между столами. Парнишка лет восемнадцати, притулившийся едва ли не под одной из столешниц, прилежно наярывал на квантре [\[14\]](#), одновременно тонким голоском подтягивая молоденькой певичке. Оборотень прислушался. Пели «Разлученных любовников», песню почти двухвековой давности. Еще в молодости, в бытность свою герцогом Де Лабри, в парадной зале своего замка он слушал ее в исполнении певцов и певичек, обладающих голосом получше, чем эта крикливо выраженная особа.

Хай-ме! Воздену руки, дождем меня обнимут небеса.

Печальна женщина, когда она – в разлуке. Прекрасен для нее лишь тот, по ком печалится душа.

Но в чем краса? И почему от века Мы любим тех, кому не любы мы?

Здесь петушиное подпевание парнишки вдруг переросло в серебристый горловой тенор:

Поверь, любимая, твои упреки лживы.

Нет большей для меня мечты,

Чем возвратиться вновь к тебе с победой.

Прими ж обеты верные мои...

Из глубины залы к Герославу подпорхнула служаночка. В громадном белом чепце и желтовато-палевом складчатом фартуке. Он изобразил на лице сдержанное мужское одобрение ее щедро обнаженным прелестям и сказал слегка гнусавым голосом:

– Добрый вечер, милая. А скажи, не закахивал ли сюда сегодня господин Вернераска? У него еще ухо с остринкой и подбородок с раздвоинкой...

Служанка отрицательно покачала головой, но взгляд, который она бросила на него, был откровенно изучающий. Герослав перешел на вихлявый тон, каким обычно торгуются на базаре купчики третьей руки и кухарки из богатых домов:

– То не страшно, что не видала, а то страшно, что не сказала... Я-то ничего, милая. Я-то понимаю, что господин Вернераска уж заказал себе на верхнем этаже комнату какую получше, да и знакомится себе там помаленьку с вашей кухней, а затем и ты туда должна подняться – с благословения хозяина и по воле Единого...

Служанка обиженно отвела глаза и этим сказала Князю двуликих детей ночи все. Наверх, в богато обставленную комнату к щедрому господину, поджидающему девицу за обильно накрытым столом, должна была подняться совсем не она.

– Но господин Вернераска будет страшно огорчен, ежели прямо сейчас не услышит из моих уст кое-какие новости, касающиеся его дел. Скажи ему, что прибыл господин Геро... Геродонт.

Он аккуратно и неспешно выложил на краешек стола жарко блеснувшую монетку, и служанка, коротко присев, смахнула ее как бы случайно подолом фартук*. А затем удалилась к не приметной двери, по пути демонстративно покачивая бедрами и благосклонно принимая шлепки подгулявших посетителей по выдающейся во всех смыслах задней части.

Герослав почесал длинным ногтем зазудевший вдруг кончик носа и пересел на другой стул, спиной к залу. Ждать пришлось недолго – служаночка вихрем вылетела из двери и торопливо простучала деревянными башмаками по направлению к его столу.

– Да, милая?

Герослав повернул голову к приближающейся девице, с некоторым трудом нарисовал на лице нахальную и сальную улыбочку. Именно так и должен смотреть средней руки посетитель на аппетитную трактирную барышню. Оставалось только надеяться, что он не переборщил в своей улыбке с салом и нахальством. И служанка видит в нем как раз то, что он пытался из себя изобразить, – мелкую сошку при больших деньгах, что-то вроде приказчика или посыльного с определенной долей доверия.

– Господин Вернераска вас просят. Второй этаж, комната в самом конце. Герцогская.

Герцогская? Ха! Несомненно, у хозяина для любопытных постояльцев и легенда соответствующая заготовлена: дескать, в этой комнате некогда почивал сам герцог Де Лабри. «И имеется в виду либо я сам лет этак сто назад, – иронично заключил Герослав, – либо кто-нибудь из моих достойных предков». Взгляд, которым служаночка одарила оборотня, свидетельствовал об успехе его лицедейства. Но если кто-то из завсегдаев трактира, знающих «замкового оборотня», возьмется просветить девицу, все труды пойдут насмарку. А слухи и сплетни сейчас ни к чему. Остается надеяться, что в Дебро еще не забыта старинная пословица об оборотнях – кто к ночи его помянет, тот и сам оборотнем станет...

Открыв дверь в «герцогские» трактирные покои, Герослав едва успел посторониться. Пышнотелая девица с монументальным бюстом, словно бы поджидавшая его на пороге, протиснулась мимо оборотня в узкий для ее форм дверной проем. И по дороге слегка прижала его к стене своими телесами. Герослав уцепился когтистыми руками за стеночку, обитую мягким набивным шелком – только благодаря этому он и устоял на ногах. Отпихивать же женщину, пусть даже и в целях самозащиты, ему не хотелось – это было и не по-мужски, и не по-рыцарски.

Однако хабалка завалила его вполне намеренно – надо думать, он своим появлением помешал весьма жаркому свиданию. В комнате, развалясь на широкой лавке со спинкой, сидел худощавый длиннорукий и длинноногий человек, одетый в скромный черный камзол с меховой опушкой. Лицо с загорелой кожей, прищуренные глаза цвета жженой древесины. В общем, человек как человек. С эльфийским королем Эльфедрой его роднили только уши — длинные, заостренные сверху. И еще подбородок с глубокой раздвоинкой. Эльфедра был достаточно разумен для того, чтобы все-таки являться к людям под личиной человека.

Герослав, не тратя времени на приветствия, прошел широким шагом к столу, перенес ногу через табурет и плюхнулся на прикрытое подушкой сиденье. Эльфедра с противоположной стороны стола взирал на оборотня с хмурой благожелательностью – точь-в-точь как купчик на верного своего служку.

– Здоров, твое величество? – Герослав хищно оглядел стол, выискивая в неровном ковре блюд и чашец что-нибудь не особо деликатесное.

На глаза попадалось сплошь оранжевое и красное – типа какой-то рыбьей икры и замаринованной в сыром виде дичи. Герослав поморщился:

– А чего-нибудь поаппетитнее нет? Курицы, пирожков с мясом?

– В замке привередничай, – благожелательно посоветовал Эльфедра. – А в этом трактире пища для господ. Здесь чем дурнее блюдо заказываешь, тем уважительнее к тебе относятся. Да и на девушек для застолья снедь с вывертами действует безотказно.

– У тебя какое столетие на носу, Эльфедра? Пора бы уже завязывать с этим баловством. Особенно если девушка та-аких размеров... – Оборотень гнусно захихикал.

– Тю на тебя, – ничуть не смущаясь, сказал Эльфедра. – Я, может, на нее карабкаюсь, как путник на гору. И в этом весь интерес... Ну, что у тебя? Впрочем, нет, скажи-ка мне сначала, как ты меня отыскал. Трактиров в Дебро много, да и не факт, что я сегодня в одном из них предполагал заночевать.

– Я и не знал, что ты сегодня остался в городе, – честно ответил Герослав. – Просто... Тебе правду или как? В общем, вышел я за ворота и понюхал воздух. Ты... гм... пахнешь. Остро, не как человек. А потом пошел по запаху, как по следу.

Эльфедра скорчил печальную гримасу:

– Понятно. Больше не буду совращать по Дебро домохозяек и чистых девственниц – а то как бы ты не унюхал.

– И не присоединился... – в тон ему добавил Герослав, и они дружно захохотали.

Через некоторое время король эльфов серьезно спросил:

– Что случилось? Ты бы так просто не кинулся меня вынюхивать.

– Это амулет Дригар. Во всяком случае, именно так он называется. – Герослав кинул в рот пахнущий рыбой крохотный комочек из запеченного теста, с некоторой опаской раскусил.

Комочек брызнул соком и оказался пирожком, начиненным рубленой рыбой,

сдобренной телячьими мозгами и пряными травами. Герослав блаженно пожевал и взял на заметку как-нибудь еще раз заглянуть в это заведение. Повар замка Дебро, слов нет, тоже хорош, но до трактирного ему было куда как далеко. Искоса глянул на короля эльфов. Тот хмурился, легонько постукивая пальцами по столешнице.

– Значит, вот оно как. Как ты узнал?

– Ведьма сказала. – Герослав с некоторым сожалением оторвался от роскошного стола, небрежно подхватил салфетку, лежащую в позолоченной чаше с водой, в которую были добавлены ароматические кристаллы и соли «чистоты», сводящие жир и грязь одинаково хорошо что с одежды, что с кожи. Кристаллы привозились с дальних островов Северной Гряды и стоили дорого, но Эльфедра, очевидно, произвел на трактирщика впечатление человека крайне непростого и донельзя значительного, так что обслуживали его соответственно.

Эльф пронзил взглядом оборотня:

– Твоя ведьма?

– У нее есть имя, – не слишком вежливо поправил его оборотень, – но если ты так ставишь вопрос, то отвечу – да, моя.

Воцарилась короткая пауза.

– О, даже так? Лисиц в лесу уже не хватает? – с расстановкой проговорил Эльфедра, решив продолжить разговор:

– Эльфедра... – Оборотень-лис слегка поморщился, они слишком уж давно знали друг друга, чтобы обижаться даже на такие гадости, наоборот, время от времени почти с удовольствием обменивались ими. – При чем тут мои лисицы? Ты же знаешь, я ее просто вытащил оттуда. У меня к ней чувство... чувство жалости. Молоденькая, совсем девочка... Не могу же я ее теперь вот так бросить, когда... гм... сам же вырвал ее из родного селения. Все-таки, как ни суди, у нее там были и кров, и стол...

– Я знаю, друг Герослав, что твои скитания на грани смерти от голода оставили о себе глубокую память. – Эльфедра слегка склонил голову, но от сочувствующих взглядов удержался (и хвала Единому, подумал Герослав, потому что он уже устал от своих воспоминаний, а жалость могла принести только унижение, а не успокоение). – Но не думал, что настолько глубокую. Кров и стол, да...

– Оставим это, – грубо перебил его бывший герцог, а нынешний Князь двуликих детей ночи. – Давай лучше об амулете. Ты когда-нибудь слышал о нем?

Эльф аккуратно вытащил из чаши ту же салфетку, которой до этого воспользовался Герослав, обтер длинные кисти. На мизинце правой руки блеснул вставленный в массивный перстень камень Оно-Гар – «Око Зеленого Леса», легендарный самоцвет, обладающий, по преданиям самих же эльфов, неизвестными, но крайне при этом мощными силами. «Интересно, – мелькнуло в голове у оборотня, – сам-то Эльфедра в курсе, что это за силы? И как с ними управляться?» К счастью, с виду Оно-Гар почти не отличался от обычных зеленых драгоценных камней, что добывались на юге Нибелунгии. И не мог раскрыть инкогнито эльфийского короля ни в этом трактире, ни в любом другом месте – камень и камень, для непосвященного обычный дагаский зеленик.

– Я не слышал о нем. Но уже через час буду знать бо...

Он не договорил, потому что где-то за стенами комнаты вдруг появился все нарастающий смутный гул. Человека этот гул не потревожил бы, но и оборотень, и эльф обладали слухом поострее, чем обычные люди.

Гул был странным.

– Я спущусь вниз и разузнаю... – решительно начал было Герослав, но тут Эльфедра мигнул и исчез из комнаты.

Исчез совершенно.

– М-да, – пробормотал оборотень, глядя на опустевшую скамью напротив. – И почему это я сейчас такой удивленный? И что делать бедной лиске...

Сходить вниз? Но если Эльфедра сам отправился туда на разведку, то разумнее посидеть и подождать его тут...

Через какое-то время, достаточно недолгое, Эльфедра вновь материализовался по ту сторону стола. С лицом скорее задумчивым, чем настороженным. И как раз в этот момент гул внизу преобразовался в хорошо различимые крики. Громкие и истошные.

Эльфедра, не обращая внимания на шум и ор, сидел по-прежнему задумчивый и молчаливый.

– Не желаете поболтать, ваше величество? – вкрадчиво осведомился Герослав. – Просветить бедного оборотня, что там внизу творится...

Король шумно вздохнул, резко выпрямился, отрываясь от дум:

– Извини, Герослав. Кажется, я только сейчас догадался... Впрочем, об этом потом. Внизу... внизу й-хондрик.

Сердце у Герослава тукнуло и отчаянно заколотилось. Взгляд, остановившийся на короле эльфов, быстро перелился в почти безумный.

– Й-хондрик?..

Создания мира полудуховного-полуматериального. Об й-хондриках даже сам Герослав слышал только в легендах. Описания их внешности были достаточно смутными, но вот то, что после них оставалось от людей, было описано достаточно подробно.

Тела без жил и кости мягкие, как вымоченные лозы. Целые семьи, лежащие в своих домах как старые, ненужные половики. Такие же мягкие, такие же...

Люди, под вергшиеся нападению й-хондриков, не выживали. Даже если бы их кормили с ложечки мягкой пищей – потому что жевать они были не в состоянии – и обслуживали, как малых детей или, вернее, как полностью обессиленных больных, какими они по сути и являлись. Все равно что-то непоправимо менялось в организме и человек медленно умирал, задыхаясь от нехватки воздуха, ощущая, как сминаются легкие под тяжестью складывающихся размягченных ребер, как все тише и тише бьется сердце во впалой груди...

– Да. Я не знаю, из каких глубин его вытащили, но он в чрезвычайно хорошем состоянии. В смысле – быстро перебирается с жертвы на жертву. Еще с полчаса, и в трактире все будут... Впрочем, нет – гости и домочадцы трактирщика уже разбежались. Так что он успел коснуться только пяти-шести человек. Но, судя по крикам, в городе это сейчас не единственный й-хондрик.

– А...

Эльфедра махнул рукой, оскалил зубы:

– Нет. Вниз мы не пойдем. Чем меньше ты будешь светиться в этой ситуации, тем лучше.

– Но там же люди! – злобно рыкнул Герослав, вскакивая с табурета. — Живые...

Эльфедра досадливо покрутил головой, прислушался:

– Ну иди. Там уже все разбежались, так что никто не увидит и не узнает. Кроме разве самого й-хондрика. Но ты же об этом и мечтаешь, защитник собственного народа?

Герослав, не отвечая, метнулся к двери. И исчез. Эльфедра остался сидеть на скамье, сводя и разводя ладони и задумчиво глядя в пространство между ними. Минут через двадцать дверь брякнула, и Герослав, хватая ртом воздух, ввалился обратно в комнату. Король эльфов перевел взгляд с собственных пальцев на оборотня. Лицо его при этом сохраняло все то же задумчиво-отрешенное выражение.

– Й-хондриков почти невозможно убить...

– Это меня почти невозможно убить, – буркнул лис-оборотень.

Дыхание его выравнилось, и только изредка доносились хрипы и придушенные вздохи. И если вначале Герослава пошатывало и он страдальчески морщился каждый раз, когда нога запиналась о совершенно ровные половицы, то по мере приближения к столу его походка становилась все более уверенной. Наконец оборотень быстро перекинул ногу через табурет и уселся.

Эльфедра глянул на него внимательно, спросил недовольным голосом:

– Ну что, досталось? Защитник людей... Я ведь запрещал!

– Даже более чем досталось. – Герослав ухмыльнулся. – Но я оказался живучее. Горло у этих й-хондриков как тряпка. И сами больше похожи на тюфяки, поставленные на попа, чем на чудищ.

– Скольких убил? – после короткой паузы спросил Эльфедра.

– Двух.

– Они тебя... гм...

– Ага, зацепили. – Герослав радостно оскалил зубы. – Но я же оборотень! Он из меня сосет силу из костей, а я тут же восстанавливаюсь. В конце концов зубы и когти завершили дело. Хоть и нецивилизованным путем. Только вот что, Эльфедра. Я тут прикончил одного в трактире и еще одного в соседнем доме. Но ты говорил, что они сейчас злодействуют по всему Дебро. Ты можешь что-то...

– Нет.

От Эльфедры повеяло холодком, настолько пронизывающим, что даже воздух в комнате запах морозцем.

– Тогда, может, я...

– Нет!!

Внезапно Герослав увидел, как жирные ляжки дичи, стоявшей перед ним на столе, стремительно покрывает налет кристально-белой изморози. Значит, ему не показалось и в комнате действительно похолодало.

И еще это означало, что Эльфедра – в ярости. Тут уж шутки в сторону. Пусть сам король эльфийский тебе друг, но короли в друзьях вдвойне опасны. Особенно – эльфийские.

– Значит, никто не поможет горожанам? Послушай, Эльфедра, они же словно волки в овечьей стае, эти й-хондрики!

– Нет! – отрубил Эльфедра. – Ты вернешься в замок и будешь ждать там дальнейшего развития событий. Если придут за твоей ведьмой – не отдавай. Запри ворота, подними мост и будь готов ко всему.

Герослав нахмурился:

– Я бы и так не отдал, без твоего приказа. А почему ты думаешь, что придут?

– Потому! – с ожесточением отрезал его эльфийское величество. – Потому что она им нужна. Даже не столько сама нужна, сколько возможность благодаря этой истории обвинить лордов в сговоре с ведьмами. Думаю, сейчас они от счастья уже все руки протерли,

настолько все удачно для них сложилось. И в какой-то степени благодаря твоей глупости! До дыр протерли...

– Хочешь вызвать у меня чувство вины? – гордо вскинулся Герослав. – Напрасно стараешься.

– Не заносись, – предостерег его король эльфов. – Тоже мне нашелся спаситель обиженных дев. Твоя самовлюбленная персона на фоне всей Нибелунгии всего лишь частный случай. Чтоб ты знал – Дебро не единственный замок, за стенами которого нашла убежище ведьмы. Многие ваши идиоты-лендлорды поступили в точности так же, как и ты. И теперь над ними сгущаются тучи. Идиоты. Что дышишь обиженно? И ты идиот. Единственное, что можно сказать в твоё оправдание, – это то, что в плане ваших палагойцев подобные действия лордов наверняка были просчитаны заранее.

– В плане? – заинтересованно переспросил оборотень.

Эльф настороженно повел ушами, стрельнув глазами на окно и дверь, – оборотень тут же в точности повторил его движения, но не ушами, а носом. Издалека (со стороны северной и западной окраин Дебро, решил оборотень) доносились истошные людские голоса, из приоткрытого окошка мощно потянуло дымком.

– Пытаются сжечь дома с й-хондриками, – резюмировал наконец Герослав.

Эльфедра устало качнул головой, соглашаясь:

– И вместе с обитателями, пострадавшими от й-хондриков. Что поделаешь, это милосерднее, чем оставлять искалеченных людей на верную... и мучительную смерть. От дыма задыхаются быстрее. Да... ты спрашивал о плане? Схема. План. У них все просчитано. Собственно говоря, я тоже просчитал, пытаюсь во всем следовать их логике. Хвала вашему Единому, логика людей по-прежнему вытекает из их страхов. И такое развитие событий, какое нам сейчас демонстрируют, может привести только к одному варианту. Точнее, должно привести. Если, конечно, что-то не вмешается в ход нынешних событий – какой-нибудь неучтенный фактор, скажем... или неучтенный человек.

– Человек? – хмуро уточнил Герослав. Эльфедра неторопливо встал, обошел стол:

– Да, мне придется срочно отправиться за сэром Сериогой. Ты удивлен?

– Да нет... – проворчал оборотень. – Вот только что будет с людьми здесь, в Нибелунгии, пока ты будешь гоняться по неизвестному миру за нашим добрейшим герцогом?

Эльфедра театрально развел руки:

– Я не страж народу твоему... Герослав недовольно хмыкнул.

– Ладно-ладно, не хмурься. Меня в любом случае не слишком интересуют судьбы отдельных людей – только... гм... высшая политика. Вот такой уж я бесчеловечный! И хватит обо мне. Людям я помогать не стану. И тебе тоже запрещаю спасать их от й-хондриков.

– Запрещают слугам...

– И друзьям, – трезво сказал Эльфедра. – Тем двоим мертвым й-хондрикам палагойцы к этому моменту уже послали замену. Причем те, которых ты убил, до следующего утра не двинулись бы с места, потому что наелись досыта, а вот смена уже начата рыскать у южной стены, где народ побогаче...

– Откуда ты знаешь?! – вскинулся Герослав.

– Эльфы следят за переходами в ваш мир. А я... я слышу мысли, как то и положено королю эльфов в такой тревожный час. Ну что расселся-то? Давай-давай, вставай. Заброшу

тебя сейчас в замок, а сам отправлюсь на поиски «предоброго сэра», как его кличут здесь.

– Ладно, – вяло протянул Герослав. – Только будь добр, не переправляй меня прямо в парадную залу замка. Люди не так поймут, перешептываться начнут, еще ведьмаком прослышу...

– Да-да, – поддакнул король эльфов. – А там, глядишь, и крестьяне тобой заинтересуются...

– Да, кстати! – Герослав будто не услышал подначку. – А что за план у палагойцев?

– А вот не скажу, – скучным голосом заявил король эльфов, – тут вся интрига построена на столь простых вещах, что ты и сам можешь догадаться...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Все могут короли

Старенький «москвич» мягко подпрыгнул на очередном ухабе, вырвав за город по разбитой асфальтовой дороге.

– Одно я знаю точно, – сердито сказала Клотильда, избегая, однако, встречаться с Серегой взглядом, – если ты не вернешься домой... то есть к нам, то юный король Зигфрид в очень скором времени станет рабом ордена. Конечно, на этот раз его положение будет лучше, чем тогда, когда ты его нашел... то есть вытащил из лап той старухи. Сыт-одет, крыша над головой, даже личный мерин полагается для выезда...

– Это, – с чуть заметной кривой усмешкой вставил он, – не так уж мало. Я, например, вот-вот останусь совсем без крыши над головой.

Они с Клотильдой сидели на заднем сиденье – плечом к плечу. Отец, до этого молча крутивший руль, резко повернул к нему голову. И поглядел на сына пустыми измученными глазами.

«Болван, – обругал себя Серега. – Надо сначала думать, а потом говорить».

– Пап. Все будет хорошо, вот увидишь. Верь мне, ладно?

Отец с усилием перевел потухший взгляд на дорогу, стремительно летевшую навстречу капоту его «москвича».

– И все-таки мальчишка будет рабом, – торопливо проговорила леди Клотильда, явно стремясь загладить Серегин огрех. – Его воспитают безвольным и бесхарактерным! Будет сидеть на престоле кукла королевских кровей! И даже не на престоле, а на ступеньках к нему.

– Ну а я-то здесь при чем?!

Взрыв отчаяния, которому он предался совершенно не вовремя. Машина рыскнула. Серега испуганно и виновато посмотрел на отца. Лишь бы отец не принял и этот крик души на свой счет.

– Ты не должен оставлять ребенка одного, – упрямо гнула свое леди Клотильда, – В конце концов, один раз ты его уже спас.

Серега искоса глянул на Клоти. Леди сидела с обиженным видом, надув губы и сведя ровные соболиные бровки на переносице. По щекам полз пятнами ало-красный гневный румянец.

Он с трудом подавил желание протянуть руку и погладить пальцем бархатную щеку, покрытую в уголке губ персиковым пушком. Клоти опять открыла рот, готовясь начать новый штурм его черствой, по ее мнению, души.

– Стоп, – скомандовал Серега негромким голосом. – Клоти, пусть Зигфрид Нибелунгский поживет без меня. Хотя бы до сегодняшнего вечера, ладно?

Клоти подвигала бровями – очевидно, у нее это означало раздумье, – потом неохотно кивнула, отвернувшись к противоположному окну. В машине воцарилась слегка напряженная тишина.

– А вот и деревня! – немного спустя объявил отец неестественно бодрым голосом и, не оборачиваясь, уточнил: – Почти прибыли.

Клоти завозилась, хрустя и шурша толстым шелком плаща. Вытащила из-за спины оглоблю меча, поставила оружие между ног. Складки ткани, в которую Серега ради

конспирации завернул меч, сбились вниз, и высунулась тяжелая массивная рукоять в форме креста с полуопустившимися крылышками. Пальцы Клотильды с любовью пробежались по рукояти, затем девушка с удовлетворенным выдохом перевела глаза на потолок салона и счастливым голосом сообщила:

– Радуется сердце мое предстоящему торжеству справедливости! Радуетесь ли вы, сэр Владимир?

Машина опять вильнула и с гулким стуком ударила днищем по выбоине.

– Тихо-тихо, – предусмотрительно сказал Серега. – Клоти, «торжеством справедливости» займусь я. Думаю, что сын имеет право за отца...

– Полное, сэр Сериога! – провозгласила Клотильда и стукнула ножнами меча по резиновому половичку под ногами. – Имеешь ты право биться за честь отца, и за живот его, и за... за...

Клоти углубилась мыслями в свои рыцарские кодексы и уложения, а Серега в это время украдкой поймал правую руку леди, сползшую с меча, и пожал. Горячая волна тут же прокатилась от кончиков пальцев до ушей.

Он мог бы сидеть так целую вечность, но тут «москвич» притормозил и остановился. Серега с невинным видом отдернул свою блудливую длань от мускулистой девичьей ладони, вздохнул про себя тайком и огляделся.

Обычная деревенская улица – дорога из сплошных ям и рытвин, рядом слегка облупившийся забор, из-за которого выглядывает шиферная крыша, напротив заброшенный дом с пустыми глазницами оконных проемов. Клоти принялась яростно дергать все ручки автомобильной дверцы сразу, пытаясь пробить себе путь на волю. Серега пожал плечами, выскользнул наружу и открыл ее дверцу с поклоном, который, как он надеялся, баронессу не заденет. Но он ошибся – Клоти тут же обиженно засопела – совсем как ее черный жеребец, с некоторым смущением сравнил про себя Серега – и быстро выбралась из салона машины, слишком тесного для ее плеч, хмуро отводя при этом глаза в сторону. На воле леди первым делом воровато огляделась и сделала несколько стремительных телодвижений, разминаясь после машины. Потом смерила оценивающим взглядом высящиеся метрах в пяти от них ворота нужного дома, выкрашенные в сине-зеленую полоску.

– Ну и как? – спросил Серега, дождавшись конца осмотра.

Отец, по-прежнему сидевший в машине, двинулся, собираясь выйти наружу. Серега поймал его взгляд и отрицательно качнул головой – не надо. Дверца, которую отец приоткрыл, была сантиметрах в пяти от его бедра, так что он просто толкнул ее, возвращая на место, и она захлопнулась с радостным щелчком. С разоренного палисадника перед домом снялась ворона, набрала высоту, тяжело хлопая крыльями, возмущенно каркнула сверху.

– Предлагаю таранить, – без всякой рисовки сказала леди Клотильда. И повела плечами, как будто уже примеривалась к створкам ворот.

– Молодец! – похвалил свою даму Серега, стараясь смотреть на нее честными прямыми глазами – ни тени насмешки! – А там сзади огород. Что ему помешает задами, задами – и уйти? Под грохот ломаемых тобой ворот.

Клоти открыла было рот, но тут же звучно его захлопнула и посмотрела на него с обиженным недоумением в чистых глазах.

«Какой же ты молодец, – сердито сказал себе Серега. Всего-то несколько слов – и разрушил все ее доброе отношение. Не следует тыкать леди-рыцаря носом в то, что она,

мягко говоря, не всегда рассуждает логически и до конца! В крайнем случае мог бы сказать то же самое, но как-то потактичнее... ну поласковее, что ли! Поучениями девичье сердце не завоюешь».

Но тут леди поднесла к губам палец и просигнализировала ему глазами. Он прислушался.

Что-то чуть слышно скрипнуло. Звук пришел из-за ворот. А потом раздался уже совсем другой скрип, периодически повторяющийся.

Ступеньки, определил он. Похоже, тот, кого они ищут, сидел в доме, услышал шум подъехавшей машины (а может, и его разговор с Клоти) и решил выяснить, что происходит у него за воротами.

Сергея мгновенно осознал, к чему это приведет, и закусил губу, чтобы не хохотнуть. Все складывалось просто идеально для леди Клотильды, поскольку боевые инстинкты у нее в таких ситуациях срабатывали незамедлительно. Именно для подобных стечений обстоятельств и личности в русском языке и придумана поговорка «На ловца и зверь». Типчик Мерзавчиков сам шел к воротам. Клотильде не нужно было теперь ни продумывать ситуацию, ни просчитывать ход последующих событий. Захват пленника вне защищающих его стен, чисто и элементарно.

Клоти чуть склонила голову в сторону Сергея, давая понять о своей готовности к действию, пружинисто пригнулась и скользнула под защиту воротных створок.

Он сделал отцу предостерегающий знак, а сам облокотился на машину и принялся наблюдать. Через несколько мгновений из ворот высунулась одутловатая рожа – и тут же Клоти накрыла ее сверху захватом руки, защемив шею. Затем скрылась в калитке, протолкнув предварительно перед собой обладателя одутловатой рожи. Со двора, из-за ворот, донесся тонкий вой, тут же прервавшийся, впрочем.

Пора было выходить на сцену и Сергею. Но все-таки как печально, подумалось вдруг ему в который раз, что в их паре именно Клоти – сильная и могучая, а не он. Ирония судьбы, которую, если удастся, он должен компенсировать прочими личными качествами. Серега приоткрыл дверцу, вытащил с сиденья меч (тот самый, палагойский), закинул его на плечо небрежным жестом и пошел к дому. Отец, высунувшись в окно «москвича», крикнул вслед:

– Сережа, ты и в самом деле собираешься...

Сергей обернулся к отцу, изобразив на лице мягкую улыбку:

– Да я только попугаю его, пап. Слегка. Вот увидишь! Цел будет твой Мерзавчиков, цел и невредим, не волнуйся за него. И, пап... Ты посиди пока в машине, ладно? А то у тебя лицо слишком доброе, еще испортишь нам весь спектакль.

Отец что-то пробормотал в ответ, но из машины выходить не стал. То ли и впрямь поверил его словам, то ли просто решил не вмешиваться во все происходящее.

Герцог Де Лабри прошел через двор, носивший на себе все следы запустения и заброшенности – впрочем, как и вся эта деревня, где развалюхи, возле которых кое-где посиживали преклонного возраста старушки, перемежались пустыми домами с заколоченными окнами, из которых кто-то рачительный уже повытаскивал и стекла и рамы. Покосившаяся сараюшка украшала покрытый сором и опавшей листвой двор, рядом с дощатым нужником щерились в небо острыми концами проволоки разломанные клетки для цыплят. И нигде не слышно было ни здорового куриного квохтанья, ни собачьего лая. Видимо, по всей деревне всю живность уже вывели – прямо-таки хрустальная тишина. Он поднялся по скрипучим ступенькам и толкнул дверь избы, обитую дерматином.

В комнате, совмещавшей кухню и кровать в углу, за столом с дикими глазами сидел кругленький небольшой мужичок. Клотильда устроилась рядом на колченогой табуретке, с интересом рассматривая лезвие большого кухонного ножа, явно взятого тут же.

– О, – сказал Серега, с грохотом опуская на половицы железяку меча. – А вы не ждали нас, а мы приперлися...

Он с намеком посмотрел на Клотильду. Та, поняв все по его взгляду, заметила мрачным тоном:

– Вообще-то я тут подумала насчет поединка... Тебе, сэра Сериога, невместно драться на благородных мечях с таким... э-э... бичом неблагородным!

Отпад! Родной сленг в рыцарских устах обретал новые оттенки.

– А стало быть, биться ты с ним не будешь, – еще более мрачным тоном продолжила Клоти. – Но вот зато пытаться... – Она небрежно замахнулась на мужичонку длинным кухонным ножом, и тот испуганно отпрянул. – Пытаться его можно и нужно! – со знанием дела рыкнула леди. – И пытаться мы его будем по порядку. Начнем, как водится, с ног, с пальцев...

– Вы... вы кто такие?! – потрясение завопил мужичонка. – Что вам от меня надо?

Клоти вопрошающе посмотрела на Серегу. Он кивнул.

– Дошло до меня, смерд, – с расстановкой проговорила леди-рыцарь, – что ты злоумышлял против благородного отца моего друга...

– Я не злоумышлял, – заволновался мужичок. – Я не против... я против никого не...

– Сэра Владимира из рода Кановнинскиос, – царственно бросила леди.

Мерзавчиков сначала заткнулся, выпучив глаза, а потом заорал потрясенным голосом:

– Это Вовку-то? Сэр Владимир Кановнинский... Ха! Ха-ха-ха...

Рука леди Клотильды порхнула к колену мужичка (нож по-прежнему оставался зажатым в ее внушительном кулаке) и несколько игриво там крутнулась. Мужичок взвыл, а по коленке прошелся росчерк разреза, быстро начавший заплывать темно-красным.

– Смерд, – благожелательно просветила его леди Клотильда, – не смеет все поминать имя благородного человека и отца моего друга.

– Нет, ну что вам надо-то? – заскулил Мерзавчиков.

– Люди гибнут за металл, – просветил его сын благородного отца. – Где сребреники, Иуда?

– Ка... какие сребреники... – начал задыхаться типчик. – Не... не я это! Другие! У меня все забрали... заставили!

– В менестрели бы тебе, бич смердящий, – задумчиво произнесла Клоти. – Цены б там тебе не было. Ишь как врет!

Клотильда вздохнула, пронзив Сергея холодным, решительным взглядом. И он содрогнулся, потому что с необычайной ясностью понял вдруг под этим пугающим прицелом, что до идиллической средневековой пастушки его избраннице ой как далеко. И если он желает с ней жить (а главное, желает, чтобы сама леди Клотильда жила в подходящей для нее обстановке), то нужно срочно возвращаться в родной для девушки социум. То бишь в милый сердцу фройляйн фатерлянд, Империю Нибелунгов.

Клоти, видимо, что-то такое поняла по его лицу, потому что опустила глаза и сказала извиняющимся тоном:

– Ты, сэра Сериога... гм... Может, во дворе пока погуляешь?

– Нет, – пробормотал Серега, унимая тошноту и бешено бьющееся сердце усилием своей

не слишком сильной воли. – Я должен при этом присутствовать...

Клоти кивнула, затем, чуть слышно вздохнув, взмыла со своего стула и надежно взяла мужичонку за горло. Подхватила валяющуюся тут же на столе грязную кухонную салфетку и принялась плотно затыкать тонко визжащий рот Мерзавчикова.

– Тянуть не будем, – просто сказала она. – Сейчас пальчики состругаем для начала... До костей!

Мужик задергался в капкане ее пальцев.

– Готов, – с сожалением сказала Клотильда. – Можно спрашивать, смерд уже дозрел.

И было в ее голосе сожаление. Красавица и чудовище, подумал мимоходом Серега. Потому что ситуация больше всего напоминала именно эту сказку: и разность их двоих, и страшные обертоны средневековой жестокости в поведении Клоти, лучше всего характеризующиеся словом «чудовищно». Вот только в их истории акценты расставлены иначе. И если Клоти в каком-то смысле чудовище, то он, выходит... Красавец. Серега едва успел подавить рвущийся наружу истеричный смешок. Клоти оглянулась, предостерегла его взглядом. Затем вытащила кляп изо рта Мерзавчикова.

– Я... я... – задыхался мужичонка. – Только не убивайте! И не режьте, я... Я все отдам! Вон там, крышка подпола! И в подвале четвертая банка от лесенки.

– Ну вот и все, – с легкостью сказала Клоти, выходя из дома. – Теперь твоим родителям не грозит потеря замка! То есть их покоев в вашем общем с милордами соседями замке.

– Да, – согласился Серега. – Вот только где бы еще наскрести на проценты... Впрочем, есть еще доллары от его величества.

Что-то свербело внутри занозой. Он никак не мог освободиться от этого ощущения и потому всю обратную дорогу просидел на заднем сиденье в сосредоточенном молчании.

И только уже зайдя в подъезд, Серега понял наконец природу этого ощущения.

Он не убил врага. Он оставил его, разозленного, потерявшего деньги и уважение к себе самому, перепуганного. А такие люди опасны и непредсказуемы, и замыслит ли теперь тип Мерзавчиков ответную месть или нет – неизвестно.

Он оставил за своей спиной врага! И за спиной родителей тоже, что гораздо более существенно. Сам-то он собирается свалить в благословенную Нибелун-гию, в самом сердце которой греется под ярким светилом его собственное поместье, а вот родители...

Серега потряс головой, поднимаясь по ступенькам. Или это присутствие леди Клотильды имеет свойство накапливаться и действовать на его неустойчивую юношескую психику, или...

Или у него предчувствие, что все гораздо хуже.

Он так и продолжал пребывать в напряженном молчании, пока отец взахлеб рассказывал маме о переменах в их положении. И прозвучавший через три часа стук в дверь воспринял почти как должное.

Насторожившаяся Клоти с мечом наперевес побежала в прихожую. Серега метнулся за ней, перехватил у самых дверей, прошипел на ухо:

– Жди! Я сначала спрошу, кто там.

– Так ведь можно и в глазок посмотреть... – голосом ребенка, напрашивающегося на похвалу, напомнила ему Клотильда. На лице у его любимой леди засияла сейчас гордость за свою сообразительность.

Он отрицательно помотал головой – не объяснять же, что глазок на двери является очень уж хорошей мишенью для пистолета.

– Кто...

И как раз в этот момент дверь странным образом забликовала под изумленными взглядами их обоих. (Панель была обита бледно-серым дерматином – жуткого вида и разукрашенным какими-то непонятными сальными и ржавыми пятнами. Обивка появилась на двери их квартиры едва ли не раньше самого Сереги, и посему происхождение пятен терялось для него во тьме времен.) Дерматин в бликующем сиянии стремительно начал распадаться на сетчатые лоскутки, вставленные в косяк, как в раму. В промежутках между ними проступило нечто ало-красное – больше всего, к ужасу Сереги, походившее на свежепорезанное мясо, в разрез которого еще не хлынула кровь. Через секунду алая масса перехлестнула за плоскость двери и стала прозрачно-слизистой. А затем сложилась в очертания призрачной фигуры, человекообразной и наложенной прямо на ставшую сетчатой дверь. Фигура быстро уплотнилась и приобрела цвет и объем, свойственные всем нормальным трехмерным телам.

Оцепенение, охватившее Серегу после этих дверных метаморфоз, спало только тогда, когда он признал в фигуре знакомые черты. Сквозь дверь, как фарш сквозь решетку мясорубки, продавливался сам длинноухий и хитроглазый король Эльфедра.

– О черт... – с тоской в голосе пробормотал Серега, умерив печальные нотки до приличествующих случаю размеров – как-никак произошла встреча с благодетелем, без которого нынешней встречи с Клотильдой ему бы не видать как своих ушей. – Здравствуй, вашеество...

– И тебе день добрый, сэр Сериога, – как ни в чем не бывало ответил король эльфов, приседая в шутовском полупоклоне-книксене и неведомым образом соединяя в голосе одновременно и радость и насмешку. – Добрый день, прекрасная леди. Как всегда, все хорошеете?.. То есть все грознее.

Клотильда быстро стерла с лица изумленное выражение и кивнула в ответ.

– Уж не собрались ли куда... А, милорд, миледи?

– Открывать дверь мы собрались, – буркнул Серега, начиная ощущать внутри себя все возрастающее раздражение. С недавних пор даже мысль о короле эльфов вызывала у него мгновенный приступ изжоги.

И причиной в немалой степени было то, что Эльфедра отзывался о нем в разговоре с Клотильдой с определенной долей пренебрежения, о чем простодушная леди не преминула сообщить по прибытии на Землю. Обсуждать же других, да еще в их отсутствие, – для воспитанного в семье интеллигентов Сергея такое поведение несло на себе отпечаток чего-то недостойного... плебейства, что ли?

«А еще его величество», – мстительно заключил про себя герцог Де Лабри.

– Дивно, – приятно улыбаясь, сообщил король эльфов. – Но я сам зашел, так что...

– Ну да... – с желчью в голосе проскрипел Сергей. – Мы наблюдали.

– Ах, не трудитесь никогда открывать двери эльфу! – Эльфедра выглядел довольным просто донельзя. – Милорд, есть разговор. Миледи, умоляю, не покидайте нас...

– Да я и не собиралась.

– Ага, ага. – Король покивал головой. – Значит, так. Пока вы тут отдыхали, проблемы в Нибелунгии еще больше обострились. Я бы сказал так – поведение палагойцев становится вызывающим. И это тревожит всех нас...

– А меня, представьте, нет.

– Прекратите, герцог, – негромко потребовал эльф.

На шум из кухни выглянула мама и удивленно воззрилась на странную личность в своей прихожей.

У Эльфедры же голубая кожа, запаниковал Сергей. Пришлось торопливо сдвигаться и прикрывать собственным телом нечеловеческую личину короля эльфов.

– Сереженька, это к тебе? – неуверенно сказала мама.

События последних месяцев отголоском звучали в подрагивающем голосе матери. И на лицо наложили отпечаток изможденной усталости.

– Да. – Краем глаза он продолжал следить за фигурой у себя за спиной. Эльфедре вполне могла прийти в голову туповатая мысль поздороваться с его мамой.

Мама как-то дергано кивнула и скрылась за дверью кухни.

– А теперь, может, вы перестанете запикивать меня локтем в угол вашей прихожей? – сухо спросил из-за спины король эльфов. – Не хочу оскорблять, но тут тесно. Я и про угол, и про прихожую, кстати.

Сергея отступил, разворачиваясь к Эльфедре лицом.

– Вернемся к теме нашего разговора, – стальным голосом предложило его величество. – Так вот, герцог Де Лабри, перестаньте вести себя как герой дешевых сказаний из вашего мира. Я про тех, которые любят строить из себя умудренных жизнью ребят и вечно всех спрашивают: а зачем ты меня посылаешь куда-то, нехороший дядя? Мне ж плевать на судьбы мира и прочих людей, я все про всех знаю, и про то, что ты преследуешь свои цели, я тоже знаю и помогать тебе не хочу, потому что мне, умудренному опытом, это как бы и не положено... Скажите, сэра Сериога, Ни-белунгия вам настолько безразлична? Судьба леди Клотильды, судьба ваших земель, в конце концов? Судьба целой страны? Молчите?

Клоти молча буравила его глазами, как бы стыдя и одновременно вопрошая темными дырами глазниц. Серега прокашлялся в кулак и под этим предлогом сумел отвести свой собственный взгляд вниз и вбок.

– Молчите, – подытожил Эльфедра. – Буду считать ваше молчание за согласие.

– Согласие на что? – отважился спросить Сергей. Клоти картинно свела брови, отчего взгляд ее стал копией взгляда христианской великомученицы на арене римского цирка. Серега был готов откусить свой собственный язык.

– На срочное отправление в Нибелунгию! Вы должны уяснить, сэра Сериога, беды, назревающие там, грозят... впрочем, уже не грозят, а приносят многочисленные смерти. Вот прямо сейчас, пока мы с вами так мило беседуем.

– Что там случилось? – быстро спросила Клоти.

– Й-хондрики.

– Я... я что-то не припомню... – мучительно сморщилась Клоти.

– Тратонские хроники, – ровно отбарабанил Эльфедра, – год триста сорок шестой. «И пали й-хондрики на землю людей, и стало не протолкнуться на ней от полумертвых людей»...

– Я уроки хроникологии... гм... почти не посещала, – извиняющимся тоном сказала Клотильда.

Эльфедра осуждающе поджал губы:

– Й-хондрик – это нечто вроде взбесившегося гурера.

– По-нят-но... – свистящим шепотом протянула леди Дю Персиваль, шлепнув кулаком о левую ладонь. И потрясение замолчала.

– А... – отважился пробормотать Серега в наступившей тишине.

– Что еще? – тихо проговорил Эльфедра. – Вы не в форме, не готовы, не желаете...

– Родители... – убито выдавил из себя Сергей. – Дело в том, что я оставил тут в живых одного... одного их врага. И теперь не могу исчезнуть отсюда просто так...

– Наконец-то набрался ума, а, сэр Сериога? – об-радованно рыкнула не слишком гуманная Клотильда. – Затаившийся враг – это как кол в заднице – ни сесть, ни лечь, ни прогуляться! А ведь сколько я тебя учила – врага убивай сразу! Подумаешь, деньги отдал! Да если раньше он над твоим отцом только смеялся, то теперь он его люто ненавидит, потому что афера его провалилась и денежки – тю-тю!

– А что за враг? – осведомился Эльфедра. В голосе его было столько скуки, что казалось – эльф вот-вот заснет на месте.

– Ничего интересного, – вздохнув, пробормотал Сергей. – Один из тех типов, что везде крутятся, со всеми дружат, всем сочувствуют, всем помогают – а потом обируют тех, кого жалели, до последней нитки.

– Таких на самом деле больше, чем ты думаешь. – философски заметил эльф.

И тут в дверь забарабанили кулаками. Сильно, с редкими паузами. Все трое быстро переглянулись. На стук из кухни, испуганно блеснув глазами, выскочила мама. Из-за маминой спины выглянул отец.

– Уйдите! – гулким шепотом велел родителям Серега. И даже махнул рукой, подтверждая свое приказание.

Да, с изумлением осознал вдруг он, это было именно приказание. Он приказывает своим маме с папой?! Докатился, одним словом...

А может, он не докатился, а просто подросток?

Но самым поразительным было то, что родители беспрекословно ему подчинились. И даже дверь на кухню за собой прикрыли.

– На ловца и зверь бежит, – с брезгливым выражением на лице бросил Эльфедра. – Ну открывай, сэр Сериога, побеседуем. Надо думать, это твой враг припожаловал? И не один, судя по стуку.

– Не так быстро, – пробормотал Серега. – Сначала изобразим подходящие случаю испуг и покорность...

Лицо Клоти сделалось таким же брезгливо-кислым, как и у эльфа. Серега пожал плечами, искательно улыбнулся. В ответ на его улыбку лицо Клоти чуточку разгладилось.

Но только самую чуточку. Да, горько признал сэр Сериога, изображая испуг и покорность, – так сердце девушки не завоеешь. Особенно такой девушки...

– Кто там? – Здесь голос у него два-три раза дрогнул. Вышло даже слишком натурально и настолько похоже на овечьё бляенье, что даже самому стало противно. «Играю я или нет?» – испуганно спросил он себя.

– Открывай!! – проревели за дверью. – Открывай живо, милиция!

Ага, именно милиция, и никто иначе. Веры в такое заявление у Сереги не было. Возглас «милиция!» – слишком уж типичное прикрытие для тех, кто желает проникнуть в квартиры наивных обывателей. Мирным путем, но с неприятными целями.

Заранее посочувствовав непрошеным визитерам – Клоти сбоку в этот момент пружинисто изготовилась, – Серега щелкнул замком. И тут же, слегка охнув, отлетел в дальний угол прихожей. Клоти, отшвырнувшая его в последнюю секунду, грудью перегородила проем. Роли опять распределились по старому принципу: он ее подопечный, она его боевое прикрытие.

У-ни-жение! Вот что он чувствовал в этот момент. Но лезть и отодвигать Клотильду от двери было бы крайне неразумно, и он это осознавал. Во-первых, потому, что перед лицом непрошенных визитеров препирательства в их рядах выглядели бы по меньшей мере неуместно. А во-вторых, потому, что невозможно было остановить леди Клотильду тогда, когда она бралась за охрану своего слабосильного (по сравнению с ней) друга. И хотя нынешний Серега по сравнению с тем, двухмесячной давности Серегой, и смотрелся молодцом (во всяком случае, мышцы определенные выросли), но до феодальной боевой десантницы Клоти ему все равно было примерно так же далеко, как Чебурашке до Терминатора.

За дверью, скупо освещенные лампочкой с площадки, стояли четверо. Скорее всего, подумал Серега, окидывая взглядом узкие лбы и почти сплошь переломанные носы гостей, тип Мерзавчиков попросил о помощи людей определенного сорта. Представив все дело так, как будто это не он кого-то обокрал, а его, бедную сиротиночку, обобрали и обидели, – обратился к местным качкам, занимающимся выбиванием долгов из должников. Практика для родной России обычная, сложилась даже определенная прослойка людей, которые только этим и зарабатывали себе на жизнь.

Ребята выглядели упертыми и преисполненными сознания собственной правоты. Таким бесполезно было бы доказывать, что на деле все не так и это тип Мерзавчиков пытался обокрасть его отца, а не наоборот.

. Эльфедра, опустивший голову, когда дверь открылась (и только благодаря этому его голубая кожа еще не привлекла внимания), отступил к вешалке и вжался в кучу пальто и плащей.

Сейчас должно было последовать продолжение.

– Нам нужны Кановнины, – хмуро бросил передний.

– Я! – пискнул Серега из своего угла. – Это я!

– Это мы, – грубо перебила его леди Клотильда. – А что вам нужно от нашего семейства, преблагородные сэры?

Один из гостей хихикнул и ерническим тоном произнес:

– Дернутая какая-то. Сэры и сэрухи, ха!

– Дело есть, – сказал передний и прошел в прихожую, небрежно оттеснив Клоти плечом в сторону. За ним гурьбой протиснулись остальные. – Поговорить бы надо. О деньгах, о прочем...

Как ни странно, Клоти против такого обращения протестовать не стала. Покорно, как обычная девица, припала к стеночке. И даже жалобно ойкнула.

– Это ты Кановнин? – недружелюбно спросил главный из группы выбивальщиков, уставившись на Серегу.

– Это я Кановнин, – печально сказала Клотильда.

– Заткнись, цырла! – деловито посоветовали ей. Клоти опять несколько наигранно ойкнула.

– Ну ты! – Серегу будто приподняли за шиворот и аккуратно припечатали к стене. – За тобой должок, однако. Вы тут задолжали кой-какие деньги уважаемому господину Мерзавчику... тьфу, Мерзавчикову!

– Нет, – прошипел он, чувствуя, как из легких выдавливаются последние остатки воздуха, а чужая рука на воротах с усилием прикручивает полоску материи так, что дышать ему уже нечем. – Вас обманул-ли...

Клоти сзади аккуратно захлопнула дверь, стремительно крутанув замочный запор. Потом легонько скользнула в сторону ближайшего к ней громилы и стукнула костяшками пальцев в область шеи. Плечистая фигура булькнула от неожиданности и стекла на пол мощной и толстой тряпкой.

Остальные трое мгновенно обернулись к Клоти. Рука, сжимавшая ворот Сереги, ослабла. Он съехал по стенке вниз и привалился к ней, хватая ртом воздух.

– Ну ты... – несколько неуверенно начал один из громил.

В тесной прихожей от Клоти до них оставалось не больше полуметра. Но как раз в этом полуметре на полу лежал уже упавший парень, ограничивая свободу передвижений для своих товарищей. Клотильда оскалилась с той стороны барьера из тела и сделала рукой жест, сначала приглашающий, а потом перешедший в нечто совершенно неприличное. Главный сделал попытку отпихнуть ногой тело на полу, не сводя глаз с леди Клотильды. Это не получилось, и он махнул кулаком в сторону Клоти.

Девушка легко отклонилась, отловила бандитский кулак в захват ладоней и шмякнула о стенку. Парень взвыл. Хотя, к чести его, и не слишком громко.

– Тихо, леди Клотильда, – сказал в этот момент Эльфедра, движением руки останавливая открыто ухмыляющуюся Клоти и отлипая от вешалки.

Король эльфов выступил сине-голубым оскалившимся привидением в круг света от абажура.

– Я так понимаю, этих уважаемых сэров надо не столько поубивать, сколько запугать. Поскольку они – всего лишь мелкая сошка.

Голубая кожа эльфа ярко светилась в мертвенно-белом электрическом свете. Длинные зеленоватые волосы, свитые в небрежные кудри и заброшенные назад за плечи, начали вдруг потрескивать и разъединяться. Кудри набухали, змеями парили в воздухе, наэлектризованные и волнующиеся – не нимб, а грива сказочного существа.

– Химический какой-то... – неуверенно произнес один из громил. Остальные двое, обернувшись, просто рассматривали Эльфедру пораженными взглядами. – Или обкурился чем-то?

– Или обколосся... – выдохнул другой.

– Ну зачем же так грубо... – почти ласково пропел Эльфедра и приподнял вверх длинные кисти рук – трупно-голубые, с черными ногтями. – Ну, слушайте и смотрите, Дети Земли...

Грива вдруг странным образом преобразовалась в раздутую шишкастую голову. С каждой шишки перпендикуляром к голове торчал длинный шип, на конце которого поблескивала жирная капля с маслянистым блеском. И Сергей знал, что капля ядовитая. Хотя и не знал, откуда пришло к нему это знание. Он не отрываясь (вместе со всеми другими) смотрел на шишкастую голову, и ему казалось, что капли на концах шипов растут, словно ядовитая жидкость медленно, но неотвратимо выдавливается из шипа наружу. Зрелище было омерзительным. Капли набухли до громадных размеров и вот-вот должны были упасть на пол. И что же будет тогда?

Прожжет, решил Сергей. Или отравит всех, кто стоит в прихожей. Перед глазами промелькнуло зрелище судорожных корчей и мук, в которых он будет умирать, если капля упадет на пол поблизости от него и хотя бы одна молекула из неизвестного состава коснется его ничем не защищенной кожи...

– Убью, – нежно прохрипело чудовище, как бы в подтверждение его мыслей. От этой нежности становилось зябко и страшно.

Сергей часто задыхался и привалился к стене поплотнее. От страха тошнило. «Нет, я не буду бояться... я не должен бояться», – принялся уговаривать он сам себя. Где-то в глубине сознания стало доходить, что все это не может быть правдой. Эльфедра не может быть чудовищем. Конечно, личность он ехидная, вредоносная и могущественная, но – не чудовище. Во всяком случае, внешне.

– Идите! – прогрохотала вдруг шишкастая голова. Серега, стоявший сзади, не видел лица... то есть пасти. Там наверняка должна быть пасть, решил он.

А вот те трое, что стояли в прихожей, эту пасть видели. Серега краем глаза – все его внимание было приковано к чудовищу – увидел их побелевшие до мучнистого оттенка лица. Похоже, они гораздо больше, чем он, боятся Эльфедры, ставшего вдруг воплощенным ужасом из ночных кошмаров. На мгновение его сердце согрело что-то вроде подленькой гордости.

Один проблеял:

– А к-куда?

– И приведите того, кто вас сюда послал! – прогрохотала голова, не отвечая на вопрос.

Троица послушно сделала «кругом марш» и качнулась к двери. Клоти тут же приподняла лежащее на полу тело, высвобождая путь парням, прижала его мощной рукой к стеночке в горизонтальном положении. Затем предупредительно щелкнула замком и распахнула дверь, выпуская «гостей» наружу. Последнего из громил она придержала за шиворот и перегрузила ему на плечо пострадавшего от ее кулака.

И что самое ужасное, Серега ощутил, как его самого качнуло вслед уходящим парням. Хотя на Клотильду, насколько он мог заметить, преобразование Эльфедры не возымело никакого действия. Распухшая до ужасного вида голова ее не напугала, повеление уйти не подействовало...

– Стоп-стоп, – пропела Клоти, приобнимая его за плечи и ощутимо надавливая на них рукой. – Ты куда, сэръ Сериога?

– Он попал под мой голос, – прокомментировал Эльфедра.

Эльф по-прежнему виделся Сереге в образе шишкато-головастого чудовища. Страх, с которым он уже не мог бороться, нарастал, постепенно переходя в ужас. И в то же время все вокруг казалось странно смазанным, словно в глаза Сергею накапали какую-то жидкость или же он смотрел на окружающее сквозь мутное стекло.

– Поскольку на нем в отличие от вас, моя дражайшая леди, нет заклинания против голоса и личин эльфов, – поучительно сказал синерожий Эльфедра. – Очнись, герцог. Это велю тебе я – эгги фарес сэгос рамидэс... Сейчас здесь будет твой враг. И пора бы тебе решить, что ты будешь с ним делать.

«Убить!» – радостно вклинилось в затуманенное сознание Сергея.

Он поморгал глазами. Прихожая стала видеться вдруг более ясно. Сергей, продолжая моргать, пытался оценить ситуацию. «Убить» – это, конечно, леди Клотильда. А Эльфедра... что он там говорил? Враг, эгги фарс... белиберда какая-то.

Король эльфов стоял сбоку, невозмутимо сложив на груди руки. И почему-то снова выглядел нормально – для эльфа.

Сергей потер лицо обеими руками, желая вернуть себе полную ясность сознания. Пробормотал, не отнимая от глаз ладоней:

– Сейчас здесь будет тип Мерзавчиков. Так?

– Да! – кровожадно бросила Клоти. – Он или тот, кто их послал!

Сергей привалился к стене, пытаясь упорядочить свои мысли. Затем отрывисто спросил:

– Что со мной было? Эльфедра, ты и в самом деле такой...

– Это был морок наведенный, – ласково сказал Эльфедра, вставая поближе к нему. – Ты частично тоже попал под мой морок, вот тебя сейчас и... шатает слегка.

– А на самом деле ты не такой? – немного понизив голос, спросил сэр Сериога ухмыляющегося короля эльфов.

Вопрос, конечно, был глупый, но он ничего не мог с собой поделать. Зрелище маслянисто поблескивающих ядовитых капель преследовало его, видение торчащих шипов все еще плавало где-то в уголках поля зрения. А еще казалось, что на полу появились черные прожженные пятна от упавших капель яда.

Эльфедра внимательно посмотрел на герцога Де Лабри.

– Я такой, какой я есть, – деланно сказал он. – Но тебе я не угрожаю. Ни в каком из своих обличий.

– Чу-дес-но... – протянул Сергей, зябко обхватывая себя руками. – Значит, это был морок. Или все-таки «одно из твоих обличий»?

– Детали, – оборвал его Эльфедра, – несущественные детали. Правду я не собираюсь тебе выкладывать.

В глазах Эльфедры словно плескались черные змеи. Танцующие за спиной у эльфа волосы потихоньку опадали, свиваясь в прежние кудри.

– Где они там копаются... – нетерпеливо пробормотала Клотильда.

Серега незаметно для всех помассировал себе живот. Тошнотворные спазмы понемногу утихали.

– А... а вы думаете, что этот тип где-то неподалеку?

Клоти посмотрела на него вроде бы укоризненно, но во взгляде ясно читалось превосходство.

– От денег далеко не уходят, сэр Сериога. Предположим, он надеется, что эти люди вернут ему деньги. Но они могут и обокрасть его – особенно после того, как сделают свое дело. Скажут, что всех денег не нашли, чего-то недосчитались... И если он не дурак, то будет ждать их рядом с домом. Иначе такие дела не делаются.

По лестнице, как будто в подтверждение ее слов, загрохотали шаги.

Щелкнул дверной замок, и трое ребят заволкли в прихожую товарища Мерзавчикова. Тот заметно трясся, по одутловатой физиономии пробегали попеременно гримасы растерянности и злости. Лица троих, успевших по дороге освободиться от своего обеспамятевшего друга, были по-прежнему мучнисто-белы-ми. Возможно, внизу стояла машина, куда они его и загрузили. Во всяком случае, Сергей очень надеялся на это. Не хотелось думать, что они бросили бедолагу в бессознательном состоянии прямо у подъезда. Или в подъезде...

– Ну, сэр Сериога, – прозвучал гнусно-ехидный голос Эльфедры, – что будем делать дальше? Как карать врага твоих родителей?

– Э-э... – Язык ворочался во рту с трудом. – Надо как-то восстановить в этом деле истину. И для этих людей тоже...

– Ага! – жизнерадостно и звонко сказала Клоти. – Я счас! Я мигом все восстановлю!

Она картинно занесла кулак и сделала совсем крошечный шажок – как раз такой, чтобы очутиться в самой середине перепуганной троицы. Отреагировал на это только тип

Мерзавчиков – остальные стояли с искаженными лицами и даже не шевельнулись.

Похоже, по степени убедительности Клотильде было далеко до преображенного Эльфедры.

– Стоп! – негромко сказал Серега. И поморщился.

Голова у него раскалывалась.

– Итак, как будем карать твоего врага? – нетерпеливо переспросил заскучавший за время его раздумий Эльфедра.

– Я не знаю, – вздохнул сэр Сериога. – Убить – будет слишком жестоко, а просто побить – так не поймет же, еще снова сюда придет...

Клотильда глянула на него с долей презрения, но промолчала. Мерзавчиков посмотрел с дикой ненавистью, крутанулся, как пиявка в пальцах у медсестры, но нанятые им же самим громилы, сейчас замороженные и неподвижные, как кролики перед удавом, легко удержали заплывшее жирком тело.

Эльфедра вдруг ухмыльнулся и подмигнул:

– Помочь?

– Бремя решений, – упрямо сказал Серега, – на двоих не делится. Что бы ни случилось, отвечаю все равно я. Я и моя совесть.

– А я и не делю, – ответил король эльфов. – Единый с тобой, пусть все будет на твоей совести...

Он вскинул руки – Серега ошарашенно подался к нему, но тут из троицы громил выступила леди Клотильда и придержала его за воротник.

– Да вы что?! – возмутился он. – Да что вы меня все за воротник хватаете!

– Как я понял, сэр Сериога, он у тебя украл деньги? – невозмутимо осведомился эльф, не обращая внимания на его крик.

– Не у меня, у моего отца! Но все равно...

– А отдал?

– Да! – рыкнул Серега и попытался выкрутиться из зажима Клотильдиных пальцев, отчаянно стараясь при этом не делать больно любимым рукам.

– Мы отняли, – буркнула Клоти, восстанавливая историческую справедливость.

– Хорошо. – Эльфедра казался удовлетворенным. – Эй, вы, трое, отпустите его. И встаньте удвери. А то и вас сейчас...

Эльф красноречиво пошевелил пальцами – суставы гнулись, как резиновые, во все стороны. Казалось, вместо пальцев к рукам прилеплены короткие щупальца. И голос у него на последних словах зазвучал с уже знакомой ласковостью – совсем как у той шишкастой твари. На Серегу вмиг нахлынули неприятные воспоминания.

Троица тем временем дружно отпрянула от Мерзавчикова и отпрыгнула к двери.

– Ну, – провозгласил Эльфедра, разминая руки. – Теперь я скажу...

– Нет! – взвыл Серега и жалко дернулся в мускулистой руке Клотильды.

– Был ты жабой в человеческом обличье, будь теперь человеком в жабьем!

Не было никаких искр или прочих фейерверков, которых Сергей втайне ожидал. Просто очертания Мерзавчикова как-то сгустились... или сжались – и потекли вниз каскадом объемистых мазков. Стремительно темнея и зеленея на ходу.

Потом на полу образовалось что-то вроде лужи, над которой тут же зависло синеватое марево.

Клотильда наконец отпустила Сергея, и он обрел долгожданную свободу. Первым делом

присел на корточки и опасно протянул руку к мареву над полом.

– Не стоит. – Клотильда ловко отбила его руку носком своего кожаного сапога – слава богу, сапоги у нее были сшиты не здесь, мягкие, без картонно-клеевых уплотнений в носке.

– Что-то долго срабатывает, – обеспокоенно заявил Эльфедра и пожал плечом. — Должно было уже явиться...

Сергей поднял голову и зло сказал:

– Жаба Мерзавчиков?! Это что, твоя сатирическая пародия на сказочку о царевне-лягушке? То тебя рекламные перлы тянет портить, то на наши сказки замахиваешься?!

– Да, нельзя трогать святое, – неожиданно поддержала его Клоти.

Трое перепуганных людей у двери заскребли ногтями по обитой дерматином панели и почему-то задержались.

– А, – рассеянно сказал король эльфов, поворачивая к ним голову. – Вы еще здесь? – И голосом, снова полным особой ласки, добавил: – Будьте свободны. И не творите зла отныне, не ходите к людям за деньгами...

– С голоду же подохнут, – пробормотал Сергей, не вставая с корточек. – Они только так могут зарабатывать.

– Ну и что? Значит, настало время поменять работу и начать честную жизнь. Смотри, туман над явлением рассеивается.

Туман и вправду начал всплесками исчезать. На полу лежал крокодил в рост человека.

– Что это? – с истерическим смешком прохрипел герцог Де Лабри. – Как помнится, заказывали жабу...

Эльфедра, гибко пригнувшись, присел на корточки, с недоверием пощупал неровную крокодилью спину. Крокодил в ответ предупреждающе раззявил пасть.

– Кажется, понимаю. В вашем мире моя магия действует не по тем законам... точнее, она вынуждена действовать по вашим законам. Вот только не понимаю, по каким именно...

– За... Закон сохранения материи... – Сергей фыркнул, предусмотрительно отодвигаясь от крокодила. – Ничто не исчезает никуда и не появляется ниоткуда...

– Сформулировано по-детски, – не одобрил этот закон Эльфедра. – И по этим законам вы живете? Теперь понимаю, почему у вас все так убого – ни ведьм, ни эльфов, одни гномы и домовые как-то прижились, – если у вас материя не может сама появляться...

– Эй-эй, – предупреждающе сказала Клоти, опуская свой сапог на крокодилью пасть и нажимая на нее подошвой. Челюсти под тяжестью ее ноги тут же звучно схлопнулись. – Может, хватить обсуждать устройства миров? Вам все равно в хфилософы не идти... Решайте лучше, что с этим чудищем делать.

– Но почему именно это чудище отвратительное? – Эльфедра, метнув на Клотильду осуждающий взгляд – дескать, лезет куда не надо, – продолжал с интересом пялиться на крокодила. – Почему не громадная жаба?

– Жаба опасна в больших количествах. Вдруг да по полу расплескается, – просветил его Сергей. – А это – родственник жабы, одна из старейших на нашей Земле рептилий.

– Это объясняет многое. Хотя все равно – странные реакции в вашем мире на самые обычные эльфийские заклинания, странные.

Сергей поглядел на зеленое крокодилье тело, на маленькие сонные глазки, утопающие в громадной морде. Глазки были похожи на змеиные – те же вертикальные зрачки, та же гипнотизирующая неподвижность.

И ему расхотелось просить Эльфедру о возвращении типу Мерзавчикову обычного

человеческого облика. Во-первых, жалость к отдельным людям не должна оборачиваться жестокостью по отношению ко всем остальным людям в городе. Мерзавчиков явно асоциальный тип. А во-вторых, типу Мерзавчикову в крокодильей шкуре будет несравненно лучше – так меньше кризис между его формой и внутренним содержанием и цельнее будет указанная личность на фоне египетских болот, ибо там для нее социальная среда намного более подходящая...

– Но мы не можем оставить его здесь, – логично заметила Клотильда. – Вдруг эта тварь покусает почтенных родителей сэра Сериоги.

Уже только почтенных, а не благородных? Серега метнул взгляд на Клотильду. Может, его родители перешли из отряда благородных в отряд почтенных потому, что она разочаровалась в нем?

Ему следует быть покровожаднее, горько заключил он про себя. Но как быть, если тебе это не свойственно?

– Да-да, – рассеянно подтвердил Эльфедра, погруженный в свои мысли. – Что пожелаешь, сэр Сериога? Разделить его на изделия из узорчатой кожи и чудесную вырезку из боков? Или просто выкинуть отсюда за пределы воздушной сферы вашего мира? Выйдет очень даже симпатичная падающая звезда, когда он начнет падать обратно...

Сергей представил, как его родители будут есть вырезку из существа, которое когда-то было человеком, – и содрогнулся. Второй вариант, несмотря на весь романтизм своего антуража – небо, падающая звезда, парочки в промежутках между смачными поцелуями желания загадывают о том, кто кого и с кем, – тоже выглядел изуверским.

– Нет, – поспешил сказать герцог Де Лабри, пока Эльфедре не пришла мысль приступить тут же к разделке крокодила на мясо и кожу. – Просто отправь его в Египет. Прошу тебя. Это такая страна на юге, как раз для него. И проживают там одни крокодилы да арабы. Да еще, может быть, мумии. И туристы бегают в качестве пропитания... Направление указать?

– Не надо. Работает заклинание, а ему достаточно названия места. Только название должно быть точным.

– Тогда так. – Серега чувствовал себя глупее некуда. – Страна Египет, пойма реки Нил.

– А Ледовитый океан ему подошел бы больше... – проворчал Эльфедра и хлопнул ладонями.

Крокодил исчез.

– Стой! – Серега был готов схватиться за сердце, но оно, подлое, никак не желало болеть по поводу возможной кончины типа Мерзавчикова. – Ты куда его отправил?

– В пойму реки Нил! – с радушной улыбочкой заявил король эльфов.

Но у Сергея возникло стойкое ощущение, что эльф врет. Нагло и совсем не по-королевски. Или же наоборот – очень по-королевски. Ибо что такое искусство быть королем, как не искусство быть лжецом?

И тут его добила Клотильда:

– А тебе не кажется, что ты слишком милосерден к своим врагам? – Взгляд у девушки был сумрачным и вроде даже печальным. – Если и дальше ты будешь таким, то не знаю я...

У Сергея внутри все подпрыгнуло.

– Э-э... – жалко проблеял он. – Клоти, я исправлюсь! Я как раз собирался пересмотреть свои взгляды на гуманизм...

– О! – восхитилась Клотильда. – Здорово ругаешься ты, сэр Сериога! – Ху... хума...

хуманизм!

– Ну, – нагло обратился Эльфедра к Сереге, – ты собираешься собирать вещи или нет?

– Это тавтология, – машинально бросил герцог Де Лабри, направляясь на кухню для прощальных объяснений с родителями. – Вот это твое «собираешься собирать»...

– О! – рывкнула Клоти. – И это тоже здорово – трафталогия!

Сереге зашел на кухню и торопливо захлопнул за собой дверь, отсекая ехидный смешок эльфа.

* * *

– Ну и как будем перемещаться?

Он хмуро поправил воротник своей китайского производства кожаной куртки. Интересно, как отреагируют его вассалы, разодетые в шелка и бархат по случаю явления в замок своего сюзерена, на эту отрыжку современной моды?

А еще одежды его вассалов бывали обильно оторочены мехами, в том числе и по гульфику...

Сереге прихлопнул неподобающие мысли в своей голове и прислушался к тому, что говорил эльф.

– Вижу, наш друг замечтался. Леди Клотильда, потрясите его.

Он почти с наслаждением ощутил крепкий хлопок по плечу. Клотильда нагнулась пониже и привычно проорала в ухо:

– Аларм, сэриога!

– Да-да... – размягченным тоном произнес он, уставившись на Клотильду сияющими глазами.

Она, к его величайшей радости, улыбнулась.

– Радует сердце мое, что обещал ты отныне давить и душить всех свои врагов, сэриога!

– Как это? – встревожился сэриога. – Клоти, я только...

– Обещал мне исправиться ты! – грозным речитативом произнесла дева-рыцарь. – Как раз тогда, когда дивно ругаться начал – хуманизм, дескать! И трафталогия!

Он онемел и начал копать в памяти. Обещал? Э-э... не совсем давить и душить, но... Но что-то похожее.

Придется выкручиваться, смущенно подумал он. Или и в самом деле начать крушить всех направо и налево во имя своей прекрасной леди? Как паладины в древние века...

– Хватит любезностей. – Эльфедра, брезгливо сморщившись, ступил в широкую грязную лужу, занимавшую практически весь тротуар, подобрал широченный зелено-бежевый плащ, закинул один конец на плечо. – Значит, так. Я сейчас изменю личину, чтобы ваши городские шавки от меня не шарахались. А ты, сэриога, поведешь нас к тому месту, где стоит портал перехода. Ну, вперед!

Минуты через две в центре колоритной пары по лужам брел невысокого роста бородатый мужичок. И, не обращая абсолютно никакого внимания на шагавшую с другой стороны девушку, беседовал с молодым человеком.

Тема была прежней – происходящее в Нибелунгии.

– Все настолько ужасно? – мрачно спросил герцог Де Лабри, дослушав до конца.

Эльфедра в образе бородатого мужичка соорудил странную гримасу – то ли грустную, то ли саркастическую.

– Самое печальное еще впереди, сэра Сериога.

– Куда уж дальше... – пробурчала Клоти. Серега поверх сутулой спины мужичка-Эльфедры поглядел на свою рыцарственную любовь. С высоты его немаленького роста виден был только бледный профиль, трагически поникший над складками черного плаща, – со скорбно поджатыми губами и приспущенной сенью ресниц.

В груди слева сладко защипало. Печаль леди Клотильды о людях Дебро была столь же явственной и ощутимой, как кусок льда, засунутый ему под рубашку. Сергей стиснул зубы и дал себе самому честное герцогское слово, что все, кто был причиной ее теперешнего несчастного вида, будут повержены.

Ну, во всяком случае, он очень для этого постарается. Гм... может, даже начнет рвать и метать.

До портала добрались довольно быстро. И тут выяснилось следующее – стартовать обратно в Нибелунгию им с Клоти придется порознь. Досточтимая рыцарь-девица Клотильда, никогда не расстававшаяся с рыцарским снаряжением (по крайней мере, с немаленькой его частью), вместе со своим тюком за спиной едва-едва помещалась в одиночку в узенькой телефонной будке.

– Ну, – сказал Серега, с большим трудом затолкав достойную леди вместе с кладью в клетушку будки и подперев дверь будки плечом, потому что рукояти двух мечей и лука арбалета все время упирались в нее, не давая захлопнуться, – нажимай на кнопки, как я тебя учил. И про заветный пароль не забудь. Ноль-пять-ноль-пять-ноль-пять, пора штаны, гм...

– Не знаю, посмею ли я... – покраснев, пробормотала Клотильда.

– Истинная женщина из рода людей! – встрял Эльфедра. – Как материться грязными оборотами, от которых даже лошади и эльфы краснеют, так никакого смущения. А как сказать что-то дельное по поводу снятия штанов – так ее тут же стыдливость охватывает.

Клотильда метнула взгляд, от которого тоненько зазвенело стекло в дверце будки. Или это он, Серега, содрогнулся всем телом?

Бородатый мужичок в ответ на это только нахально улыбнулся и послал леди воздушный поцелуй. Причем послал смачно, с грубым чмоканьем и подмигиванием. Губы Клотильды брезгливо скривились, она тут же стремительно затыкала могучим пальцем по двум кнопкам. Серега пожалел бедный телефонный аппарат – палец Клоти бил по кнопкам быстро и сильно. В такт тычкам будка печально вздрагивала.

Он уже не видел, как она снимала трубку и говорила в нее заветные слова, потому что Клоти повернулась к нему спиной, едва отстучав номер. А затем очертания Клоти в будке стали размытыми, и она исчезла из этого объема пространства совершенно и полностью. Как будто ее там и не было. Серега оглянулся. Неподалеку стояли двое прохожих, озадаченно разглядывая будку. Его вдруг охватило дикое желание подшутить, и он, поддавшись секунднему порыву, подмигнул мужчинам:

– Привет со звезды, мужики!

Мужчины – обоим было лет по сорок – заволновались.

– Инопланетяне... – растерянно протянул тот, который слегка пошатывался.

– Молодцы! – похвалил Серега, открывая дверцу будки и собираясь войти в нее. – Бдительный вы народ, земляне!

– А вы откуда, братцы? – с тоской в голосе отозвался тот, что более твердо стоял на ногах. – Хоть адрес оставьте!

– Планета Зауруна, пять, – совершенно автоматически сказал Сергей и хотел уже шагнуть.

Мужички отшатнулись и принялись обсуждать: далеко ли планета Зауруна от Земли и можно ли туда долететь на ядерном топливе? Или лучше все-таки использовать спиртовой реактор с картофельной брагой в качестве дополнительной закваски?

На самогоне, ехидно ухмыльнулся Сергей, эти двое доберутся куда угодно. Главное, чтобы самогона хватило и звезды были ясно видны...

Он уже поднял ногу, уже почти шагнул... но тут Эльфедра в образе бородатого мужика неожиданно схватил его за локоть и остановил.

– Герцог. Хочу вас предупредить: зайдя туда, можете и не попасть в Нибелунгию. Мне хотелось бы, чтобы вы об этом знали...

Серега замер на месте с поднятой ногой.

– И... и вы это знали? А как же Клотильда, как она?! И ты...

– Он почувствовал удушающую ярость. – Ты, дерьмовый королек, даже не сказал ей об этом! Не предупредил!!

– Ваше сиятельство, – Эльфедра выставил перед собой ладони, – успокойтесь, леди Клотильде это не грозит. Нет-нет, все возможные осложнения касаются только вас. Дело в том, что вы, сэр Сериога, не принадлежите нашему миру. Вы чужой. И палагойцы – если только додумаются до этого – могут легко воспрепятствовать вашему возвращению в Нибелунгию. Поставят магический заслон, в конце концов, магические книги у них есть, там много чего написано, и кто поручится, что там нет заклинания против попадания определенного человека в их мир? А вас в результате этого заклинания может занести в неведомые дали вместо Нибелунгии. Я хотел, чтобы вы об этом знали...

– Теперь знаю. Что дальше? – Серега попробовал изобразить мрачный голос идущего на смерть героя, но получилось неудачно, потому что голос дрогнул на последних словах. Позорно дрогнул.

Эльфедра смотрел на него с нехорошим затаенным интересом.

– Куда бы вы ни попали, ваше сиятельство, мы вас найдем. Главное – не нервничайте там, ведите себя спокойно. И... еще кое-что, сэр Сериога. Походите там, осмотритесь, но слишком далеко не заходите. И то живое, что первым попадетсЯ вам на глаза в том мире, должно быть схвачено. Обязательно.

– В каком смысле «схвачено»?

– В самом прямом, сэр Сериога. Вами, вашими мужественными ручками. Я не могу сейчас объяснить вам всего, но поверьте мне на слово – так нужно.

Сущность заклинания противодействия такова, что между тем миром и вами может возникнуть причинно-следственная связь. А с помощью живой плоти из этого мира такую связь можно будет разрубить. Иначе вас утянет туда обратно, ведь заклинание палагойцев свяжет вас с тем миром довольно крепко...

– Вам легко говорить – схвати! – проворчал Серега. – А если оно будет размером с носорога?

Эльфедра устало улыбнулся:

– Тогда просто держитесь рядом. Через какое-то время я вас вытащу, а там посмотрим. Когда нужный объект рядом, работать не только легче – работать еще и веселей...

Сергея, не выдержав, перебил короля эльфов:

– А вам не кажется, ваше величество, что вы уж больно уверенно, как о свершившемся факте, говорите про мое грядущее попадание в другой мир?

– Ах! – Эльфедра мило улыбнулся, помахал рукой, указывая на дверь телефонной будки. – Имея дело с магическими каверзами и переносами в другой мир, надо страховаться, не так ли? Я искренне надеюсь, сэр Сериога, что вы попадете туда, куда нужно. Даю вам слово эльфа. Просто предупреждаю о возможных... гм... эксцессах.

Что-то неприятное шевельнулось в Серегоиной душе после слов Эльфедры. Но тут же представилось, что Клотильда уже в Нибелунгии и ждет его в тамошних далях, смотрит на то место, где он должен появиться, волнуется... И эта мысль смела все остальное, как метла, прошедшаяся по мусору.

Он торопливо развернулся спиной к Эльфедре. Тем двоим мужичкам, которым он передавал привет от инопланетян, наскучило просто смотреть, и они уже начали затягивать во всю мочь: «На пыльных тропинках далеких планет...»

Сергея шагнул в будку и стал отстукивать номер.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Где-то там. Девушки и их проблемы

Эльфедра не врал, пришел к мрачному выводу Герослав, обшаривая взглядом узкие городские улочки, подступающие к стенам замка Дебро подобно клубку червей. Последствия от деятельности палагойцев явно не заставили себя ждать.

Небольшая кучка нищенствующего сброда, торчавшая сейчас перед воротами, его не пугала. Но в центре этой группы красовался рыцарь в черно-золотой хламиде поверх сияющих лат. Конь под рыцарем стоял как вкопанный, покрытый от ушей до копыт черно-золотым шипастым латным облачением. В руке, защищенной рукавицей со стальными пластинками по суставам и сгибам, рыцарь с небрежной легкостью держал толстое длинное древко – высоко над головой на древке развевался траурно-черный стяг с золотым кругом посередине. Стяг хлопал по ветру и распускал длинную шелковую бахрому, нашитую на всех четырех краях знамени, по струям небесного зефира. Знамя было знаком официального посланника палагойцев. И это тоже отметил про себя Герослав, пытаясь предугадать, какими именно неприятностями грозит им сейчас визит герольда ордена Палагойцев.

Рыцарь уже с полчаса как красовался на коне перед закрытыми воротами замка. Высокие створки ворот, обитые железными плахами внакрой и запертые сейчас – в связи с последними событиями – на три бревна-засова, укрепленные поверх крепкой древесины стальными и бронзовыми скобами (сталь – для крепости, бронза – против колдовства), открывать никто не собирался. Но рыцарь об этом и не просил. Он сидел на коне молча, неподвижно, явно дожидаясь, пока весть о его появлении не разнесется по всем уголкам замка Дебро..

Ждет, пока соберется побольше свидетелей, решил Герослав. И окинул неприязненным взглядом черную фигуру в отблесках золота и стали.

Сброд просочился из городских закоулков и постепенно составил внушительную толпу, в центре которой на небольшом пятачке свободной земли статуей высился конь посланника. Но при этом – что особенно насторожило Герослава – нищие, калеки, бродяги – все до одного слаженно глазели не на колоритную фигуру герольда палагойцев, а на высокие стены замка. Угрожающе глазели, с недобрым молчанием.

И это ясно указывало на одно – симпатии простолюдинов на сегодня принадлежат ордену. И скорее всего, подобное творилось сейчас по всей Нибелунгии. Оборотень криво ухмыльнулся. Очень опасно иметь под боком озлобленный народ, настроенный против тебя подосланными лазутчиками. А уж о лазутчиках палагойцы должны были позаботиться в первую очередь, не такие они простачки, чтобы начинать захват власти и в том числе формировать «народное мнение». И без своих людей в обществе смердов, которые их будут направлять... Логическая цепочка была выстроена палагойцами безупречно.

Мысли Герослава потекли стремительным потоком. Сначала простолюдинам дали возможность почувствовать свою силу над ведьмами, используя их затаенные чувства – зависть и ненависть к вчерашним сопливым девчонкам из бедного деревенского двора, ныне владеющим магическими заклятиями, недоступными простому смертному.

Потом настало время развенчивать и другие авторитеты – например, знатных хозяев поместий и ленов, укрывших ведьм от надругательств в своих домах и замках. Смердов к тому времени успели убедить, что они занимались лишь справедливой и разумной карой за

все, что ведьмы натворили за свою жизнь среди односельчан. Трудно найти ведьму, не имевшую в деревне своих любимчиков, а также врагов. Бессилие же ведьм только разжигало аппетиты и укрепляло веру в правоту своих действий. Дескать, с нами точно Единый – раз ведьмы больше не могут изображать из себя вторых господ на деревне. А уж от заявлений о том, что знатные господа предают простых смердов, укрывая подлых ведьм, противных отныне Единому, до призыва к неповиновению им – один шаг. К тому же если есть не менее знатные господа – палагойцы, обещающие покровительство и готовые повести тебя на бой за правое дело против твоих несправедливых господ...

Тут припомнились и вытоптаные на охоте посева, и забранная за долг овца, и нравившаяся тебе девка, которую господин успел прижать раньше тебя...

А вдобавок еще если по деревням и городским улицам начинают шляться неведомые существа, оставляющие после себя размягченные живые трупы вместо людей, но при этом в замках и господских домах все спокойно... (В замке Дебро, к примеру, не появился ни один й-хондрик. Герослав был уверен, что и прочие замки избежали их нападения. И наверняка свою руку к этому приложили палагойцы.)

В общем, даже не надо было ничего нашептывать или разъяснять: раз простолюдины пострадали, а их господа нет – значит, последние и виноваты.

Страна на пороге народного бунта, мрачно подвел итоги оборотень. Палагойцы готовят не просто захват императорской власти – нет, их планы гораздо шире. Сместить рыцарей и лордов... А что затем? Палагойский наместник в каждом замке? И вся страна в их власти? И тогда нет нужды опасаться возникновения новой Священной комиссии, отправившей когда-то орден Палагойцев в пределы иного мира, где их встретили пытки и боль... И вообще ничего не надо опасаться. Если абсолютный и полный вечный покой невозможен в принципе, то это, во всяком случае, будет самым идеальным его подобием.

Фигура на коне наконец утратила свою неподвижность – рыцарь подтянулся вверх и отсалютовал знаменем в сторону сторожевых башен. Сейчас начнет говорить, понял Герослав.

– Смотритель замка Дебро! – Голос у рыцаря был чистым, певуче-высоким. – Нам известно, что в отсутствие владельца, почтенного герцога Де Лабри, ты укрыл и пригрел в замке четырех ведьм! А одну из них, чернокнижницу Гальду...

Рыцарь сделал зловещую паузу в своем угрожающе-певучем речитативе. «Так-так, – задал себе вопрос Герослав и сам же ответил: – Значит, крестьянка Гальда волнует их больше всего? А почему, интересно? Потому, что ты вывел ее из деревни».

– Ты злостно увел эту ведьму, отрекшуюся от Единого, в свой замок! Прапор ордена Палагойцев требует девицу Гальду... – Рыцарь снова сделал паузу, набирая в легкие побольше воздуха. И провыл на единой длинной ноте: – Выдать!!

Герослав окинул взглядом всех столпившихся поблизости от него на стенах замка. Здесь стояли вперемешку и охранные люди, и челядь. Поварихи и кухонные мальчишки, стражники и конюхи. И еще рыцари из дружины замка во главе со старшим рыцарем и капитаном стражи. Можно ли на них рассчитывать? Останутся ли они верны знамени своего господина? Не захотят ли открыть ворота и вышвырнуть проклятого оборотня вместе с ведьмами под ноги палагойскому герольду?

Вот и гадай, ехидно заключил он.

– Люди из замка Дебро! – продолжал надрывать вниз герольд. – Выдайте нам вашего оборотня вместе с ведьмами!

Мысли прочитал, что ли? Герослав зябко передернул плечами и торопливо крутанул ладонью перед лицом – жест защиты каждого, кто верит в Единого. А он все еще верил, несмотря на свое нынешнее существование в шкуре оборотня.

Странно, но взгляды людей, бросаемые на него искоса, потеплели после ритуального круговращения. «Кажется, набираю очки», – радостно подумал оборотень. Только Единый знает, как он устал быть изгоем среди людей. Вечно – лис в человеческой шкуре и никогда – человек, просто умеющий время от времени обрастать лисьей шерстью...

Он мысленно воззвал к Единому, оперся о парапет и закричал во всю мочь:

– Я уже послал за герцогом Де Лабри, и он скоро будет здесь! Он и решит, отдавать вам ведьм и оборотня или нет! А вы, господин герольд, можете пока подождать его появления в одной из наших городских гостиниц... например, в «Тоскливой плетке»!

Дворня сзади сдавленно захихикала. Рыцари, не стесненные никаким чинопочитанием, заржали во всю глотку. Трактир «Тоскливая плетка» находился на окраине Дебро и принимал постояльцев определенного сорта. Большая часть рыцарей посещением этого трактира откровенно брезговала. Но те, кому довелось служить в пажках при дворе бывшего императора или в замках его ближайших придворных (кто успел впитать в себя развращающие мысли о том, что наслаждение должно быть многогранным, и никак иначе), этот трактир посещали хотя бы раз в месяц. В «Тоскливой плетке» дебелие девицы охотно пороли благородных господ розгами, охаживачи кнутами и мягкими шелковыми лентами – это кому как нравилось...

Смех, донесшийся со сторожевых башен, герольду явно не понравился. Конь, до того стоявший абсолютно неподвижно – ни копыто не дрогнет, ни ухо не шелохнется, – повинувшись поводьям, красиво и грациозно встал на дыбы, устрашая шарахнувшихся в стороны смердов боевыми подковами с шипами. Фигура всадника слегка перекосилась, штандарт со знаменем дернулся, компенсируя смещение центра тяжести.

– Что ж, раз вы упорствуете и злобствуете... Тогда да поразит вас гнев Единого! И это будет скоро! Отступники! Предатели Единого!

Закованный в тяжелую латную броню конь с глухим стуком опустил на мостовую копыта, по камням которой разлетелся сноп искр, неуклюже развернулся и тяжело поскакал по улице, выходящей на городские ворота.

Оставшийся без поддержки нищий сброд начал вяло выкрикивать проклятия в адрес и чертового оборотня, засевшего в замке как перец в заднице для всего города, и знатных господ рыцарей, которым давно следовало бы показать, как может холопская дубина корявить господские головы под шлемами. Капитан стражи, прослушав несколько особо выдающихся перлов, криво усмехнулся и распорядился вполголоса. На площадки надвратных башен вышли лучники, распределились у зубчатых прорезей для стрельбы, демонстративно наложили стрелы на длинные тугие луки, прицелились. Оборванцев внизу тут же как ветром сдуло – наконечники стрел и длинных полевых луков угрожающе четко выделялись на фоне розовато-сиреневого дневного неба. Кухонные мальчишки на стенах заулюлюкали, рыцари начали расходиться с башенных площадок, бросив закованные в латы руки на рукояти длинных мечей.

Судя по всему, пока что вся челядь и рыцари замка Дебро были на стороне законного наместника герцога. Несмотря на то что он являлся оборотнем. Но надолго ли хватит их преданности? В конце концов присягали-то они герцогу, а вот присягнуть наместнику и опекуну наследника герцога в присутствии господина никто не успел... да и не додумался

никто до надобности такой присяги – слишком уж внезапно выдворили герцога Де Лабри из пределов Нибелунгии, слишком уж быстро.

Герослав вздохнул. Вот и отстоял Гальду! Но как долго сможет он укрывать ее в замке? Где там сэр Сериога, где черти носят Эльфедру в поисках юного герцога?

И не стоит ли ему, Князю двуликих детей ночи, не дожидаясь появления в Дебро блудного герцога, увести ведьму Гальду в лес по подземному ходу? Там он попытается обеспечить ей и защиту и кров. Правда, как ни украшай лисью нору коврами и мехами, дворцом ее все равно не назовешь...

Почему-то думать и заботиться Герославу хотелось только о Гальде. Хотя если дойдет до дела – и ведьм действительно надо будет спасать, – он знал, что ни одну из них не оставит в замке.

«А не рано ли думать о бегстве?» – укорил он сам себя. Что будет с теми стражниками и рыцарями, кто останется верен ему до конца, когда он будет улепетывать в безопасный лес с четырьмя женщинами под мышкой?

Нет, ну где там этот чертов сэр Сериога?

Капитан стражи и старший из дружины рыцарей поджидали его возле лестничного спуска. У обоих были лица заговорщиков, готовых к открытому разговору. Герослав кивнул в знак того, что все понял, подошел, наклонил голову – и рыцарь, и капитан были невысокими коренастыми крепышами, а оборотень рост имел выдающийся. Да и прочие стати у него были герцогскими.

– Милорд, – сдержанно сказал рыцарь, – мы хотели бы обсудить ситуацию...

По тому, как рыцарь выделил голосом последнее слово, стало ясно, что ситуация действительно назрела. Герослав согласно качнул головой:

– Слушаю вас, милорды.

Капитан стражи, происходивший из простых ратников и не имеющий рыцарского звания, слегка выпятил грудь. «Служака, молодец – и все еще не рыцарь, – отметил про себя оборотень. – Надо будет подсказать герцогу Де Лабри, чтобы он исправил это упущение прежнего хозяина».

Если, конечно, он все-таки вернется.

– Милорд, город на пороге бунта.

«А то я этого не заметил», – усмехнулся про себя Герослав.

– Я со вчерашнего дня запретил выпускать людей за ворота замка, милорд, – торопливо вмешался в разговор капитан стражи. – Один из вернувшихся накануне, которому едва не проломили голову, рассказывал, что в город пришли крестьяне из деревни. Обозленные... И ведут себя как сумасшедшие – кричат, что какой-то оборотень увел их ведьму.

Надо думать, что в капитане проснулось чувство такта, потому что он не стал уточнять, какой именно оборотень увел у крестьян их ведьму.

Герослав пробормотал:

– Подумать только, столько криков – и из-за чего?

– Да, милорд, – зло сказал капитан. – Сегодня, до того как я запретил выход в город, были избиты одиннадцать наших. В основном это слуги, но среди них был и один стражник. Бунт назрел.

«Прямо как чирей на заднице назрел», – подумал оборотень и быстро язвительно спросил:

– Ну а от меня-то вы чего хотите? Рыцарь и капитан переглянулись.

– Милорд. Если народ пойдет на приступ, возглавите ли вы оборону? Или поручите это нам? И еще...

Оба замаялись. Герослав поморщился. И рыцарь, и капитан были простодушными людьми, и по их лицам нетрудно было догадаться, о чем сейчас пойдет речь.

– Вам не нравится, что ведьмы находятся в замке?

Рыцарь насупился. Капитан сделал равнодушную рожу. «Ага, пытается показать, что он тут ни при чем, – разозлился оборотень. – Дело благородных, дескать, пусть они сами друг с другом и разбираются... Нет, непременно надо сказать герцогу Де Лабри, чтобы он дал этому хитрецу с лицом деревенского простака рыцарское звание. Чтобы не смел больше увиливать от неприятного разговора».

– Милорд, я, как рыцарь и благородный человек, не могу протестовать против спасения невинных женщин. Но если весь бунт из-за них...

Герослав колебался всего мгновение – сказать или не сказать им о своих догадках? А потом махнул рукой на все предосторожности:

– Милорды, вы когда-нибудь задумывались: а зачем нужна вся эта интрижка с ведьмами?

Капитан с рыцарем переглянулись и начали растягивать губы в довольных улыбочках.

– Но, милорд, и так понятно, зачем это вам нужно...

– Я не про себя, – со сдержанным недовольством в голосе сказал Герослав.

Они не так его поняли. Точнее, совсем не поняли.

– Я имел в виду палагойцев. Вы задумывались, зачем им это нужно?

И рыцарь, и капитан неумело нахмурили свои крепкие лбы.

– Думаю, теперь уже не имеет значения, где находятся эти ведьмы – по ту сторону крепостной стены или по эту. Палагойцам нужен был повод, чтобы настроить народ против господ, и они его нашли. Не будет в крепости ведьм, найдется что-нибудь другое. Вы слышали о неведомых чудовищах в городе?

Мужчины торопливо закивали.

– И, надеюсь, заметили, что наш замок чудовища обошли стороной?

У рыцаря с капитаном вытянулись лица.

– Да, милорд.

– Это было сделано нарочно, и сделано палагойцами.

– Это действительно так, милорд? – озабоченно спросил капитан стражи. Седоволосый рыцарь только изумленно вытаращил глаза.

– Думаю, да, – спокойно сказал Герослав и посмотрел поверх голов своих собеседников.

В сторонке толпилась челядь. Рыцари, которым благородство не позволяло откровенно подслушивать, прогуливались в отдалении. Но при этом цепко посматривали в их сторону. Надо думать, что каждое его слово уже через полчаса разойдется по всему замку. И неминуемо просочится после этого за крепостные стены – тут даже осада не помеха. Вот только поверят ли горожане словам оборотня, лишившего целую деревню ее законной жертвы в лице ведьмы Гальды?

«Навряд ли, – решил Герослав. – Но попробовать-то стоит?»

– А вы знаете что-нибудь о тех чудовищах, сэр?

– Это й-хондрики, – медленно сказал он. – Сейчас о них уже позабыли. Но в древние времена они довольно часто появлялись на наших землях. Двоих из них я убил собственноручно. Но людям такая забава не по плечу.

– Да, милорд? – с сомнением протянул капитан стражи. – Вы действительно убили этих ... й-хондри-ков? А почему же мы не знаем об этом?

Герослав ухмыльнулся:

– Потому что в городе все решили, что их загрызли собаки.

Капитан и рыцарь тут же слегка от него отодвинулись. «Ага, – свирепо подметил Герослав, – не нравится? Ничего, я вам не девица, чтобы всем нравиться...»

Про то, что на замену убитым й-хондрикам палагойцы тут же переправили в их мир свежую голодную парочку тварей, он решил промолчать.

– Но зачем им все это нужно? – обалдело и несколько запоздало спросил рыцарь.

Более догадливый капитан стражи метнул на него быстрый взгляд.

– Сообщаю, – тяжелым голосом проговорил Герослав. – Й-хондриков послали в город. Но не послали в замок. Причиной этого наверняка выставят козни благородных сэров, решивших преуменьшить население.

– Но зачем нам это нужно? – простодушно изумился рыцарь.

– Вот тут вы правы, благородный сэр, нам... то есть вам, это совершенно не нужно. Но скажите, будут ли люди рассуждать, когда в городе творится такое? Кстати, капитан, в конце концов й-хондрики исчезли, ведь так?

– Да, милорд.

– Их выпустили, дали покормиться, потом забрали. Скажите, милорды, – Герослав слегка задумался, – такие действия вам ничего не напоминают?

– Охота на кевлака, – быстро сказал более догадливый капитан стражи. – На стадо выпускают собак, потом отгоняют. Потом снова направляют, снова отгоняют – и так, пока стадо не начнет входить в бешенство. Сбесившегося кевлака легче взять, он уже не так хорошо нацеливает рога при прыжках. Но думаю, упомянутые палагойцы, сэр, вовсе «е собираются охотиться на простолюдинов. Им только нужно, чтобы люди разозлились и были неспособны соображать.

– Правильно, капитан. И это значит, что в городе следует ждать новых появлений й-хондриков, – устало заявил Герослав. – Капитан, есть у нас возможность предупредить людей?

Капитан пожал плечами:

– Возможность-то есть, милорд, но не будет ли это воспринято как еще одно доказательство того, что во всем виноваты лорды из замка? Раз уж мы знаем и предупреждаем...

– У нас нет выбора, – хмуро оборвал его оборотень. – Люди должны знать, чего им опасаться.

– Слушаюсь, милорд, – неожиданно потеплевшим голосом сказал капитан («У него наверняка есть родственники в городе, – отметил про себя Герослав. – А может, и сердечное увлечение имеется в одном из местных трактиров»). – А что насчет обороны? И кстати, не знаете ли вы, когда леди Клотильда вернется из своего квеста? Она ведь отправилась за его сиятельством герцогом, так?

Лицо рыцаря выразило живейший интерес при этом вопросе капитана стражи.

– Хотел бы я, чтобы он был тут, милорд.

– О, этот наш предобрый сэр... – задумчиво протянул оборотень. – Вы правы, капитан, нам его действительно сейчас очень не хватает. Отвечая на ваш вопрос – нет, к сожалению, я не знаю, когда наша сиятельная леди вернется из своего очень далекого квеста... даже

слишком далекого. И притащит нам нашего герцога, как бычка на веревочке...

– Ему следовало бы быть здесь, когда такие события! – выразил свое мнение рыцарь.

Капитан согласно покивал и напомнил Герославу:

– Оборона, милорд. Кто ею будет руководить? Вы, как опекун наследника, или сэра Ардульф, как глава дружины рыцарей?

– А назначу-ка я вас, капитан, – с удовольствием сказал Герослав и полюбовался на фигуру капитана, враз ставшую еще более подтянутой и молодцеватой. – А сэра Ардульф у нас будет наготове – на тот случай, если герцог вернется. У него ведь могут быть и свои соображения насчет борьбы с палагойцами, вы не считаете?

На самом деле ему просто не хотелось передавать всю оборону замка в руки стоявшего тут рыцаря. Слишком уж простоват тот был, слишком уж нерасторопен в мыслях...

Герослав поклонился, давая понять, что разговор окончен, – сэра Ардульф ни лицом, ни ответным поклоном не выразил своего недовольства по поводу его фактического отстранения от руководства обороной.

Гальда при его появлении приподнялась с кровати. Синяки и порезы на разбитом лице слегка отошли, перейдя от синюшной черноты к желто-зеленой лиловатости. Да и стоявшей на тумбочке еды заметно поубавилось.

– Добрый день, – легко произнес Герослав, забираясь на монументальную старинную кровать с ногами и устраиваясь по соседству с осторожно опустившейся на ту же кровать Гальдой: – Ты что-нибудь этим утром делала или продолжаешь бездельничать?

Губы Гальды чуть дрогнули. Она смущенно покосилась в угол комнаты.

– Я... Я делала, милорд. Но это не то, про что рассказывают благородным лордам...

Герослав, не удержавшись, захохотал.

Гальда испуганно вздрогнула. Он заметил это и постарался заглушить смех. В комнате теперь слышалось только сдавленное хихиканье.

Гальда осторожно дотронулась до его руки:

– Я слышала, милорд, что люди недовольны. Может, мне лучше покинуть замок...

– Ты здесь ни при чем, – оборвал он девушку. – И выставять тебя за ворота никто не собирается. Ты будешь здесь, а в случае, если события начнут развиваться не так... не так, как мне хотелось бы, я отведу тебя в лес по потайному ходу.

– Не сможешь, – обронила Гальда.

– Что?! – изумился оборотень. – Ты о чем?

– Не сможешь, говорю. – Гальда пожала плечами. – Те, которые в городе, уже знают про ход.

– Как... – начал было Герослав и умолк.

И действительно, как они могли не знать. Живут в этом же городе, с замковыми чуть ли не каждый день в трактирах выпивают... Но откуда об этом могла разузнать ведьма из глухой деревни, всего два дня как попавшая в город?

– Гальда, а как случилось, что ты это знаешь?

– Да глянула, – Гальда равнодушно пожала плечами, не замечая все нарастающее изумление на лице Герослава, – в воду, что в ведре, и все там увидела. Они в городском трактире обсуждали этот ход. И пили... с утра, а это грех. Там один толстый был такой, с черными усами... на них еще нити золотые наверхены; а над усами у негсгкрасный нос с фиолетовыми жилками...

Толстяком с золотыми нитями на усах мог быть только Букха, глава городских купцов.

И никто иной. Только он в городе носил усы по моде, перенятой у купцов с Алмазных островов.

– А разговаривал с ним Пикша, староста из нашей деревни, – с детским простодушием продолжала рассказывать Гальда. – Только вот не знаю, зачем он в город пришел?

Герослав знал причину этого, но предпочел промолчать.

– И еще какие-то...

– А в латах никого не было? – нетерпеливо перебил ведьму Герослав.

Конечно, палагойцы не такие дураки, чтобы управлять готовым к бунту городом в открытую, но кто знает?

Гальда нахмурилась:

– Ты боишься, что стражники из твоего замка будут заодно с теми злыми людьми из города?

– Э-э... Вообще-то это не мой замок, Гальда. А что касается твоего вопроса – нет, за стражников я не боюсь. Я боюсь другого – что теми злыми людьми управляют стражники в странных доспехах. В таких же точно доспехах, какие были и у того человека, что приезжал в ваше село, перед тем как...

«Дурак! – обругал он сам себя. – Зачем опять напомнил дебчонке о прошлом?»

– Перед тем как... – Гальда ойкнула, приложила ладонь ко рту, испуганно посмотрела на него.

Он кивнул и попытался успокоить перепуганную девушку:

– Но ты не беспокойся. Больше тебе бояться нечего, я за тобой пригляжу. Да и вообще нам это ничем не грозит.

«Вру, – сказал он себе, – и вру отчаянно. Это нам грозит, да еще как».

– Нет! – Гальда резко покрутила головой. – В странных латах там никого не было. И просто в латах – тоже. Были какие-то разодетые, с бусами на усах и с лентами на бороде.

Значит, во главе назревающего бунта, случись ему дозреть, встанут городские купчики? Во всяком случае, сейчас власть над городом определенно в их руках. И не поймешь, к худу это или к добру? Герослав вздохнул про себя. Эти, в отличие от народа, если и будут бузотерить, то очень организованно. И драться будут очень даже упорно, с хитрыми каверзами по ходу бунта. Но уж зато и разгуляться городской голытьбе купцы не дадут. Количество пожаров и нападений в городе будет умеренным. Конечно, под шумок кое-кто обделаает свои нехорошие делишки, в некоторых лавках торговля перейдет в другие руки...

– Я просто глянула в ведро и захотела узнать, что говорят про меня в городе, – продолжала тем временем Гальда слегка подрагивающим голосом, – вот и увидела их. Они говорили, что чертов оборотень попытается протащить свою ведьму... хотя, конечно, я не ваша, милорд... по потайному ходу из замка и хорошо бы поставить охранный караул на выходе из него.

Герослав кивнул. Надо будет сказать капитану, чтобы он увеличил количество стражников в подвалах замка – там, где начинается тайный ход. Хотя какой он теперь тайный, к заднице мохоода...

– Хорошо... Гальда, ты можешь сделать для меня кое-что?

– Что? – с готовностью подалась к нему ведьма.

Герослав мысленно обвел пальцем овал лица, покрытого синяками. А потом еще и прикоснулся к нему губами...

И тут же вознегодовал на самого себя. Она же еще девчонка...

– Заглядывай время от времени в ведра с водой, ладно? Раз ты там так много видишь...

– Да, милорд, – кивнула девушка. И прикрыла ладошкой рот, стесняясь своих обломанных зубов. – Вы знаете, я могу здесь действовать. Против местных простолюдинов.

«Ура, мы имеем одну действующую ведьму!» – с ликованием подумал Герослав. Действительно, Дебро – это не ее деревня. А крестьяне навряд ли притащили в город защищающий их дома амулет. Может, прямо сейчас наслать на городских пожар или мор?

«Эх, не мне принадлежит город, – с сожалением подумал он. – Такие действия не следует предпринимать без хозяина».

– И еще. Мы поговорили про амулет Дригар...

– Кто – мы? – спросил Герослав, хотя в принципе уже знал ответ.

– Я и другие ведьмы. Ой, я же не сказала! Ко мне приходили гости. – Гальда села поудобнее, подобрав под себя ноги. – Самая старшая из них, почтенная Маэда, сказала, что слышала о таком амулете. Но давно, еще когда была девочкой. И самое смешное, по ее словам, что в древности его и не использовали толком, потому что буквально каждый знал противодействующее заклятие. А потом это заклятие позабылось, а заклятие амулетов осталось. И его отыскиали.

– То есть... все эти амулеты Дригар, которые сейчас действуют по всей Нибелунгии, изготовлены в наше время? – Герослав удивленно приподнял брови: – Это кто же их столько заготовил...

«Встретить бы этого заготовителя сейчас!» – с сожалением подумал он.

– Маэда сказала, что амулеты Дригар обязательно положено опускать в кровь иглистых драконов – иначе не заработают. А иглистых драконов у нас истребили еще лет пятьсот назад. Но это не означает, что их нет вообще.

– М-да? А она не сказала, как перебороть амулет Дригар?

Гальда тщательно расправила на своих худых коленках синее шелковое платье, принадлежавшее когда-то одной из бывших герцогинь Де Лабри. Кажется, даже покойной матушке Герослава. Материя, которой было уже больше ста лет, ничуть не потускнела за все эти годы. Только жемчуг, украшавший подол, помутнел и местами облетел с истлевших нитей золотого кручения.

Сейчас еще нельзя было сказать, идет ей это платье или нет – истинный цвет лица был прикрыт желто-зелено-лиловыми разводами. Но тонкие запястья, зависшие над синим шелком, вызвали в душе у Герослава странное волнение. К запястьям шелк явно шел. Удлиненные пальцы с обломанными ногтями ласково потеревали жемчужную низку на подоле – и Герослав задохнулся.

– Почтенная Маэда сказала, что нет ничего, чего нельзя перебороть, – надо только искать и найти. – Она лукаво взглянула на него из-под припухших век. – Милорд, находясь в своей деревне, я ничего не смогла бы сделать. Но, находясь здесь, в городе, я вновь могу все. Амулет Дригар действует после прочтения заклятия, в котором четко указывается имя ведьмы и место, которое она не должна покинуть. А я его покинула, и теперь он надо мной не властен. Не хотите, чтобы я кого-нибудь прокляла? Я могу даже весь город...

– Э-э... – Герослав заколебался – очень уж заманчивым было предложение. Но потом сказал с сожалением: – Нет, нельзя. Без прямого приказа властителя города я на такое не пойду. А ты уверена, что все твои силы восстановились?

Гальда чинно выпрямилась:

– Раз уж я смогла увидеть в воде тех, кто злоумышлял против меня, милорд... Да, я

снова могу действовать, пока в город не будет принесен еще один амулет Дригар, милорд. Для меня, снова.

– Хорошо...

Герослав откинулся. Что бы такое сделать?

– Будем надеяться, что запас крови иглистых драконов у палагойцев уже на исходе. Или что они не сразу поймут, что у тебя сейчас руки развязаны. Гальда, а что ты можешь?

– Милорд! – Девушка смущенно подалась к нему, пожала плечами. – Я бы не хотела никого убивать, милорд. Но... но вообще-то могу все, что могут ведьмы. Болезни, наговоры на смерть, на любовь, на разлуку, проклятия, заклятия...

Герослав потер руки.

– Это надо хорошенечко обдумать...

Новая мысль его захватила. Герослав одним движением взмыл с кровати. Повернулся к Гальде, испуганно сжавшейся от его резкого движения:

– Прошу прощения, миледи.

– Я... я не миледи, милорд! – почти в ужасе пискнула Гальда.

Он порывисто наклонился, чмокнул ее в зардевшуюся под синяками щеку.

– Да и я не милорд, красавица! Я пока ухожу... но вернусь!

Единственная на всю Нибелунгию действующая ведьма здесь, в замке! И готова делать все, что он захочет! – до следующего дня. Он думал об этом... Но так ничего и не надумал, кроме нескольких уж-жасно фривольных моментов...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращение без строптивного

В окошко барабанил вялый дождик, подсвеченный сверху, с полузабранного тучами неба, довольно-таки ярким полуденным солнышком. Герослав валялся на постели. Замок держал молчаливую оборону против бурлящего под крепостными стенами города, но пока что никто не лез на него со штурмовыми лестницами и не требовал открыть ворота. Оборона (и вместе с ней все обитатели замка) находилась в состоянии пассивной готовности. И посему оборотень впал в состояние прострации.

Гальда теперь почти все время проводила с прочими ведьмами, и ему никак не удавалось застать ее в одиночестве. Когда бы он ни зашел в комнату, где жила сейчас юная ведьма, там всегда находились как минимум две особы со стальными взорами и крючковатыми носами. Герослав попробовал представить, о чем те гарпии могли толковать с робкой и хрупкой Гальдой, – и содрогнулся. Не спал ли он с матушкой самой старшей из ведьм в прежние времена? И не обсуждают ли ведьмы... гм... кое-какие подробности, дошедшие от ведьм, давно уже покоящихся на кладбище?

Герослав вздохнул и встал с постели. В качестве разминки попрыгал вверх, каждый раз задевая кончиками длинных пальцев высокий потолок комнаты. Что для человека невозможно, то для оборотня – легкая забава...

Он какое-то время метался от пола к потолку длинной коричневой тенью – сегодня на нем был дублет цвета дубовой коры и такого же оттенка штаны, потом слышал чьи-то шаги, торопливо приближающиеся по коридору к его комнате, и тут же предусмотрительно прекратил свои забавы с прыжками. Не след травмировать обитателей замка зрелищем собственной персоны, легко взмывающей практически без приседа аж до самого потолка.

– Милорд!! – В комнату влетел сухонький мажордом, блеснул глазами и затряс в воздухе кистями подагрически распухших рук – в приступе радости, несомненно. – Там... там леди Клотильда! Вернулась, искательница наша!!

Герослав вылетел в дверь. Сухонький мажордом закричал ему в спину:

– Она на конном дворе, милорд! Прямо там и появилась – как из-под земли!!

Во двор, расположенный позади главного здания, выходили ворота всех конюшен замка. Время от времени рыцари поочередно прогуливали там своих застоявшихся жеребцов. В углу располагалась небольшая кузница, в которой подковывали лошадей. Сейчас на конном дворе творилось что-то странное. Пока Герослав пробивался через толпу челяди, ему казалось, что толпа молчит в приступе восторга. Как-никак леди Клотильда отправилась в квест не за кем-нибудь, а за «предобрым сэром» Сериогой. Любимцем местной публики...

Но, добравшись до центра людского скопища, Герослав понял, что восторгом тут и не пахло. Мужчины стояли с насупленными лицами, женщины зло кривили губы.

И самое главное – леди Клотильда стояла на свободном пяточке совершенно одна. Без сэра Сериоги.

– Где он?! – визгливо выкрикнула вдруг толстуха с кухни откуда-то из первых рядов, прервав всеобщее оцепенение. – Где он?! Куда ты дела нашего герцога?!

Толпа угрожающе качнулась в сторону леди, сторбившейся под тяжестью непонятного тюка и бросавшей из-под него взгляды исподлобья.

Но Клотильду было не так просто запугать. Тюк брякнулся оземь, из него мгновенно

появился на свет длинный рыцарский меч.

– Назад, я сказала!! – рыкнула леди.

И тут из задов толпы вылетел комок грязи и ударил в мостовую рядом с леди Клотильдой. Рыцарь-девица, презрительно усмехнувшись, крутанула меч воронкой перед собою.

– Смелые есть? Можете подходить все вместе!

– Она его не вернула! – прокричал кто-то из людской массы обиженным фальцетом. – Она нам его не вернула... специально! Она же опекун наследника вместе с этим оборотнем! Вот и хочет герцогинею стать!

И тут комки полетели часто.

Герослав метнулся вперед, ухватил леди за руку и потащил через толпу. Клотильда награждала всех, кто не успевал разбежаться перед ними, тычками и ударами эфеса. Слава богу, до нее дошло, что пока не следует калечить людей в замке, – и особых повреждений леди не наносила.

Комки грязи основательно заляпали темно-серую рубаху Герослава, пока они добежали до старого крыла и скрылись за массивной деревянной с железными пластинами дверью, сработанной на совесть еще лет двести назад. Дверь была серьезной преградой – такую толпа не сразу преодолеет, а потом вмешаются стражники и рыцари. Надо думать, капитан стражи – уже бежит со всех ног, пыхтя и переваливаясь в своем панцире, со стен прямехонько на конный двор...

Герослав протолкнул засов в скобы, привалился к стене. Но отнюдь не от усталости (такого слова оборотень не знал). Просто ему стало страшно – от дурных предчувствий.

В дверь бухнули кулаки, потом где-то вдалеке проорал бас капитана стражи, ему ответило сдвоенное бряцание стали – стражники выхватили клинки и ударили ими по панцирям для запугивания челяди, догадался Герослав.

– Ну вот и все, – быстро сказал оборотень. – Мятеж подавлен в самом зародыше, как и должно быть при хорошем гарнизоне.

Снаружи слышался тоненький вой разбегающихся людей.

– Это не мятеж! – Клотильда с закушенной губой покосилась в сторону двери. – Это... это просто...

Она вдруг хрипло выдохнула, ухватилась обеими руками за ворот собственной рубахи. Сжавшиеся в кулак руки напряглись.

Только бы не начала рвать рубаху у себя на груди! Конечно, зрелище обнаженного женского бюста оборотня не пугало – отнюдь нет. Давно позади была впечатлительная юность, к тому же он и в бытность свою зеленым юнцом таких зрелищ не чурался... Но их могли увидеть выходящими вместе из здания – и тут уж разорванная одежда леди непременно вызвала бы подозрения.

– Я не понимаю, что случилось! – почти провыла Клоти и клацнула зубами.

«Какая из нее получилась бы лисица! – восхитился вдруг оборотень. – Зубастая, молодая, яростная...»

Но эту мысль тут же перебила другая: а все-таки Гальда в рыжей шкуре была бы ему несравненно симпатичнее.

– Я отправилась сюда через какой-то портал, – сбиваясь на шипящие нотки в конце каждого слова, сообщила леди Клотильда, – сэр Сериога должен был ступить в устройство после меня. Сразу же после меня. Но я ждала и ждала, а он все не появлялся! И так и не

появился! А потом стала собираться толпа, меня спрашивали, где герцог, а я и не знала, что сказать...

– Он должен был ступить тотчас же? – уточнил Герослав.

– Да!! Я не должна была оставлять его там, я должна была настоять, чтобы он вперед меня... Никогда себе этого не прощу!" Эх!

И Клотильда вдарила кулаком в дверь. Запор в скобах жалко скрипнул. Герослав поморщился. Для тонкого слуха оборотня даже такой слабенький скрип прозвучал целым хором скрежещущих нот, бьющим по ушам.

– Это ты в мире нашего герцога научилась так по дверям бить, да? Нет, не отвечай. Скажи лучше, герцог Де Лабри, когда ты его оставила, был один или нет?

– Он был с твоим дружкой, королем эльфов!

– Вот видишь, – успокаивающим тоном сказал Герослав, – Эльфедра с ним. Он не допустит, чтобы с сэром Сериогой что-то случилось. Сама знаешь – мандонада, эльфийская клятва, данная сэру Сериоге о защите его имущества и жизни, не позволит ему остаться в стороне, случись что...

– Ну и где же тогда он?! – взорвалась Клотильда.

– Не знаю, но уверен, что в конце концов все будет хорошо...

«Ложь, – мрачно подумал он. – Я вовсе не уверен, что все будет хорошо. Собственно говоря, я не уверен даже в том, что хоть что-то будет хорошо. Без введения в игру сэра Сериоги как любимца смердов – дело подавления бунта можно считать провальным...»

И оборотень, и баронесса застыли, отвернувшись друг от друга..

– Нерадостные события, да? – прозвучал вдруг до обидного беспечный голос.

Клотильда стремительно развернулась и довольно громко ойкнула. Герослав, узнавший голос сразу же, развернулся не спеша.

В стенной панели из полированного зеленого камня как в зеркале отражалось чье-то лицо.

– Он!! – неженственно рыкнула леди и бросилась к стене с поднятыми кулаками. – Ты?! Где он?!

Кулаки ударили по панели. Старинная отделка стен выдержала, но немного перекосилась.

Герослав подошел к панели, в которой парило отражение короля эльфов.

– А в обычный мир не хочешь выйти, Эльфедра? – немного сухо поинтересовался он у лица.

Клоти опять рыкнула и кинулась к панели с кулаками. Герослав перехватил ее по пути, прижал к себе. Леди Клотильда яростно замолотила кулаками в воздухе.

Оборотень вдруг ясно понял, что даже ему, с его недюжинной силой, Клотильду долго не удержать.

– Не хочу, потому что эта дама тут же меня прибьет! – резонно указал Эльфедра.

– И будет права, – бросил ему Герослав. – А я ей помогу... Где сэр Сериога? Ты оставался с ним до момента, когда он зашел в этот твой...

– Портал, – подсказал Эльфедра.

Герослав ловко крутанулся, снова отводя леди Клотильду от панели:

– Я тебя не про портал, а про нашего герцога спрашиваю!

– Успокойтесь, – сказало зеленое отражение в зеленой панели и хитро улыбнулось, – ваш сэр Сериога задержится на денек. А потом я его вам доставлю, целого и невредимого.

– Но как же... люди же!! – опять взвыла Клотильда. – И где он, черт тебя возьми?

Лицо в панели брезгливо скривилось.

– Ладно, объясню. Вы уже в курсе про амулет Дри-гар?

– Что... – заикнулась было Клотильда. Герослав ее оборвал:

– Ты сам услышал об этом от меня, Эльфедра!

– Но я знаю еще кое-что. Для них нужна кровь иглистых драконов. – горделиво сообщил им Эльфедра.

Герослав просто сказал:

– И об этом я уже знаю, Эльфедра.

У лица в панели было такое выражение, как будто ему только что публично дали пощечину.

– Откуда?!

Герослав подмигнул и потуже прижал к себе брыкающуюся леди Клотильду.

– Ты пользуешься успехом у трактирных служанок, а я, представь себе, у ведьм.

– Ах да, – проворчало лицо в камне, – эти деревенские нахалки – самый непредсказуемый народ, никогда не знаешь, что у них в записке...

– Сэр Сериога где? Ты, подлая рожа!! – опять взорвалась леди Клотильда.

– Он передумал насчет Нибелунгии и пока отправился за иглистым драконом. Чтобы заставить действовать амулет Дригар, нужна кровь этих существ, но и бороться с ними можно только этой кровью.

– Сам отправился? – насмешливым тоном поинтересовался оборотень.

Леди возмущенно вмешалась в милую болтовню мужчин:

– И один? А почему же я не знаю об этом?!

– Это мужские дела, – отрезал король эльфов. Затем, не удержавшись, подмигнул оборотню: – Но вообще-то он считает, что это козни палагойцев. Я немного сместил то место, куда наш герцог попадет после портала перехода, – так что он выйдет в другом мире.

А точнее, в том самом, где палагойцы добыли кровь иглистого дракона. Так нужно. Но сам сэр Сериога об этом ничего пока не знает.

– Зачем?! – изумился Герослав.

– Затем, что так лучше, – раздраженно заявил король. – Если парень будет знать всю правду, он может сделать что-то не так. Или даже откажется сделать то, что должен.

– А вслепую, значит, сделает? – Герослав почувствовал возмущение. Бросать ничего не понимающего парня в неизвестный мир – это было жестоко. И главное – зачем скрывать от него правду? Юный герцог Де Лабри, насколько он его знает, никогда не откажется в очередной раз спасти Нибелунгию. Поскольку с судьбой этой империи связана и судьба его возлюбленной леди Клотильды...

– Правда ему может не понравиться. И он по доброте душевной откажется сделать то, что должен, – таинственно изрек король эльфов из глубины каменной панели. И пропал.

Герослав отпустил наконец дергающееся горячее тело Клотильды, потер те места на собственных ребрах, куда доставали ее локти.

– Гад!! – тоном рыночной торговли завопила благородная леди. – Опизимись и трижды пизимись!! Как он смел с сэром Сериогой так поступить!! Хуманизм!!

– Хватит, милая леди, – оборвал ее Герослав, устремляясь к двери и выбивая засов из скоб. – Короли всегда делают то, что считают нужным. А вот мы, простые люди, в такой ситуации должны делать то, что должны... Надо поговорить с сэром Ардульфом, со стражей

и рыцарями, успокоить всех. Наша задача – продержаться всего день, о чем упомянул Эльфедра.

– Но люди из замка не простят мне отсутствия сэра Сериоги, – с мрачной уверенностью заявила леди Клотильда. – А тут еще эти бредни о том, что я мечтаю быть герцогиней... – И с этими словами леди размахисто шагнула в проем двери.

– Они судят обо всех по себе. – Герослав вышел из здания вслед за ней и успокаивающе положил руку на плечо Клотильде. – Любая девушка из простонародья, окажись на твоём месте, мечтала бы стать герцогиней.

Во дворе усилиями капитана стражи уже не осталось следов взбудораженной толпы. Только со стороны конюшни доносилось печальное ржание чьего-то коня, пропустившего очередную прогулку из-за беспорядков.

– Но я не любая! – довольно свирепо бросила в ответ леди и с ненавистью прожгла взглядом пажа, мелко трусившего по двору недалеко от них.

Паж, поймавший взгляд, пошатнулся и трусливой рысью сорвался с места.

– Вижу, ты все еще производишь впечатление на народ, – проворчал Герослав. – А сейчас мы вместе пойдем на кухню.

– Зачем?

– Покормим тебя. И заодно расскажем первой сплетнице замка – а именно нашей поварихе, о том, что сэр Сериога задерживается по неотложным делам. Ненадолго, на день-два.

– Баронессе Персивальской неуместно есть на кухне, когда существует парадная зала замка, – величаво отказалась Клотильда.

– Говорю тебе как старший по возрасту и по титулу, баронесса, – шутливым голосом сказал Герослав. – Никогда не стоит брезговать кухней. Во-первых, там ведутся самые душевные беседы, а во-вторых, там подается самая вкусная еда.

– Как это? – с подозрением спросила Клотильда. – Хочешь сказать, что холопы объедают господ?

Герослав вздохнул. Леди Клотильда все-таки была прирожденной аристократкой.

– Нет, Клоти. Просто там можно поесть без церемоний и без воплей мажордома над ухом. А спокойная трапеза лично для меня всегда приятней.

– А... Тогда вперед. Кстати, как ты думаешь, где мое оружие?

– Меч вроде бы у тебя за спиной...

– Нет, я про тук, что оставила здесь. Запасной меч, арбалет, арбалетные болты, дротики, кинжалы.

Оборотень вздохнул и поволок слегка упирающуюся Клоти за руку по направлению к кухне. Из боковых дверей парадной залы, выходящих на конный двор, высунулись две служанки. И захихикали, отпуская довольно громкими голосами совершенно восхитительные предположения на их счет.

Клоти огрела девиц яростным взглядом – и те мгновенно убрались.

– Капитан стражи обо всем наверняка позаботился, Клоти. Он не из тех мужланов, что позволяют валяться у себя под ногами бесхозному железу. Поешь, потом сходишь в арсенал и получишь там все до последней железяки.

Клоти просветлела лицом:

– Ну, тогда вперед, на кухню!

Она вырвала у него руку я понеслась впереди. Вот и хорошо, усмехнулся Герослав,

ступая неслышной лисьей походкой вслед за леди. Поварихе польстит приход самой благородной баронессы в ее святилище. Через полчаса весь замок будет оповещен о том, что «предобрый» сэр Сериога просто немного задерживается – разумеется, все только для того, чтобы добыть в каких-то далях средство от последних напастей.

Слушок да сплетня – вот и продержимся еще один денек...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Золушка в тылу врага

Пол под ногами сказал «упс!» и радостно засосал его в себя. Сергей словно провалился в стакан, стенки которого скручивались и неслись вокруг него, как струи воды в водовороте. Струи были темные на темном. И – но это, конечно, было слуховой галлюцинацией – струи чуть слышно хихикали. И похоже, что над ним. А потом все стало черным. И хихиканье растворилось в беспомощности.

Очнулся он резко, словно от толчка. Сел, морщась и нерешительно ощупывая сам себе руки-ноги. Привычка, приобретенная в результате всех последних перипетий: где бы ты ни очнулся, в первую очередь проверяй, целы ли еще кости... И нет ли на них случайно наручников. И еще нет ли вокруг каких-нибудь очередных врагов. События последних минут, проведенных в своем мире, моментально всплыли в памяти. И всплыли в полном объеме – как будто крутанули перед глазами кино в убыстренном темпе.

Они с Клотильдой наконец-то отправились в Нибелунгию! Хорошо.

А вот то, что видели его глаза сейчас, – вот это уже было плохо.

– И что-то мне подсказывает, что это не Нибелунгия... – проворчал Серега и быстро встал.

Вокруг простирались невысокие – ему по пояс – веера и округло-пышных форм букеты из багрово-красных метелок, торчащих из сухой земли. И небо простиралось сверху желтое, как свежеразлитый яичный желток.

В общем, не было вокруг ничего похожего на Нибелунгию, и тем более на покинутую только что родную Землю.

– И что же будем теперь делать? – спросил он у окружающего пространства. – Куда идти-то, собственно?

Помнится, король эльфов как раз и не советовал уходить далеко. Зато он очень советовал найти тут что-нибудь живое – в целях борьбы с палагойским заклятием.

Пространство молчало, лыбясь на него ярко-желтым оскалом неба, перечеркнутым понизу багровыми сгустками неизвестной растительности. По правую руку от него висел на небе крупный оранжевый диск, тускло отсвечивая не слишком ярким светом. Ни дать ни взять – апельсин с подсветкой. И где тут запад, где восток? Так. Угол падения лучей небольшой. Предположим, что местный день уже клонится к концу. Не важно, сколько времени проходит тут от рассвета до заката. Главное, что теоретически запад (то есть закат) должен располагаться примерно вон в том секторе. И если мы опять-таки теоретически подойдем к вопросу...

То опять уткнемся в то же самое: куда идти, чтобы найти в этом пекле хотя бы одну живую душу? Определение стороны заката или рассвета в этом деле нам абсолютно бесполезно.

Он с отвращением передернул плечами под кожаной курткой, ставшей вдруг и тесной и потной, сдернул ее с себя. Затем стащил и свитер, закатал рукава рубашки. Как это он сразу не почувствовал, насколько здесь жарко?

А вот кроссовки снимать не следует, как бы жарко здесь ни было, решил про себя Сергей, поскольку в песчаных прериях и пустынях обычно в больших количествах водятся змеи. И хотя змея тоже живое существо, но держаться поблизости от нее Сергей отказывался

категорически. Лучше уж он поищет для себя что-нибудь менее экзотичное...

Тут ему в голову пришла мысль о том, что в здешних песках могут быть и совсем другие обитатели – вместо змей или, скажем, в добавку к ним. Кто его знает, какие твари пасутся по барханам в чужом мире? И как они добывают себе пропитание...

Он содрогнулся и решил вернуться к выбору направления движения. Лучше ходить, чем думать о вероятных опасностях. Так. Если Петр Первый рубил свое окно в Европу в направлении на запад, то почему бы и нам не последовать этим путем?

Сергей вытащил из свертка, который взял с собой из дома, палагойский меч. Понести его на перевязи на случай опасности? Или лучше не надо? Потом он передумал и сунул клинок обратно, к оставшемуся в тканевой скатке эльфийскому мечу. Проще тащить всю эту кучу металла на плече, как оглоблю. В любом случае при надобности вытаскивается меч легко.

Он увернул куртку и свитер в комок, высвободил оттуда рукава свитера, чтобы с их помощью подвесить узел к мечам. Закинул мечи вместе с узлом из одежды себе на плечо и неторопливо зашагал по песку в сторону предполагаемого заката.

Песок слабо шуршал под подошвами, но никаких змей на его пути не попадалось. Местность с багровой растительностью вокруг шагающего Сереги была тиха и пустынна, желтое небо над головой потихоньку темнело. Он отшагал уже немало, когда заметил какую-то грудку – по левую руку от себя и чуточку впереди. Выглядела куча странно – черный конус, абсолютно неподвижный и полузакрытый снизу метелками. Размером – Серега присмотрелся, ввел поправку на расстояние – примерно с отцовский «москвич».

Что ж, если даже это не животное, то вполне может быть следом его жизнедеятельности. Скажем... гм... навозной кучей. Коров и баранов в степи тоже ищут по их лепешкам, насколько он знал. И хотя для теории о навозном происхождении куча была уж чересчур огромна, но кто его знает, какие здесь динозавры пасутся?

Среди кустиков на утрамбованной темной почве, покрытой пересекающимися трещинами, лежало что-то темное. Грудка была высотой в его рост. И вытянута с предполагаемого запада (то есть заката) на восток. По черной поверхности с наростами в виде твердой бахромы тянулись разрывы и разломы странной формы. Серега осторожно обошел непонятную кучу по кругу.

На восточной стороне грудка истончалась, уменьшалась и заканчивалась тем, что можно было назвать только головой. Серега сгрузил с плеча мечи и присел на корточки.

Судя по расположению прорези, больше всего похожей на рот, неизвестное животное лежало сейчас на спине. Или у него верхняя челюсть была гораздо меньше нижней?

Так-так, заключил Серега, озирая тушу неведомого существа с головой, напоминающей голову гаргульи с крыши известного собора. Перед ним несомненно лежит животное с головой и пастью. Но при этом оно не двигается и никак не реагирует на его появление. И признаков дыхания у него тоже не заметно... если только это животное дышало при своей жизни. С определенной долей достоверности можно было заключить, что загадочное существо сейчас было мертво.

Подойдет ли мертвое животное для того, чтобы с помощью его туши разрушить магию палагойского заклятия? Вопрос интересный. Кроме того, напомнил себе Серега, он пропустил еще одну деталь. Герцог Де Лабри торопливо поднялся, размашисто прошагал на длинных ногах к объемистому брюху. Разрывы и разломы на брюхе он заметил еще с первого взгляда. Но, приглядевшись повнимательнее, понял, что ошибся, называя их разрывами или

разломами. Больше всего это походило на раны от холодного оружия. Или на раны от огромных и очень острых клыков.

И это означало, что смерть существа навряд ли была естественной. Вернется ли обратно то, что убило это животное? Может, для Сергея разумнее убежать отсюда без оглядки?

«Без паники», – сердито сказал себе сэр Сериога. Если существо было убито другим животным, то оно навряд ли вернется. Туша – он пощупал – уже холодная. И следов трапезы на ней нет. А если убийцей были разумные существа с холодным оружием, то...

Он попытался мыслить логически. Раз разумные существа уже ушли, то зачем им приходиться вновь? Нанесенные раны ничем не напоминали забой туши ради мяса или шкуры. Так скорее поступают с угрожающим тебе животным – удары нанесены вкривь и вкось, как бывает при спешке боя. При такой расправе нет смысла возвращаться за охотничьим трофеем.

Может, это было глупо, но Сергею не хотелось уходить с этого места. Ему нужно было живое существо. Возможно, мертвое и не подойдет, но обычно к падали всегда приходят падальщики. Поэтому, решил он, останемся и посмотрим.

Он перевел взгляд с пустынных окрестностей на громоздящуюся перед ним тушу. Внимательно пригляделся. В теле убитого животного была какая-то неправильность. И лап у него что-то незаметно, вздохнул про себя Серега. Может, так и положено выглядеть местным пресмыкающимся?

Герцог Де Лабри уже собрался приступить к поиску отсутствующих конечностей, когда до слуха его донеслось слабое хныканье. От неожиданности Сергей подскочил на месте и опрометью бросился к мечам, оставленным возле головы. Будь здесь леди Клотильда, с каким презрением посмотрела бы она на него за такую оплошность...

Он мучительно покраснел, подумав о леди Клотильде. И уже с мечом в руке пошел на звук.

Со стороны хвоста под кустиком копошилась какая-то мелкая козявка. Тоже черного цвета. Сергей подходил к ней с опаской, выставив перед собой острие меча.

Но козявка агрессивности не проявляла и продолжала корчиться под кустиком, тихо, но визгливо хныкая. Сергей мучительно обдумывал, опасна эта тварюшка или нет?

Существо напоминало раздутую посередке змею с округлой мордой. Но серо-розовая пасть, которую разевала на него неизвестная тварь, на змеиную не походила. Скорее она напоминала детский рот – округлые очертания маленьких губ были почти человеческими. Стоя на своем месте, Серега ясно видел крохотное небо в просвете разинутой пасти.

Не было ни змеиного языка, ни острых зубов, и вообще никаких зубов не было видно – значит, можно сделать вывод, что тварюшка безобидна. Он наклонился, погладил тварюшку по изогнутому брюху.

Кожица была шелковистой и теплой на ощупь. Змейка примолкла на мгновение, а потом зашлась в визге.

Серега испуганно отодвинулся – не повредило ли его прикосновение странному существу, мелькнула у него мысль. Однако тварюшка тут же рьяно перекувыркнулась и поползла по направлению к его ногам. Он сделал еще один шаг назад. Тварь доползла до отпечатка его кроссовки, наклонила круглую черную голову к земле. Сергей глядел с изумлением. Загадочное существо понюхало след и поползло дальше к нему.

Он вынужден был снова отступить. Странная змейка не отставала. Сергей пятился назад, обходя тушу убитого животного по широкой дуге, которая уже почти замкнулась в

кольцо. Но, к Серегиному ужасу, змейка продолжала свое настойчивое преследование, упорно перетаскивая мягкое, переваливающееся с боку на бок тельце по цепочке его следов.

Может, попробовать поугатать ее оружием?

Он нацелил на круглую голову острие меча. Змейка подняла голову и с любопытством понюхала металл. А затем поползла дальше как ни в чем не бывало.

Оставался вариант отступления в сторону пустыни. Он почему-то был уверен, что в этом случае тварюшка рано или поздно отстанет – маленькое веретенообразное тельце не подходило для ползанья на длинные дистанции. Змейка уже сейчас трепыхалась в замедленном режиме, начиная отставать. А в пустыне он мог запутать следы наподобие зайца, затем вернуться к туше...

Но пойти на это он не мог. Теперь Серега уже не сомневался, что змейка была потомством убитого существа – форма тела и окраска были сходными. Единственная разница в форме головы. Детеныш, который тянется к другому живому существу. Гм... возможно, она даже принимает его за свою покойную мамашу. Если тварюшка останется в пустыне, то обязательно замерзнет ночью – в пустынях ночи холодные. Уже сейчас воздух стал заметно прохладнее. Серега плюнул на все и остановился. Тварюшка подползла к его ногам и свернулась там. А потом снова захныкала.

Что делают с маленькими детьми, котятками и прочими зверюшками? Гладят, прижимают к себе, согревают... Раз мамаша мертва, то, похоже, ему придется заменить покойную. Хотя бы на время.

Или не надо? «Мы в ответе за тех, кого приручили»... А что, если Эльфедра сочтет тварюшку подходящим для его целей животным? И что, кстати, предстоит тому животному, которое нужно Эльфедре? Скорее всего смерть.

Он содрогнулся и попытался отвлечься от этих мыслей.

Словно почуяв его колебания, змейка конвульсивно содрогнулась и захныкала еще жалобнее. И Серега взял ее на руки.

Примерно через три часа (если только он мог доверять своему достаточно субъективному чувству времени) он сидел в импровизированном кресле, которое соорудил из порубленных пушистых метелок. И горько сожалел о том, что не курит, а потому не носит при себе спичек. Вокруг простиралось целое поле топлива, но зажечь костерок было нечем! Солнце висело над самым горизонтом, по пустыне от кроваво-пушистых метелок протянулись длинные тени. Тварюшка, уютно свернувшись на коленях в устроенном им гнезде из собственного свитера, почти успокоилась. Только время от времени она поднимала голову и начинала сонно хныкать. Очевидно, была голодна.

Но тут уж он ничем не мог ей помочь. Он и сам бы сейчас не отказался от еды. Даже папины овсяные котлеты вспоминались с тоской и сожалением...

Ночью стало совсем холодно. Сергей соорудил из метелок ложе, зарылся в них с головой. Затем с трудом провалился в зябкую дрему. Снились ему какие-то дохлые тараканы, валяющиеся по полу в родной квартире, которых он деятельно собирал. И при этом размышлял во сне: сойдут или нет дохлые тараканы для Эльфедры в качестве животных?..

Проснулся Сергей незадолго перед рассветом. Руки и ноги замерзли и затекли, шею сводило болью. Он подвигал плечами и головой, пытаясь размять мышцы. После нескольких минут энергичных телодвижений он вспомнил о тварюшке. Змейка, лежащая возле него в свертке из связанного мамой свитера, не двигалась. И не хныкала.

Герцог ДеЛабри несколькими лихорадочными движениями разгреб кучу слежавшихся

за ночь багрово-пушистых метелок. Перед ним предстало заостреннее тело зверюшки с жалобно приоткрытым ртом.

Что делать? Сергей потряс тельце, потер вздутый животик. Тварюшка не отозвалась, но на круглой мордочке мигнули крохотные черные глаза. Итак, если тварюшка – пресмыкающееся, то... то она могла просто замерзнуть. Пресмыкающиеся не относятся к теплокровным, у них нет системы отопления собственного тела.

Он засунул змейку себе за пазуху. Это было самое простое решение проблемы недостатка тепла, которое пришло ему в голову... Тварь шевельнулась и едва слышно пискнула.

Однако следовало учесть и тот факт, что с этой формой жизни он не был знаком. На ощупь змейка не показалась ему замерзшей. За пазухой тварюшка ощущалась как теплый ком... Попробуем зайти с другой стороны, решил Сергей. Создание еще явно не достигло зрелости, а маленькие дети обычно плохо переносят голод. Могла ли она впасть в оцепенение по причине отсутствия питания?

Впрочем, у него самого не было ни еды, ни воды.

Время шло, но животное больше не подавало признаков жизни. Со стороны туши, лежащей в отдалении, начал доноситься довольно-таки тошнотворный запах, поднималось местное солнце. Что, если и крохотная тварюшка, что спрятана у него за пазухой, тоже ненароком помрет?

«Думай, что делать, Сергей, – приказал он себе. – И думай побыстрее, пока из-за пазухи не потянуло тем же душком, что и от мертвой особи».

Скорее всего тело принадлежало самке, матери детеныша... Хотя неизвестно, какая у них тут система размножения – возможно, однополая. Тем не менее, решил Сергей, проще будет называть умершее животное самкой. Похоже, смерть ее наступила довольно давно, и детеныш ничего не ел с момента смерти своей матери. Багрово-пухлые метелки, из которых он сложил стог и которые являлись единственной растительностью в этой пустыне, находились в непосредственной близости от детеныша всю ночь. Но не заметно, чтобы она... оно ими питалось, так что, по всей видимости, метелки в качестве пищи тварюшке не подходили. К тому же даже на ощупь они были суховаты и крайне неаппетитны.

Вероятно, умершая особь имела что-то вроде сосцов или кормила свое потомство отрыжкой из пережеванной пищи.

Сергея обдумывал понемногу все «за» и «против» – причем последних было гораздо больше, чем первых. Несходство химического состава, вероятность того, что существо уже нельзя спасти...

Наконец он отбросил последние сомнения, облизнул пересохшие губы и решился. Нащупав в груди срубленных стеблей один из своих мечей, Серега подтащил его к себе и потянул из ножен. Затем осторожно потер о кромку обнажившегося клинка запястье. Боль оказалась неожиданно резкой.

Кровь пошла не сразу – только после нескольких судорожных движений. Он, морщась от болезненно-неприятных ощущений в руке, с некоторым сомнением поглядел на тощий ручеек темно-красного цвета, ветвящийся по коже. Встряхнул змейку – та еще раз моргнула, но теперь уже совершенно беззвучно. Приложил приоткрытую беззубую пасть к ручейку на запястье.

Тварюшка, к его великому облегчению, вяло лизнула языком. Потом еще и еще, затем судорожно зачмокала. Через некоторое время Серега отнял дитенка неизвестной породы от

руки – вена, которую он перерезал, уже спала и перестала кровоточить. Змееныш уснул. Серега оторвал от рубашки рукав, разрезал его на две половины, замотал руку. И зарылся поглубже в нагретый его телом стог из багровых метелок.

Голова немного кружилась, но он знал, что потеря крови у него небольшая. И головокружение было скорее следствием болезненных ощущений в руке, чем следствием потери крови.

Почему он так поступил – он и сам толком не знал. Впрочем, одна из причин плавала на поверхности – Сергей не хотел оказаться в полном одиночестве в чужом мире. Он от всей души надеялся, что его кровь не станет ядом для неизвестного зверька. Где там Эльфедра, обещавший вытащить его отсюда? До ужаса кстати было бы появление эльфа прямо сейчас...

Детеныш зачмокал, и он прижал его к себе. Мелькнула неприятная мысль о том, что он так и не поинтересовался у Эльфедры, как именно использует король эльфов живую плоть из другого мира для разрушения заклęcia палагойцев. Но Серега ее отогнал. Будем надеяться на лучшее – и не только для него, но и для этого существа...

Потому что если на одной чаше весов будет лежать его возвращение в Нибелунгию, а на другой – жизнь этого звереныша, то ему придется поступить так, как поступил бы на его месте любой другой человек.

Он не знал, сколько проспал. Разбудила его струйка пота, потекшая по лицу. Разгорающийся день все сильнее и сильнее прогревал воздух. Ветерок, вяло шевелившийся среди местных метелок, нес уже не свежесть, а одну духоту. Серега приподнял голову, смахнув с глаз приувядшую метелку, начавшую облетать серо-багровым подсохшим пухом. Попытался было представить себе, как выглядит сейчас его герцогская персона – голова, присыпанная серо-багровым увядшим пухом, тянется с высоты неряшливо сложенного стожка из местной растительности, – и ухмыльнулся. Хорошо хоть леди Клотильда его не видит...

Утерев следующую струйку пота, он скинул надетую на ночь куртку, уложил спящую зверюшку в стожок и повертел головой, обозревая окрестности.

И вдруг застыл.

Укладываясь вчера спать, Серега соорудил свое импровизированное ложе метрах в тридцати от умершей самки (если только это была самка). Холмик брюха по-прежнему располагался справа от него. Вот только сейчас он был двойным.

Ужом соскользнув с кучи веток на потрескавшуюся землю, Серега с мечом в руке двинулся в сторону двойного бугра. Змееныша он оставил в стожке. По мере приближения сдвоенный холм распался. Серега старался идти тихо, незаметно, но под ноги то и дело попадались багровые кустики, они оглушительно, как казалось ему, хрустели. Меч он пока не обнажал.

Ему оставалось до парочки бугров шагов десять, когда над одним из них взмыла голова гаргульи. В точности такая же, какая была у умершей самки. Стало быть, к почившей соплеменнице притащился кто-то из своих. Живая тварь уставилась на него выпуклыми алыми глазами. Сергей застыл на месте.

«Нет, ну где Эльфедра?» – тоскливо взвыл он про себя. Эльфедра, как всегда, отсутствовал в самый нужный момент.

Неизвестно, сколько бы еще он простоял на одном месте, но гаргулья вдруг разинула свою немаленькую пасть и зарычала. Сергей торопливо рванул из ножен меч. Но, к его

стыду и ужасу, сразу высвободить клинок не удалось, потому что ушко, приделанное к ножнам для подвешивания на перевязь, умудрилось зацепиться за одну из литых загогулин на рукояти.

– Ты убил Эрнестину?

Сергея дернулся и посмотрел по сторонам дикими глазами.

Гаргулья, расположившись рядом с порубленным телом своей соплеменницы, продолжала между тем реветь на заунывной низкой ноте.

Сергей покрутил головой по сторонам, но больше никого не обнаружил. Из чего вытекало Чювершено сумасшедшее предположение – автором странного вопроса, прозвучавшего только что, была вопящая гаргулья.

За время своих странствий по Нибелунгии Сергей успел насмотреться всякого, в том числе и самых разных магических чудес. Поэтому герцог Де Лабри опомнился сейчас достаточно быстро. Ему был задан вопрос. Он развернулся к гаргулье и с максимальным достоинством возразил странному обвинителю:

– Я никого не убивал! А скажите, где я... Раздалось издевательское хихиканье, и он прервался от неожиданности. Хохот звучал сзади и немного сверху. Он снова ухватился за рукоять меча, повернулся на месте.

За правым плечом в воздухе висел прозрачный силуэт, помахивая сразу шестью конечностями. Серега от неожиданности отступил назад.

– Иглистые драконы говорить не умеют, – заявила призрачная фигура. – Но забавно было видеть, как ты пытался с ним объясниться...

Фигура говорила неземным голосом, в котором было все – и звон колокольчиков, и рев взрывающихся вулканов.

Если фигура призрачная, то меч навряд ли поможет. К тому же ушко заклинило намертво. Серега оставил в покое свое непокорное оружие и попытался собраться с мыслями.

– Э-э... вы кто?

И кстати, можно ли считать призрачную фигуру живым существом? Может, он согдится вместо тварюшки?

И тут же подумал, что полупрозрачная фигура была, по всей видимости, разумной – раз уж умела говорить. И даже на нибелунгском наречии. Разумное существо, разумеется, не подходит на роль жертвенного животного.

Впрочем, оставалась еще вторая гаргулья. Тоже вполне подходящий вариант. Сереге чисто по-человечески было жаль несмышленного детеныша, и он предпочел бы принести в жертву взрослую тварь, а не крохотную тварюшку, с которой, как ни крути, кровно породнился. Детей он еще мог жалеть, а вот взрослых существ в последнее время жалеть отучился.

Просвечивающая насквозь голова уши имела настолько вытянутые и удлиненные, что они больше походили на голубиные крылья, по недосмотру загадочного творца прилепленные к голове. Шесть конечностей имели очертания вытянутых трапеций, словно на каждую из них надели расширяющийся к концу призрачный рукав.

– Я мятежный дух пустынь, – провозгласило шестиногое существо (или шестирукое?) довольным басом с серебряными нотками. – Иногда меня называют бесом пустынь. А ты кто?

– А я потерявшийся герцог, – с неожиданной веселостью представился Серега. Наконец-

то можно будет хоть что-то разузнать о том месте, куда он попал. – А Эрнестина – это, надо полагать...

Он кивком показал на мертвую тушу, рядом с которой по-прежнему вопила гаргуля.

– Угадал. – Бес пустынь помахал крыльшками-ушами. – На вторую не обращай внимания, она опечалена.

Со стороны оставленного им спального стога, словно в ответ на вопли гаргульи, вдруг донеслось едва слышное хныканье.

– Детеньш?! – изумился дух. – Он же не мог пережить ночь без матери!

– Да нет, пережил, – неопределенно сказал Серега.

При первых же звуках хныканья гаргуля заткнулась и теперь напряженно поводила из стороны в сторону зубастой головой. Потом, определив направление, рванулась к стогу. Движения животного были такими же, что и у найденного вчера детеныша, – те же трепыхания и переваливания с боку на бок.

– Э-э... – перешел на междометия Серега, заступая дорогу вяло несущемуся монстру. Затем по некоему наитию герцог Де Лабри оглянулся на призрачного беса. – Он... она опасна для детеныша?

– Я могу и не отвечать.

– А я могу и не разговаривать. Или схожу к стожку – там у меня припасен эльфийский меч из заговоренного серебра.

– Ты знаешь, чем пугать, потерянный герцог! – возликовал мятежный дух пустынь. – Пропусти ее, она неопасна. Наоборот, теперь эта Эрнестина будет заботиться о детеныше.

Сергей отодвинулся с пути монстра и проводил глазами трепыхающуюся гору черного цвета – драконшу, по шкуре которой там и сям торчала бахрома из твердых иголок.

– Теперь поговорим о деле, – предложил мятежный дух, взмывая в небеса и застывая посреди желтого небосвода над его головой. – Все в жизни predetermined и имеет свой смысл. Наш Господин не любит беспорядка во вверенных мне пустынях.

– А кто он, ваш господин? – спросил Сергей и задрал голову, чтобы посмотреть на беса.

– Ш-ш! – Бес взмахнул крыльшками на голове. – Лучше не говорить о нем. И не тревожить, произнося его имя всуе. Это отвратительный мир, правда? Хотя и принадлежит Господину, которого я искренне... ну да ладно. Человеку незачем находиться в таком отвратительном мире.

– Не могу с вами не согласиться. – Сергей вежливо кивнул.

– Тогда я вас спрошу – зачем вы здесь?

– Мне было сказано, что некое заклятие... – заторопился с объяснениями герцог Де Лабри.

– Я спросил, не как ты тут появился, потерянный герцог, – уточнил бес, – а зачем. Если это не ты убил Эрнестину...

Кто его знает, чем грозит подобное обвинение? Надо срочно обелять собственную репутацию.

– Я попал в ваш мир случайно, – признался Сергей. – Но хочу отметить, что Эрнестину убил не я.

– Это зачтется. – Бес кивнул. – Тебе что-то нужно в нашем мире? Но учти, что Господин и так будет очень расстроен, узнав, что кто-то убил его любимую Эрнестину.

– Меня просили добыть живую плоть из вашего мира. – Сергей почувствовал некоторое смущение.

«Когда-нибудь должен был настать момент, – подумал он, – когда мне будет стыдно делать то, о чем меня попросили. Конечно, цель благая – живая плоть нужна, чтобы разорвать связь с этим миром, куда меня зашвырнули палагойцы. Но если путь к этой цели будет лежать через очередную мертвую тушу...»

Тело мертвого иглистого дракона наполняло воздух все усиливающимся зловонием.

Мятежный дух пустынь скорбно склонился и поджал верхнюю пару конечностей к груди.

– Как я уже говорил, все предопределено и взаимосвязано. Кто-то пришел сюда и убил любимую Эрнестину Господина. Теперь появляешься ты, потерянный герцог, которого послали за живой плотью.

– Мне это нужно, чтобы покинуть ваш мир! – вскинулся Сергей. – Навсегда...

Бес остановил его призрачной вытянутой лапой:

– У нас у всех цели благородные. Вот только пути – какие попало.

Солнышко набирало силу, багровые метелки вокруг трепетали под душным ветерком.

– И что теперь? – после паузы спросил Сергей и оперся об эфес своего меча.

– Я вижу, – трагическим голосом сказал бес и простер одну из прижатых к груди конечностей над головой герцога, – определенную взаимосвязь. Тебя не просто так послали сюда за иглистым драконом... Это связывает тебя с теми, кто уже убил одну из Эрнестин Господина.

– Я готов согласиться на любую другую живую плоть, – поспешно заявил Сергей, – но без нее вернуться не могу, потому что тогда меня снова утянет в ваш мир...

– Это ложь! – Бес подчеркнул свои слова кивком головы. – И к тому же в этом мире живут только иглистые драконы. И еще тут бываю я, ваш покорный слуга.

Сергей опешил:

– Не может быть...

– Мятежные бесы не врут. Если ты говоришь о нужде в живой плоти – значит, тебе в любом случае нужен иглистый дракон, которого я тебе отдать не могу, ибо Господин любит своих Эрнестин.

Интересно, каким именно образом он их любит. И кстати, что этот призрак назвал ложью? Возможно, он все-таки может вернуться, не принеся с собой живую плоть из этого мира – сиречь иглистого дракона?

Врал ли Эльфедра? Или врет вот это, парящее...

– Кстати, мятежный не означает, что я люблю мятежи и прочие бунты. Это от слова мятущийся, не находящий себе места. – Бес плавно приспустился вниз. – Я вижу, что и ты мятущаяся душа, потерянный герцог. Тебя обманули. Не печалься, это удел всех людей...

– Зачем? – встревожился Сергей. – Впрочем... в любом случае мне нужно вернуться.

– Это предопределено, – печально согласился бес, – но мы переиграем планы всех, кто в этом деле замешан. И тех, кто убил Эрнестину, и тех, кто послал тебя за следующей Эрнестиной. Я сделаю это в благодарность за то, что ты спас дитя любимой Эрнестины Господина. Только мне нужно кое-что проверить.

И бес пустынь исчез под свист ветра. Сергей остался стоять, опираясь на длинный меч. Через минуту мятежный дух возник на прежнем месте.

– Я все знаю, – с плохо скрываемым хвастовством сказал он. – Ты пожертвовал своей кровью ради чужого существа!

«У меня еще много осталось, – подумал Сергей, – так что жертва была не так уж и

велика. К тому же она была принесена во имя определенной цели – чтобы не очутиться в полном одиночестве в вашем мире».

– Понятно, что тебе нужен иглистый дракон, но я его тебе не дам. Я пастырь драконов Господина, которые в безопасности должны пастись в этом мире. Ты получишь другое, чего никто не ждет. И вернешься в тот мир с моей помощью, и принесешь туда это другое...

– Это угрожающие слова... – пробормотал Сергей.

– Наоборот. – Бес опять смиренно поджал пару верхних конечностей. – Неожиданности разрушают угрозы, но не могут разрушить счастья, если оно имеется. Ты понял, что я имею в виду?

Сергей согласно помотал головой. Он мало что понял, но главное – его вернут.

– Вот, – велел бес, – посмотри.

В воздухе прямо перед ним повисла перчатка. Кожаная, светло-коричневая и сшитая на человеческую руку – пять пальцев, нормальная длина и ширина.

Сергей протянул руку и взял перчатку, висевшую в воздухе.

– Наденешь, когда вернешься в тот мир. – В голосе беса нарастали колокольчики. – Она тебе поможет выполнить все то, что ты должен. А может, останешься с нами, потерянный герцог? Будем вместе мятущимися душами бродить по спокойным равнинам, где пасутся безмолвные Эрнестины...

– Меня ждут, – вежливо отказался Сергей.

– Тогда собирай свои вещи, – с обидой в голосе сказал мятежный дух пустынь, – и вот тебе дверь!

Призрак вскинул верхние конечности и очертил ими что-то вроде прямоугольника в желтом воздухе.

Воздух загустел, и перед потрясенным Сергеем появилась дверь, висящая прямо в воздухе. Дверь была вполне обыденной – коричневые доски и золотая дверная ручка с краю. Лучи оранжевого солнца просвечивали в щелях между досками. Косяк отсутствовал.

Сергей сходил к стогу за свитером и вторым мечом. Гаргулья ласково облизывала пузатую змейку. Он улыбнулся им обоим на прощание, не будучи уверен, что они поняли значение его улыбки.

Возле двери, висящей в воздухе в полуметре от земли, парил мятежный дух.

– Скажу тебе на прощание – перчатка зовется Рукой Воина.

– Хорошее имя. – Герцог Де Лабри вежливо кивнул.

Мятежный дух всплыл над дверью:

– Она имеет великую силу. И будет повиноваться тебе.

– Лишь бы не обманула...

– Ты прав, потерянный герцог, – бес кивнул, – это то, что почти недостижимо. Но мой дар не обманет тебя. Надень его на руку и сможешь многое.

Сергей взялся за ручку:

– Ну, я пошел.

Бес исчез. Сергей открыл дверь и прыгнул в проем, за которым он уже видел густую фиолетово-зеленую зелень нибелунгских лесов.

Он вернулся!!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мир расшалившихся рыцарей и взбунтовавшейся черни

Он снова стоял на опушке леса, а в долине перед ним лежал Дебро. Тянулись к сиреневым небесам белые стены и башни города, в середине вишенкой на торте возвышалась темная громада герцогского замка. Вокруг нее в просвете между башнями теснились красные и синие крыши городских построек. Отсюда было видно, что черно-синие флаги на башнях приспущены. Что, как он помнил, означало, что хозяина нет в городе.

– Однако я вернулся! – громко сказал герцог Де Лабри, обращаясь не столько к городу, сколько к самому себе.

Лес сзади ответил негромким эхом.

Он выглядел не слишком респектабельно в своей рубашке с оторванным рукавом и свертком из кожаной куртки под мышкой. И с мечами на плече. Но в данный момент он беспокоился не о своей внешности. Сергей предполагал и надеялся, что в замке его ждет леди Клотильда – и только это волновало его сейчас. Кроме того, в городе был и Микошка, и прочие, с кем свела его судьба в Нибелунгии. Разве что гнома Слуди он не рассчитывал встретить в городе – местом обитания гнома был лес.

Несмотря на все ужасы, описанные Эльфедрой, он больше думал о предстоящих встречах, чем о проблемах, с которыми ему предстояло столкнуться в Дебро.

Но прежде чем отправиться туда, Сергей решил проверить подарок беса пустынь. Безлюдная лесная местность гораздо больше годилась на роль испытательного полигона, чем густонаселенный город. Сгрузив все свое имущество на малахитово-синюю травку, он зашел в лес. И с некоторой дрожью в душе надел на правую руку кожаную перчатку.

На миг показалось, что лес и долина вокруг него обретают особую ясность – такую, при которой каждая веточка и травинка видны по отдельности. Он различал капельки росы на траве, тень от каждого стебля, вьющуюся мошкарку, странных жуков, ползущих по своим делам с цветка на цветок. Но Сергей моргнул, и все зрительные эффекты исчезли так же неожиданно, как и появились. И больше уже ничего особенного не происходило.

Сергей, устав ждать запаздывающих чудес, с интересом повертел перед носом перчаткой, надетой на руку. Затем пригляделся к каждому пальцу по отдельности.

Рука Воина была прошита аккуратными, почти незаметными стежками. Она выглядела слегка потрепанной, на сгибах пальцев имелись Замятины и складки, кожа на которых лоснилась. Перчатка была великовата Сергею, но все же не настолько, чтобы спадать. На каждом пальце шла вышивка нитками под цвет кожи. Какие-то буквы. Он всмотрелся и неожиданно понял, что понимает слова, вышитые на пальцах незнакомой вязью. Хотя каждая буква по отдельности была для него китайской грамотой. На большом значилось «сила». На указательном «верность». А дальше шло по порядку – на среднем «вера», затем «надежда». И на мизинце «любовь».

Сколько он ни вертел перчатку и ни делал всяческих жестов, ничего не происходило. Даже когда жесты были откровенно неприличными. Скорее всего, перчатка была чем-то вроде талисмана. Или он не знал какого-то ключа и поэтому «особые силы», о существовании которых заявлял мятежный дух пустынь, не проявлялись. Сергей снял ее и

небрежно засунул за ремень на джинсах.

И начал спускаться в долину.

Громадные ворота, ведущие в город, были открыты настежь. На башнях не было дозорных. И его никто не остановил при входе в город, что немало удивило Сергея. Дальше тоже творилось черт-те что – в сторожке возле ворот полностью отсутствовали стражники.

Даже если предположить, что у них сегодня что-то вроде генерального субботника – скажем, день замены старых гербов на новые, – все равно кто-то должен был остаться на страже у ворот.

Но единственными живыми душами в растворе гигантских ворот были мальчишки, беспечно швырявшие с моста камни в ров. Ребяшня, занятая увлекательным соревнованием на дальность броска, не обратила на него никакого внимания.

Сергей нахмурился. Такое положение дел для средневекового города нормальным не назовешь. Даже если в городе нет ни Герослава, ни Клотильды – там еще остаются рыцари замковой дружины. И ни один из них, насколько он помнил, не выглядел откровенным простофилей, способным позабыть про охрану городских стен. В беспокойной стране-материке Нибелунгии таких рыцарей просто не удавалось вырастить...

А изменять своему сюзеру и господину в эти века еще не было принято.

Вывод напрашивался сам собой – беспорядки, описанные Эльфедрой, усилились. «Неладно что-то в герцогстве моем»...

Он прошел в ворота и стремительно зашагал по неширокой улице, направляясь к замку. На него никто не обращал внимания, что Сергея не удивило. Слишком мало времени он пробыл герцогом в Дебро, и потому его симпатичное лицо еще не успело намозолить горожанам глаза, мало-мальски запомниться. Вокруг в изобилии шныряли странные личности, одетые в такие удивительные лохмотья, что его клетчатая рубашка с отсутствующим рукавом на этом фоне абсолютно не выделялась. Его никто не узнавал. Мечи, в тканевой скатке уложенные на плечо, тоже не привлекали взглядов. Чему Сергей только радовался, глядя на хмурые лица горожан.

Перед воротами замка Дебро герцога Де Лабри ожидал еще один сюрприз. Мост был поднят, ворота закрыты. И с высоты сторожевых башен блестели начищенные шлемы дозорных.

Судя по количеству шлемов на стенах, вся стража теперь была сосредоточена в замке.

Герцог Де Лабри остановился на пяточке перед поднятым мостом и огляделся по сторонам.

Возле крайнего на этой улице дома прямо на земле сидела кучка оборванцев и азартно резалась в кости. Казалось, кучка не обращала на замок никакого внимания. Но Сергей, побывавший под руководством леди Клотильды в самых разных переделках, отметил вроде бы беспечные взгляды, которые оборванцы бросали на закрытые ворота.

Итак, замок неспроста закрыл ворота и поднял мост. За происходящим у ворот еще и пристально наблюдают с городских улиц. Стало быть, простолюдины уже переключилось с деревенских ведьм на благородных лордов!

Сергей равнодушным взглядом посмотрел себе под ноги, поковырялся в носу для создания образа простолюдина, сплюнул. Оборванцы на улице наверняка торчат не просто так. Скорее всего, если начнется какое-то движение – скажем, опустится мост, приоткроются ворота, – на пяточке перед воротами может (или должна?) собраться взбудораженная толпа. Иначе зачем выставлять наблюдение? Причина такого могла быть

только одна: городские обыватели готовятся напасть на замок.

Итак, он не сможет войти в замок, не подвергнув его опасности.

Его сиятельство герцог Де Лабри еще раз оглядел пяточок и кучку оборванцев, затем отошел ко рву и присел на крутой бережок, всем своим видом изображая крайнюю усталость. И при этом горячо надеясь, что худой оборванный паренек, расположившийся на берегу рва, выглядит вполне естественно для наблюдателей.

Будь здесь леди Клотильда, она бы заявила, что долг вассалов – пасть за своего сюзерена. И потому он не должен рассуждать, а должен крикнуть дозорным и ждать, пока ему не откроют ворота и стража ценой собственной жизни не даст возможность милорду войти в свой замок.

Однако если он попытается привлечь к себе внимание дозорных, то его могут убить прямо на городской улице. Пока кто-то из стражников сбегает за кем-нибудь из рыцарей, пока его опознают, пока начнут опускать мост...

Придется пробираться в замок самостоятельно. Стены слишком высоки – по ним не взобраться. А ход в замок, расположенный под мостом, самостоятельно он не найдет.

«Мост!» – решил Сергей, обозревая неприступную громаду замка. Надо взобраться на поднятую пластину моста. Оконце, через которое наружу выходит цепь, было достаточно широким. Он сможет пролезть через него внутрь крепости. Лишь бы только стражники не подстрелили его во время всех этих кульбитов...

Сергей положил ладонь на клинки двух мечей, лежащих рядом. Предположительно... он может выставить напоказ один из своих мечей. И тогда это станет определенным знаком как для оборванцев, так и для людей в замке. Меч – признак принадлежности к воинскому сословию. Стражники поостерегутся стрелять, потому что человек с мечом может быть гонцом. Или же рыцарем, спешащим укрыться в замке.

Он спустился пониже по бережку и глянул на кромку рва, возвышавшуюся теперь у него над головой. Выше кромки было сиренево-синее небо. Крыши городских домов с горизонта исчезли, отсеченные полоской коричнево-серой почвы, сверху поросшей сине-зеленой травой. Он уже и позабыл, как красива трава в этом мире – даже такая, обожженная прямыми солнечными лучами и присыпанная мелкой городской пылью... На фоне неба пока не появлялось никаких силуэтов. И возбужденных голосов он тоже не слышал – только приглушенные выкрики оборванцев, изображавших азартную игру. Появление нищего и усталого голодранца перед воротами замка пока что не вызвало подозрений у наблюдателей.

А дозорные в замке, в отличие от городской голытьбы, уже должны были обратить на него внимание! Сергей печально вздохнул и брезгливо передернул плечами. Предстояло не очень приятное купание в грязной, заплыванной воде рва, чтобы скрыть то, что он собирался сделать. Сергей сполз в воду, утянул за собой скатку и принялся раскручивать в воде ткань с клинков. Затем вытянул ткань по диагонали и закрепил один из ее концов узлом на рукояти меча. Заткнул второй меч за пояс и заодно проверил, на месте ли перчатка. Подумав и решившись, переложил ее в карман.

Громадные железные петли, на которых поворачивался мост, возвышались над водой метра на три. Между мостом и воротами шла небольшая щель, расширяющаяся сверху до длины его руки. Ворота могли прилегать к стене и поплотнее, но по бокам мост был окован небольшим, шириной в ладонь бортиком. Он-то и не давал мосту прилечь к стене плотно по всей своей длине.

И именно на этом бортике строился весь замысел Сергея.

Он выбросил куртку из воды на берег, решив, что, может быть, подберет ее потом, если удастся решить проблему с городским бунтом. Затем с отвращением оттолкнулся ногами от илистого мягкого бережка и поплыл к другой стороне рва, отворачивая голову от мутной грязной воды, больше напоминавшей помой. Вода то и дело попадала в рот и в нос, он отплеывался и чихал, преодолевая тошноту.

На другой стороне берег рва был затоплен. Мокро поблескивающая каменная стена поднималась из воды, окаймленная белесой полоской выпарившихся солей. Он утвердил ступни в размякших кроссовках в слое ила, поднялся во весь рост. Воды здесь было по бедра.

Бросок. С первого раза ничего не получилось – меч, стоило Сергею дернуть за конец ткани, длинной стальной рыбиной выскочил из щели и со свистом упал рядом с ним, поднимая неровный фонтанчик брызг.

Еще бросок.

Со стороны крыш городских домов, которые теперь были видны в виде напозающих друг на друга конусов, послышались возбужденные голоса. Наблюдатели заметили странные манипуляции возле моста. А точнее, его упавший меч, потому что сам он находился под прикрытием берега рва. Герцог Де Лабри торопливо дернул за конец ткани, возвращая к себе рукоять меча. Затем развернулся для следующего броска и швырнул меч снова. Как раз в этот момент на той стороне рва появились оборванцы. Двое сразу же бросились к воде.

Меч не выскочил. Крестовина рукояти на этот раз провернулась в щели между мостом и воротами и встала намертво, наискосок заклинившись между железным бортиком и краем каменного воротного проема. Сергей с силой выбросил тело вверх, ухватился за жгут ткани, подтянулся и начал карабкаться вверх со всей стремительностью, какую только мог развить. Ткань была мокрой, ладони скользили. Но ползти предстояло всего метра полтора. И малая дальность расстояния вполне компенсировала тот факт, что его рывки то и дело смазывались соскальзывавшими ладонями.

А с той стороны рва к нему уже плыли. Но тут, подтверждая его довольно-таки положительное мнение о рыцарях и страже дебровского замка, сверху просвистело сразу несколько стрел.

Сергей зашепел, прислушиваясь к зазвучавшим сзади истошным крикам. Начало моста. Он на всякий случай ухватил зубами конец тряпки, свисавшей с рукояти меча. Затем подтянулся, отчаянно цепляясь одной рукой за камни воротного проема, а другой держась за железный бортик. Острая полоса впиалась в ладони, распарывая кожу. Торопливо перекинув левую руку повыше и вцепившись скрюченными пальцами в узкую, забитую раствором щель в каменном проеме ворот, Сергей попытался приподнять тело еще сантиметров на двадцать – так, чтобы можно было всунуть в щель ногу. Примерно на десятой попытке удалось завести за бортик носок кроссовки, и он начал карабкаться выше, обламывая ногти о камень и железо. Тряпка, прикушенная зубами, выдавливалась в рот вкус вонючей, сально-гнилостной воды.

Крики на берегу становились все громче и гуще. Толпа, судя по крикам, росла. Сергей наконец достиг того места, где ширина щели позволяла протиснуться внутрь нее, и торопливо переволок тело через бортик. Сделано это было как нельзя вовремя, потому что по толстым доскам моста почти сразу же забарабанили камни. Похоже, городская оппозиция, решив больше не рисковать в заплывах через ров, перешла на дистанцированный обстрел. Парочка крупных булыжников ударила в крепостную стену всего в нескольких сантиметрах от щеки Сергея. Каменные крошки припорошили скулу и шевелюру, повисли

мохнатым инеем на ресницах.

Бульжники – оружие взбунтовавшегося пролетариата, совершенно некстати припомнилось вдруг Сергею. Он подавил истеричный смешок. Была какая-то ирония судьбы в том, что беднота этого мира вынуждена бороться бульжниками против потомка таких же бедных крестьян Казанской губернии.

Он поправил меч так, чтобы он не мешал упираться в ворота спиной. Нагнулся и подтянул к себе за тряпку второй клинок, с помощью которого забрался в щель между мостом и воротами. Заткнул и его за ремень с другой стороны.

Со сторожевых башен мимо моста слетел вниз еще один шквал стрел, после чего крики на берегу переросли в истошные вопли и вой. Стража замка, очевидно, приравняла бомбардировку бульжниками к попытке нападения на замок. И отреагировала на это соответствующе.

Тело между тем продолжало само делать все, для того чтобы привести его внутрь крепости, и таким образом вернуть к положению герцога Де Лабри, аристократа и сатрапа по профессии. Увы, отказываться от титула тирана и герцога его почему-то совсем не тянуло. Что лишний раз подтверждало старую истину – больше всего находиться в среде аристократии любят вчерашние плебеи... Он продвигался вверх, упираясь спиной и отталкиваясь ногами от досок. Три рывка – и он уже держался пальцами рук за первое звено мостовой цепи, отходящее от отверстия в крепостной стене. Еще два рывка – и он перевел себя в горизонтальное положение, цепляясь за цепь уже руками и ногами.

И тут открылось то, чего он никак не мог предвидеть. Окошко в крепостной стене, через которое проходила цепь, было не таким уж и широким. Впрочем, чего-то в этом духе следовало ожидать, поскольку для нападающих оконце могло стать удобным путем для проникновения внутрь. И тот, кто строил этот замок, должен, просто обязан был предусмотреть и такой поворот событий. Мало ли какая зараза решит вломиться в замок через отверстия для цепи...

Путь в крепость через оконце был невозможен. Следовало найти другой выход из ситуации. И срочно – не мог же он и дальше висеть на цепи в горизонтальном положении, как обезьяна в джунглях. И стыдно, и с положением гомо сапиенса несовместимо...

И тут сверху шлепнулась, разворачиваясь в полете, толстая веревка. Сергей задрал голову.

Прямо над воротами чья-то фигура перевесилась по пояс через планширь стены и активно махала ему рукой.

Веревка, за которую он уцепился, летела вверх стремительными рывками под дружное уханье тех, кто тянул ее за другой конец. Секунд через пять Сергей уже стоял на крепостной галерее. И, не веря тому, что все наконец позади, немного ошарашенно вглядывался в лица окружающих его людей. Бородатые и безбородые, но все как один прикрытые шлемами.

Те смотрели на него не менее удивленно. Не узнали?

Пора было брать власть в свои руки. Если еще оставалось что брать.

– Хм... Здорово, орлы! – Сергей изо всех сил старался держаться как истинный герцог. – А где у нас тут самый главный? Тот, который здесь вместо меня, герцога Де Лабри?

Лица стражников разом подобрели и заулыбались. Те, что стояли близко, закланялись, задние ряды собравшейся на узкой стенной галерее толпы возбужденно и одобрительно загомонили. Сергей ощутил стыд. Здесь его ждали – это было видно по той радости, которая высветила мужественные лица. Вполне возможно, что здесь в него даже искренне верили. И

надеялись, что хозяин вот-вот явится и все их беды руками разведет.

А он вернулся сюда лишь ради леди Клотильды. А еще чтобы вновь окунуться в атмосферу этого странного и прекрасного мира – с магией, колдовством, рыцарскими ритуалами и уж-жасными приключениями. Но отнюдь не ради своих недавно приобретенных верноподданных...

И это тоже долг, который ему придется оплатить Расталкивая стражников, к Сергею пробился крепкий мужик в хорошо надраенной кольчуге:

– Милорд...

– Ну-ну, – поощрил его герцог Де Лабри, оценивая взглядом его простое открытое лицо и крепко скроенную фигуру. Такой человек не пропустит удара мимо... и не спустит обидчику оскорбления. С таким человеком надо держаться с уважением, но и у себя за спиной его можно оставить совершенно спокойно.

Впрочем, внешность, как известно, бывает обманчива.

А что хуже всего – он совершенно не помнил, как обращаться к этому человеку. Хотя его лицо было Сергею знакомо. Более того, он даже припомнил, что человек этот не принадлежит к числу рядовых стражников замка...

– Я капитан стражи, – торопливо сказал воин в надраенной кольчуге. – Доложить вам обстановку в замке, милорд?

«Ура, – обрадовался Сергей. – Ура! Мой капитан стражи представился сам и таким образом избавил мою особу от последствий моей же собственной постыдной забывчивости».

– А скажите... – заикнулся было он.

Капитан стражи тут же смолк и почтительно поглядел ему в рот.

«Черт побери, – подумал Сергей, заливаясь краской. – Неужели я в глазах своих людей выгляжу настолько себялюбивой свиньей, что они подобострастно затыкаются, стоит только мне, сиятельному герцогу, что-нибудь вякнуть по недомыслию? – Сергей вздохнул. – Трудно будет остаться здесь человеком».

– Докладывайте, капитан, – и, не удержавшись, посоветовал: – А на будущее – не ждите моего разрешения, если вам есть что докладывать. Мало ли что я там акаю...

– Да, милорд! – радостным тоном рявкнул ободренный воин. – Докладываю, за время вашего отсутствия чернь по наущению неизвестных лиц ополчилась на ведьм, после чего гарнизон был вынужден укрыть их в вашем замке. И самое плохое, милорд... – Капитан стражи замялся.

– Самое плохое впереди, не так ли, капитан? – всезнающим тоном предположил Сергей. Надо же было хоть как-то поддерживать образ герцога-спасителя.

– Увы, милорд, да. Слуги, ожидавшие вашего появления вместе с леди Клотильдой, были крайне разочарованы, когда леди вернулась одна. Возникли небольшие беспорядки... Все подстрекатели, разумеется, мною уже арестованы.

– А что с Клотильдой? – испуганно спросил он. Капитан стражи успокаивающе прогудел:

– Как всегда, здорова, милорд. Да, а что насчет зачинщиков беспорядков? На их счет жду ваших указаний, милорд. Выпороть или...

– Да нет, не стоит... – протянул Сергей. – Пусть их судьбу решит леди Клотильда.

– Да, милорд! – вытянулся капитанстражи. – И еще, милорд. По всему городу уже после бес... после разбойных нападений на ведьм произошли странные нападения на людей. Причиной которых, по словам лорда Герослава, были некие й-хондрики. Будут ли какие

распоряжения на сей счет, милорд?

Про й-хондриков Сергей ничего не знал. Но общие методы борьбы с нечистью прекрасно преподают голливудские фильмы.

– Замкового пречлена на стены, – пожав плечами, распорядился он, – и пожертвуйте ему что-нибудь... для Единого. Пусть везде нарисует этот самый, как его... – Он задумался, но капитан стражи тут же находчиво подсказал:

– Священный круг? И сноп святого Евраки? Он здорово помогает от неожиданных нападений...

– Да-да. – И с затаенным трепетом Сергей спросил наконец то, что волновало его в данный момент больше всего на свете: – А... где Клотильда? С ней действительно все в порядке?

Капитан стражи понимающе ухмыльнулся. Слава богу, стражники к этому моменту успели отойти, чтобы не мешать беседе отцов-командиров. И потому не увидели ни этой ухмылки, ни кроваво-красного румянца, потекшего по щекам их герцога.

– В полном порядке, милорд. Или мне следует говорить – ваше сиятельство?

– Вы специально затягиваете разговор, капитан? – раздосадованно бросил Сергей. – Обойдемся милордом. Где она? Мне необходимо срочно ее увидеть.

Воин лукаво глянул куда-то вбок и с нахальной иронией в голосе заявил:

– Похоже, миледи придерживается того же мнения, милорд.

– Где Клоти? – рыкнул Сергей, представляя, с каким удовольствием он вытрясет сейчас из этого типа все его ухмылочки.

Но тот уже отодвинулся к стенному парапету:

– Я, пожалуй, отойду, а то меня затопчут...

– Капитан!! – заорал Сергей в полный голос, угрожающе блеснув глазами.

И тут его уши услышали божественный, ни с чем не сравнимый командирский рык леди Клотильды. Он растерянно глянул вперед – туда, откуда доносился голос рыцарственной девы.

Из двери надвратной башни, выходящей прямо на стенную галерею, вылетела Клотильда и понеслась к нему, раскинув в стороны руки.

– Клоти! – закричал он, бросаясь навстречу.

И почувствовал, как метр восемьдесят божественной плоти обнимают его, притискивая к груди.

Совершенно некстати тело отозвалось бешеным стуком пульса и сигналом готовности.

Он в полном смущении начал отбиваться от ее объятий. Леди Клотильда с обиженным непониманием посмотрела на него, но удерживать не стала и выпустила из рук. Сергей торопливо встал к парапету, пытаясь бедром и рукоятью меча, торчащего из-за пояса, прикрыть некоторый беспорядок, возникший в организме. Затем вполборота повернулся и испуганно глянул на Клотильду.

Та по-прежнему смотрела на него с обидой.

– Клоти, э-э... С тобой все в порядке? Я имею в виду, сюда ты добралась нормально?

– Прекрасно добралась я до замка Дебро, спасибо, лорд Сериога, – ровным голосом сообщила леди Клотильда.

– Рад, – глупо сказал Серега и расплылся в еще более глупой улыбке.

– А уж я-то как рада! – проскрежетала Клотильда и сделала четкое военное «кругом», собираясь уходить.

И тут Серега испугался по-настоящему. Клоти собиралась уйти от него! Она была недовольна им. В свете этого все остальное становилось неважным – и к тому же в том состоянии обиды, в котором сейчас пребывала его любимая и крайне воинственная леди, навряд ли она обратит внимание на некоторые... гм... странности в его облике...

– Клоти!! – воззвал он. – Клоти, ну не сердись на меня, пожалуйста! Я только... я просто растерялся!

Леди Клотильда загрохотала своими подбитыми сапогами по доскам галереи, удаляясь от него.

Капитан стражи возле парапета начал ухмыляться еще откровеннее.

– Давай-давай, милорд, – пробормотал он, – чтобы такую завалить, немало попрыгать придется...

Сергей, расслышав все до последнего слова, метнул на него взгляд, полный жгучей ярости. Пробормотал сквозь зубы:

– Ну, я с тобой еще разберусь...

И вприпрыжку побежал догонять Клотильду. Догнал он ее только в дверях, с трудом развернул к себе и ищуще заглянул в глаза:

– Клоти, прошу тебя. Я очень...

И тут ему в голову пришла свежая мысль. Женщины... нет, девушки – ведь Клоти девушка! – все они крайне добросердечный народ. Клотильда тоже иногда жалеет того, кто попадет под ее буйную руку...

– О! – завопил он, поднимая вверх оголенное запястье, наспех замотанное разодранным рукавом рубахи, под которым пряталась та самая царапина. – Я из своего мира попал черт его знает куда, Клотильда! Видишь, ранили? А ты случайно прижала мне раненую руку, потому я и...

– А?! – с рычанием в голосе встрепенулась Клоти. – Столь нелегко был путь твой в замок Дебро, сэр Сериога? А я столь неласково... Стыжусь себя я, сэр Сериога! Прости, колле можешь!

И она со всхлипом, раздирающим Сереге одновременно и душу и уши, уткнулась ему в плечо.

Он неуверенно поднял ладонь и погладил затылок в неровно стриженных кудрях, выгоревших от солнца. Рубаха на плече слегка повлажнела. Клотильда плачет у него на плече?!

– Что ты, Клоти...

– Да обними ты ее наконец... – прошипел из-за плеча капитан стражи.

И Серега – смущаясь и наслаждаясь одновременно – последовал этому до ужаса вовремя данному совету.

Герослав, которому посланный стражник сообщил о том, что на цепи моста висит какой-то человек с мечом, до ужаса похожий на герцога Де Лабри, направился к воротам замка не сразу. Сначала он заглянул в покои, где расположилась – а точнее, спряталась от укоризненных взглядов дворни – леди Клотильда Персивальская. Но там уже было пусто. Похоже, его кто-то опередил и дражайшая леди успела уже узнать о появлении в виду замка странного висельца.

Он торопливо прошагал к надвратную башне, легко взбежал вверх по ступенькам. И первое, что Герослав увидел, выйдя на стенную галерею, был сам сэр Сериога. Это был точно он – оборотень безошибочно узнал его по запаху. Правда, теперь в запахе юного

герцога появился какой-то гнилостно-вонючий оттенок. С того момента, как он видел его в последний раз, мальчишеское лицо сэра Сериоги изменилось, став старше и жестче. А еще у юного герцога раздались в ширину челюсти и плечи. Герцог был мокрым, с него капало, на плече и на ухе повис какой-то сор, подозрительно напоминавший размокшую шелуху из помойной бадьи. Юный балбес стоял и обнимался с леди Клотильдой так, словно ничего важнее для него сейчас не было: и замок не стоял почти в осаде, и загадочные твари й-хондрики не навещали город...

Герослав возмущенно кашлянул и уже гораздо громче заявил:

– Может, оставим радость встреч на потом, ваше сиятельство?

Герцог Де Лабри оторвался от трепетных поглаживаний по плечу своей боевой подружки и не очень-то приветливо глянул на него. Леди Клотильда повела себя куда более логично, засмутившись под пронзительным взглядом оборотня. Именно леди волевым движением первой отодвинула от себя молодого герцога.

– Вы что-то хотели сказать? – набычившись, заявил сэр Сериога.

– Я просто мечтаю сказать кое-что милорд. – В тоне Герослава была назидательность. – И если вы хоть на минуту оторветесь от леди Клотильды, то вы это даже сможете услышать. В частности, я хочу спросить, где этот чертов Эльфедра, который вас сюда доставил?

Сергея метнул взгляд на леди Клотильду. Та восприняла слова оборотня совершенно спокойно.

Значит, она знает о том, что палагойцы пытались переправить его гораздо дальше Нибелунгии. И о том, что король эльфов обещался отыскать его в любом уголке Вселенной.

– Король Эльфедра меня сюда не доставлял, – сухо сказал он, обращаясь исключительно к Герославу. – Я вернулся сюда с помощью одного доброхота.

– Что?! – встревожился Герослав.

Леди Клотильда, не отрывавшая от Сергея глаз, беспокойства не проявила. Наоборот, даже с удовольствием кивнула.

Клоти, похоже, все еще не могла простить Эльфедре того, что он позволил сэру Сериоге «потеряться» по дороге.

– А в чем дело? – спросил Сергей, наклоня голову к плечу и буравя оборотня настойчивым взглядом. – Вам что-то не нравится в моем возвращении, уважаемый Двумикий князь?

Герослав выдержал с твердым достоинством его испытующий взгляд. Капитан стражи, незаметно подошедший сзади, по-бычьему напрягся. Герцог был его господином, и воин всем своим видом демонстрировал готовность в любой момент разобраться со всяким, кому что-то не нравится в возвращении его милорда.

– Просто нам следует обсудить с ним кое-какие проблемы, возникшие в этом городе.

– Да? – протянул Сергей, опираясь на парапет. – А почему бы вам не обсудить эти проблемы со мной, сэр Герослав?

Один из мечей тут же уперся в бок, и Сергей, смазав этим все впечатление от собственного только что проявленного герцогского достоинства, принялся неловко поправлять его.

Герослав посмотрел на него долгим взглядом:

– Пожалуйста, ваше сиятельство. Может быть, нам стоит заняться обсуждением наших проблем в другой обстановке? Не настолько открытой всем взорам и ушам?

– Э-э... – Сергей решил, что в словах оборотня есть определенная доля правоты. –

Показывайте дорогу... Герослав?

– Всегда готов быть с вами на ты, ваше сиятельство, – церемонно сказал Князь двуликих детей ночи, но в голосе у него зазвучала насмешка, как всегда, когда он разговаривал с Серегой.

Герослав посторонился и жестом предложил последовать за собой. Серега с затаенной нежностью в голосе предложил:

– Леди Клотильда, вы пройдете с нами?

Клоти шумно фыркнула, потянувшись к его уху и не слишком тихим шепотом сообщила:

– Герцог, не оборотень должен показывать вам дорогу, а вы ему. Поскольку вы хозяин этого замка.

– Увы, баронесса, я совершенно не знаю замка, – не таясь, громко признался он. – К тому же стаж в качестве здешнего хозяина у него побольше, чем у меня. Капитан, думаю, вам надо поучаствовать в нашей беседе. Боюсь, она будет очень уж содержательная, а пересказать я не сумею...

Капитан стражи с подобострастным видом бросил что-то вроде «ес'м'лорд!» и с громким топотом последовал за ними.

В центре небольшой комнатки, куда привел их Герослав, стояли стол и два стула. Вдоль стен, не слишком их загромождая, тянулись какие-то сундуки резного дерева и буфеты с кубками и расписными блюдами. Серега усадил на один из стульев слегка засопротивлявшуюся баронессу, сам устроился на подоконнике. С одежды по-прежнему капало, от него воняло, но он решил пока подождать с переодеванием – у оборотня был такой вид, словно в штаны ему насовали чего-то горячего. Он кивнул Герославу на второй стул.

Капитан стражи, человек военный и закаленный, попросту привалился к стене напротив стола и застыл там столбом.

– Итак, – после долгой паузы напряженно сказал Герослав, неловко присев на стул. – Я должен сначала рассказать вам, сэр Сериога, о произошедших за ваше отсутствие событиях...

Серега кивнул:

– Давайте.

Герослав начал передавать то, что Серега в общих чертах уже знал. Он слушал его внимательно, потирая пальцем висок. Когда оборотень закончил, в комнате воцарилась тишина.

– Значит, все-таки это Эльфедра меня туда отправил... – задумчиво протянул Сергей. – И тоже за кровью иглистых драконов.

– Почему – тоже? – быстро спросил Герослав. Сергей пожал плечами.

– Потому что до меня там уже побывали. Там, куда я попал, валялась туша иглистого дракона. Израненного. Убитого. Но луж крови, как я припоминаю, рядом не было. Скорее всего, именно так палагойцы добыли кровь для своих амулетов. В этой истории, думаю, ровно две правды: Эльфедра любит использовать всех нас в своих целях, а палагойцы хотят просто избавиться от тех, кто хоть что-то из себя представляет. Желание полной власти не терпит конкуренции.

– И что мы будем делать теперь? – нетерпеливо спросила леди Клотильда.

Серега почесал затылок, не успевший просохнуть после купания во рву и теперь дико зудевший. Да и пахло от волос гадостно.

– Теперь я вам покажу кое-что.

Он вытащил из кармана мокрую перчатку, из которой на пол плеснула мутно-серая вода, набравшаяся внутрь за время купания во рве. Положил ее на стол:

– Вот.

– Что это? – с пренебрежением спросил Герослав, наклоняясь над перчаткой.

– Сам не знаю, – пожал плечами Сергей. – Но хочу узнать. Тот, кто мне ее дал, был о ней очень высокого мнения. Сказал, что она поможет мне выполнить то, что я должен. А я, как вы сами понимаете, должен умиротворить собственный народ и защитить его от й-хондриков. Для этого следует как минимум разобраться с амулетами Дригар и с орденом Палагойцев. И если перчатка на это способна, то лучшего и пожелать нельзя. Проблема в том, что мне не сказали, как она действует. Просто велели надеть, когда попаду сюда.

– А вы надели, милорд? – кашлянув, спросил капитан стражи.

– Да, – устало сказал Сергей. – Но земля набок не встала и деревья по моей воле не зашагали.

Оборотень взял перчатку за пустой палец, поднял над столешницей, критически осмотрел со всех сторон:

– Вот когда пожалеешь, что рядом нет Эльфедры. Он бы сумел разузнать... или просто узнал бы. Если у этой вещички есть магия, то он единственный, кто это может учуять.

– Кто здесь поминает старого эльфа? – с издевкой спросил чей-то голос.

И Эльфедра выступил из гладкой настенной панели, лучась улыбочкой. Голубоватая голова, отрезанная воротом строгого черного камзола, смотрелась жутко. Капитан стражи чуть охнул. Но потом с некоторым усилием вернул себе толику обычной молодцеватости и кинул на Серегу вопросительный взгляд.

Тот отрицательно качнул головой. Никаких враждебных шагов против короля эльфов предпринимать не следовало. Наоборот, его следовало беречь, как примадонну на параде. Поскольку тайна перчатки все еще не была разгадана.

Клотильда сначала кинула не слишком приветливый взгляд на Эльфедру, потом – на зеркально отполированные стены комнаты. Оскалившись, сказала неласковым голосом:

– Герослав, признайся. Ты нас специально привел в эту комнату? Потому что этот король изюмный может появляться только через отражающие поверхности, и ты надеялся, что он появится, пока мы будем здесь болтать?

– Ну... – пробормотал смущенным тоном Герослав.

Но смущенным он при этом не выглядел. Эльфедра легкой походкой подошел к столу, наклонился над столешницей и проворчал:

– Не знаю, кто тебя оттуда переправил в этот мир, сэр Сериога, но пахнешь ты преотвратно. Слово путь твой пролегал сквозь дыру определенного назначения. И следовало тебе все-таки прихватить с собой живую плоть, поскольку, как тебе, надеюсь, уже объяснили, для уничтожения амулетов Дригар нужна кровь тех существ, которые живут в том мире...

– Мне объяснили, что это невозможно, – резко перебил его Сергей.

– И все же...

Эльфедра поднял со стола перчатку и, не тратя время на осмотр, попробовал всунуть в нее руку. А затем с очень интересным выражением, которое Серега привык слышать только из уст леди Клотильды, швырнул ее обратно на стол.

– В чем дело? – Герослав подался к нему всем телом.

Король эльфов, грязно ругаясь, тряс кистью.

– Она кусается... То есть я хочу сказать – надевать ее болезненно. Герослав, попробуй теперь ты.

Оборотень хладнокровно пожал плечами и повторил операцию. Результат был тем же самым, вот только от оханья и ругательств оборотень сумел удержаться. Только слегка покривил лицо.

– Теперь вы! – Эльфедра ткнул пальцем в капитана стражи.

Тот, застыв у стены, и бровью не повел. Серега вздохнул:

– Капитан, я понимаю, что не имею права просить вас совать руку в кусачую перчатку...

– Наоборот, – спокойно сказал капитан стражи, – только вы и имеете право, милорд. А вот он – нет.

Он, чеканя шаг, прошагал до стола, решительно схватил перчатку. Прикусив губу, сумел просунуть в нее руку до самого запястья. А потом выронил перчатку и принялся баюкать руку у груди.

– Вывод – перчатка отказывается налезать на чужую руку, – спокойно сказал Эльфедра (рука у него, по всей видимости, уже перестала болеть, потому что он расслабленно опустил ее). – Что на человеческую, что на нечеловеческую. Сэр Сериога, ты как?

Сергей подошел к столу, продемонстрировал, как нужно надевать перчатку. Все следили с неослабевающим интересом. Он напялил ее, повертел пальцами в коричневой коже. Затем стащил перчатку с руки.

– Если припомнить, перчатку дали именно тебе. Получается, она узнает своего хозяина? – Клотильда, не совавшая рук в кусачий предмет туалета, закинула ногу на ногу, легонько прогнула спину, разминая затекшие мышцы.

Серега замороженно уставился на нее.

– Значит, так, – сдержанно высказался король эльфов. – Вижу, что от нашего герцога помощи в обсуждении больше ждать не стоит. Герослав, я думаю, перчатку надо показать нашим... то есть вашим ведьмам. А я пока что удалюсь – поговорю с эльфами, загляну в книги. Перчатка очень загадочная. Будем надеяться, что она – именно то средство, которое нам нужно, чтобы отразить напор палагойцев.

И Эльфедра, попятившись, слился за полсекунды с зеркально отполированной панелью. Сначала вместо фигуры короля эльфов появилось его отражение в гладком камне. А потом исчезло и оно. Серега переглянулся с капитаном стражи. Остальные смотрели с полнейшим равнодушием – видимо, для них это зрелище не являлось чем-то новым. Что Герослава это не удивило – понятно. Но вот почему Клоти тоже отнеслась спокойно? Либо леди-рыцарь разыгрывала невозмутимость, либо уже наблюдала что-то подобное.

– Дивно, – протянул Серега. – Значит, нам надо посоветоваться с ведьмами.

Герослав по-звериному быстро и беззвучно встал со стула, развернулся к выходу:

– Милорд, я их всех сейчас приведу сюда.

– Нет, – решительно сказал Сергей и отошел от стола. Мокрые штаны неприятно хлопнули, отлипая и вновь соприкасаясь с ногами. – Сейчас я вымоюсь. А затем переоденусь во что-нибудь сухое. Всех, кого эта беседа заинтересовала, жду через час здесь же. Клоти... я покину тебя на какое-то время, хорошо?

– Милорд, дело неотложное, – сморщился Герослав. – Палагойцы в любой момент могут снова послать й-хондриков в наш мир, и поэтому я прошу немедленно...

– А я не могу противостоять им, пока у меня задница мокрая! – отрезал герцог Де Лабри. – Мне душевного спокойствия не хватает по причине грязного белья!

– Милорд, – насмешливо прищурился Герослав, – я непременно передам это й-хондрикам...

Вымывшись и переодевшись во все сухое, Сергей почувствовал себя гораздо лучше. Сухонький мажордом крутился рядом, лихорадочно предлагая милорду перекусить и обязательно выпить что-нибудь согревающее. А то, не дай Единый, милорд простудится. Но Сергей, памятуя страхи и опасения оборотня, решил не затягивать с предстоящим советом и попросил старинушку накрыть стол с закусками в той самой комнате, где должно было состояться грандиозное совещание.

К тому же такое гостеприимство и вежество милорда, садящегося за один стол с ведьмами, как с дорогими гостями, должно было как минимум умилить и умаслить старушек. Раз уж нам нужна их помощь, решил Сергей, то не помешает предпринять определенные шаги.

Стульев в комнате теперь было восемь. На четырех из них сидели незнакомые Сергею женщины. Одна очень старая, другая пожилая, одна молодая и одна очень молодая. На лице у очень молодой лиловели и желтели остатки синяков.

Сергей смущенно отвел глаза от лица юной женщины, сконканно сказал:

– Добрый день... дамы.

Старушка покивала, остальные вскочили со стульев и попытались изобразить неуклюжие реверансы. Серега тоже изобразил что-то навроде аристократического поклона.

Заботливый мажордом уже уставил стол какими-то блюдами и блюдами с закусками. Посередке торчали три кувшина с вином – куда же без этого в Нибе-лунгии?

Тут в двери ворвалась леди Клотильда, гремя доспехами, и Сергею стало не до накрытого стола, хотя он не ел как минимум со вчерашнего дня, и в животе уже громко бурчало. Клотти оглядела собрание без всякой кислой мины – надо отдать ей должное, – хоть ведьмы и не ровня сиятельной баронессе. С размаху уселась на стульчик с краю стола. Сергей немедленно пристроился рядом, искоса глянул на нее, на всякий случай запечатлевая в памяти на будущее завитки кудлатых волос, пушистым ореолом окружающие точеный профиль. И легкий румянец по обводу скул, и чуть дрогнувшую пушистую щеточку ресниц над внезапно смягчившимися яростно-голубыми глазами...

Тут он заметил, что все смотрят на них, и моментально покраснел, как мальчишка, застигнутый за подглядыванием. Откашлялся и громко спросил:

– А где Герослав?

– Он сейчас придет, ваше сиятельство... – поспешно сказала самая юная ведьма. И почему-то смущенно осеклась.

– Да? – проронил Серега, присматриваясь к жертве крестьянских волнений повнимательнее.

Обычная земная девчонка, если бы не следы синяков. Но уж очень смутилась она при упоминании отсутствующего Герослава. Аи да оборотень, аи да старый лис...

Тут по коридору загрохотали кованые сапоги, и в комнате появился капитан стражи в сопровождении какого-то рыцаря. Оба были при полном параде. Капитан нарядился в камзол с сине-черными расшивками, поверх которого была надета блистающая каждым звеном кольчуга, рыцарь нес в руке шлем с торжественным плюмажем алых и синих тонов и был облачен в геральдическую рубаху до колен, по которой шли гербы герцога Де Лабри (синий дракон на сине-черной клетке) и его собственный (загадочный алый орел с рогами). Капитан отвесил в сторону Сереги церемониальный поклон, рыцарь резко, по-военному,

кивнул головой и зазвенел шпорами.

На этом приветственная часть была исчерпана.

Сергей мысленно попенял себе за то, что сам не додумался пригласить на совет кого-нибудь из благородных обитателей замка. Слава богу, что хоть капитан дошел до этой светлой мысли. В каком-то смысле такое невнимание могло выглядеть даже как оскорбление его вассалов – хотя он, конечно, тут в своем полном праве, в общем, что хочу, то и ворочу. Но все же не стоит задевать достоинство рыцарей, которым, вполне возможно, уже завтра придется мечами защищать как стены замка, так и задницу своего милорда...

Завидев женщин, капитан засиял и приосанился. Ведьмы встретили взгляды бравого капитана нахмуренными лицами. Но это его не смутило, и он молодежато примостился рядом с той из них, которая была просто молодой.

Самую юную, как заметил Сергей, капитан при этом обошел по широкой дуге. Так. Значит, предпочтения юной девицы взаимны. И об этом уже осведомлены в замке.

Чертов рыцарь свои галантные улыбочки адресовал исключительно леди Клотильде, из-за чего Серега сжался за столом и весь набычился.

– Милорд, – спохватился капитан стражи. – Я привел сэра Ардульфа. Я подумал, что старшему рыцарской дружины нужно знать...

– Конечно. – Серега с трудом выдавил из себя любезный тон, кивнул человеку с седыми висками, из-под геральдической рубахи рыцаря выпирали сочленения лат, которые тот, похоже, никогда и не снимал. – Рад вас видеть, сэра Ардульф. Э-э... надеюсь, кони дружины в добром здравии?

И с запозданием сообразил, что подобный вопрос в качестве приветствия может и обидеть. Но ничего умнее он с ходу не смог придумать.

– Все кони моей дружины в добром здравии, милорд! – отрапортовал рыцарь, ничуть не задетый этим вопросом. – Но как хорошо, что вы спросили, герцог! Рыцари нашей дружины специально для вас выехали вороного жеребца – ничуть не хуже того, на котором разъезжает наша отважная леди Клотильда!

– И что?! – со страхом спросил герцог Де Лабри, припоминая то чудовище, на котором гарцевала Клоти в своих странствиях. Чудовище любило цапаться зубами и лягаться во все стороны, а еще оно ужасно не любило лично его, Сергея...

– Приняв от нас подарок, вы окажете нам особую честь, милорд! – рявкнул седой рыцарь.

Сергей представил, как он влезает на очередного черного монстра – «не хуже того, на котором разъезжает наша леди Клотильда», сжался и тоскливо прошептал:

– Подарок? А за что, спрашивается...

– Из чувства глубокого уважения, милорд!

В комнату неслышной тенью скользнул Герослав. С порога, увидев, что компанией заняты все стулья, направился к подоконнику, по пути очень даже любезно кивнув юной ведьмочке с живописными разводами на лице. «Ага, – радостно осклабился внутри Серега, – значит, у нас все зашло настолько далеко? Теперь мне будет чем ответить, когда кое-кто начнет язвительным тоном предлагать оставить мою „радость встреч на потом“, а также „оторваться“ от моей леди Клотильды и послушать его!»

За всеми этими мыслями он перестал непрерывно созерцать профиль леди Клотильды. И даже рассеянно обозрел всех сидящих за столом. Тут он вдруг обнаружил, что прямо перед ним на широком блюде лежит холодное мясо на вертеле, и понял, насколько проголодался.

Сергей нерешительно протянул руку к мясу. Конечно, ему, как герцогу и сюзерену, следовало бы немедленно начать какую-нибудь представительную речь, чтобы ввести всех собравшихся в курс дела, но живот и так уже отзывался на промедление обиженным бурчанием. Терпеть дальше он не мог. Особенно когда еда стояла под самым носом.

Капитан стражи тут же сделал стойку при звуках бурчащего живота, как хороший сторожевой пес. Остальные не подали вида.

– С позволения милорда, я бы тоже перекусил, – по-свойски заявил капитан. – Разрешите, милорд?

Изголодавшийся Сергей покивал головой, радуясь появившейся компании, и торопливо впился зубами в хорошо прожаренный кусок мяса на косточке. Пробормотал, жуя:

– Прошу всех... присоединиться.

Герослав, сидевший сзади на подоконнике, прокашлялся:

– Может, я начну, пока наш герцог насыщается? Серега благодушно пробормотал набитым ртом что-то вроде «да».

Минут через пять все общество что-то жевало под непрерывное изложение оборотнем событий последних лет. Ведьмы больше употребляли сладости, выставленные с краешку на мелких блюдах, мужчины вместе с Клоти отдавали предпочтение более серьезным закускам – копченым и печеным окорокам, мелкой жареной дичи, присыпанной зеленью и уложенной на блюдах пирамидами. Один Герослав расхаживал вокруг стола и хорошо поставленным голосом передавал жующим слушателям суть дела.

Серега, пропуская уже известное ему мимо ушей, потянулся и налил себе красного вина в высокий кубок. Хлебнул. Вино здесь, как всегда, было на высоте. Просто земляничная поляна, втиснутая в один-единственный бокал. Жестом он предложил вина и Клоти.

Та мгновенно почему-то запунцовела и отчаянно затрясла головой. Странно, а ведь раньше леди Клотильда никогда не брезговала пропустить кубок-другой между делом. Странно... но спрашивать неудобно. Может, она просто решила устроить пьянству бой?

– И теперь мы хотели бы услышать, что вы думаете об этой перчатке, – закончил рассказ Герослав.

Серега, с наслаждением что-то жевавший, среагировал только тогда, когда Клоти ткнула ему в бок кулаком и прошипела:

– Покажи перчатку, сэръ Сериога!

Он с готовностью выгреб из кармана шедевр галантерейной магической продукции и перебрал его через столешницу, в руки самой старой ведьмы.

Ведьма ухватила перчатку на лету костлявыми сморщенными пальцами. Остальные труженицы магического фронта сдвинули стулья, придвигаясь к старухе, и дружно склонились над перчаткой. На какое-то время распущенные волосы ведьм закрыли от глаз Сергея светло-коричневый кусок искусно скроенной кожи.

Он закатил глаза к потолку и всецело предался процессу жевания, время от времени как бы случайно рукой касаясь локтя леди Клотильды.

Ведьмы шептались, и обрывки их шепота доносились до присутствующих:

– Кожа...

– Моллотанское происшествие...

– Да что вы? А я вот вспоминаю легенду о Гране...

– Силы стихий здесь не указаны. Какое значение имеют эти слова? Какое-то значение они же должны иметь... названия душевных тяг не нашивают просто так.

– Может быть, это то, что должно быть у владельца? Верность, сила, любовь...

Наконец кружок ведьм распался. Самая старшая, решительно составив кустистые брови, ткнула пальцем в герцога:

– Милорд! Кто вручил вам эту перчатку?

Сергей пожал плечами и вкратце пересказал то, что помнил: обрывки разговора, свое впечатление о полупрозрачной фигуре, вольно парящей в небе под помахивание собственных шестерых конечностей.

И снова ведьмы устроили небольшой консилиум, во время которого все остальные были вольны делать что угодно – хоть ногти рассматривать. Серега тут же бессовестно уставился на леди Клотильду, прошептал:

– Как тебе эти консультанты по магии, а?

Клоти сделала строгое лицо, ответила уголком рта:

– Не шути над ведьмами, сэр Сериога! А то они так пошутят над тобой, что...

И в этот момент та ведьма, что была просто молодой, гулко шлепнула ладонью по столу и грозно заявила:

– Тихо!! Мы думать будем!

Сергей, несмотря на всю серьезность момента, прыснул, пытаясь кулаком, поднесенным ко рту, заглушить смешочки. Ведьмы наградили его суровыми взглядами. Правда, пассия оборотня посмотрела на герцога отнюдь не сурово, а скорее умоляюще.

Наступила тишина, не прерываемая никакими звуками. Сэр Ардульф и капитан стражи, сидевшие рядом с ведьмами, казалось, даже дышать перестали. Сами магические дамы сидели неподвижно, нахмутив брови и полузакрыв глаза.

Наконец худенькая старушка подскочила на месте, подняв кверху палец.

– Рука Воина. Рука!! Помните, сестры! Киик-ата-Рек, послесловие о придуманных амулетах. Там говорилось о Руке, которую создал один из Седых Королей Древности.

Юная ведьма, равнодушная к Герославу, округлила глаза и с придыханием заявила:

– Да! А я-то все думала, о какой именно руке там говорится. Ведь не мог же он создать просто руку, существующую отдельно от тела. А вот если он создал амулет в виде перчатки и назвал его Рукой, то тогда я все-все понимаю!

– Ну, не будем забывать, что это только догадка, – с некоторой надменностью в голосе перебила ведьму юную та, что была просто молодой ведьмой, – однако ничто не мешает нам испробовать и узнать, так ли это.

– И что же вы предлагаете? – степенно спросила особа средних лет. – Честно говоря, я не часто перечитываю Киик-ата-Рек. Я вообще не слишком хорошо читаю...

Худенькая старушка повернулась к Сергею и сверкнула глазами из-под кустистых бровей:

– Меня зовут Маэда, милорд. Возможно, нам придется какое-то время общаться, поэтому я и решила вам представиться. Или вы предпочтете называть меня просто старой ведьмой?

Откуда такая недоброжелательность, удивился про себя Сергей. Или это прежний хозяин Дебро обращался к ней именно так и отсюда проистекает враждебность старой ведьмы к местному лорду? Что ж, есть традиции, которые новый герцог, безусловно, поддерживать не станет. Сергей призвал на помощь все свои не слишком обширные познания в местном политесе, поспешно встал и низко поклонился магическим дамам.

Капитан стражи и сэр Ардульф выпучили глаза. Выражения их лиц прямо-таки кричали

о том, что настоящим герцогам не положено склоняться перед простыми ведьмами.

На что Сергею было наплевать. Слишком многое сейчас зависело от сухонькой старушонки и ее наперсниц.

– Я думаю, нам всем давно пора представиться друг другу. Теперь моя очередь, Сергей, ведь так?

– Сэр Сериога! – поспешно, даже с излишней горячностью вмешалась леди Клотильда. И бросила на него укоряющий взгляд.

Итак, даже перед женщинами... то есть даже перед ведьмами ему нельзя быть самим собой, простым парнем Сергеем. Титул обязывает.

– Дерхелла, – церемонно сказала просто молодая ведьма. Имя ей подходило.

– Максу, – представилась пожилая.

Юная ведьма хихикнула, отчего Герослав за спиной у Сергея сразу же нервно завопил на своем подоконнике.

– Гальда.

Итак, представление было закончено. Сергей наклонил голову:

– А теперь я хотел бы выслушать ваши предположения, дамы. Вы считаете, что перчатка принадлежала э-э... Королю Древности?

– Одному из них, – подчеркнуто строго сказала Маэда, – и она была создана в очень глубокой древности, сэр Сериога. Если, конечно, это та самая Рука. И еще мы должны учесть, что упоминания о ней остались только потому, что сила Руки уподобляла ее владельца Древним Богам.

Сэр Ардульф возмущенно всхрапнул. Сухонькая Маэда пригвоздила его взглядом:

– Да, сэр рыцарь, были когда-то и такие! Киик-ата-Рек упоминает, что Рука была сделана только затем, чтобы побороть одного из Древних Богов. Но потом с ее помощью были уничтожены все Боги. Мы имеем дело с крайне опасным раритетом, милорды... и миледи. Если только, повторяюсь, это та самая Рука, что упоминается в Киик-ата-Рек. Ее сила велика. Еще в древние времена, когда маги и ведьмы были не чета нынешним, никто из них так и не смог придумать ничего, что могло бы противостоять ей.

– Насколько велика вероятность, что перед нами именно Рука Короля Древности? – быстро перебил ее Сергей.

Маэда поджала губы и свела глаза к горбатой переносице.

– Мятежный дух пустынь, – наконец проронила старейшая из ведьм, – посещал земли Нибелунгии.

Сергей опешил:

– Вы хотите сказать, что знаете этого шестирукого архангела?

– Мятежный дух пустынь, – объявила Дерхелла, пожимая плечами, – известен каждой ведьме. Хотя бы по книгам.

Маэда строгим взглядом пресекла разговорчики и обратилась к Сергею:

– Известно, что Рука Короля после гибели Богов исчезла. Не исключено, что Господин, о котором говорил мятежный дух пустынь, – это один из Древних Богов, которому удалось выжить...

– Выжить и прихватить с собой чуть не сгубивший его амулет, так, что ли?

– Не обязательно, – скривилась ведьма. – Раритет уже после последней битвы мог унести мятежный дух пустынь. Хотя бы для того, чтобы иметь возможность при желании восстать против Господина. Не зря же он мятежный...

– Он говорил, что эта часть его имени происходит от слова «мятущийся».

Ведьмы зафыркали.

– Поменьше доверяйте тому, что вам говорят, милорд, – посоветовала ему Макс.

Дерхелла нахально добавила:

– А то так и оконфузиться недолго.

Сергей проглотил эту пилюлю и спокойным голосом спросил:

– А как случилось, что этот мятежный дух пустынь... странник по мирам, с ваших слов, очутился под началом у сбежавшего бога?

– С большой буквы, пожалуйста, – поправила его Маэда. – Бог. Скорее всего, Древний Бог подчинил себе мятежного духа пустынь. Дух не может тягаться с Богом – это так просто, милорд. Но мятежного духа тоже нельзя насовсем приковать к одному месту, стало быть, он наверняка совмещает свои отлучки в миры со службой Богу. Благодаря чему палагойцы смогли в его отсутствие добраться до крови иглистого дракона в том мире, добыть ее и произвести амулеты Дригар.

Покрутив головой, Серега сделал вывод:

– Итак, Бог скрылся в другой мир, приволок с собой своих любимых Эр... иглистых драконов, потом отловил беса пустынь и заставил его их охранять. Тот на всякий случай в одну из своих отлучек выкрал отсюда амулет, с помощью которого может в любой момент избавиться от Бога, заставляющего его пасти своих драконов, как какого-то пастуха. Вопрос: почему он за столько лет...

– Веков, – проронила внимательно слушавшая его Маэда.

– Почему он так и не воспользовался Рукой Воина за все это время?

Дерхелла мило улыбнулась и сказала:

– А может, ему просто нравится пасти драконов, милорд? Этакая сельская идиллия после мятежей, которые он вселяет в души. Я знала многих, кого после боев тянет на зеленые лужайки...

И она лукаво стрельнула глазами в сэра Ардульфа. Рыцарь тотчас галантно осклабился и радостно засопел. Герцог Де Лабри кивнул:

– Что ж, остается только узнать, как и когда вы собираетесь испробовать амулет на подлинность.

Все ведьмы как по команде обратили взоры на самую юную свою представительницу.

– Можно хоть прямо сейчас, милорд, – помолчав, отозвалась Гальда. – Я вас направлю, а почтенная Маэда мне подскажет то, что я не знаю. А как, вы увидите сами.

– Может, проще самой почтенной Маэде направить меня? – отозвался он.

Девушка казалась слишком юной. Тонкая фигура, явно не сформировавшаяся, страдальческие тени под огромными глазами, детский излом припухлого рта... и даже взрослое платье с огромным декольте не прибавляло ей годов. В то время как по представлениям Сергея ведьма непременно должна быть суровой дамой на излете лет, с горбатым носом и брежневскими бровями... то есть как раз такой, какой была Маэда.

Гальда с сожалением качнула головой:

– Увы, милорд. Здесь только я являюсь действующей ведьмой, поскольку не из этого города и амулеты Дригар, имеющиеся тут, на меня не действуют.

Девочка-ведьма оглянулась, послала в сторону подоконника взгляд, полный затаенного испуга:

– Прежде чем надевать пер... Руку Воина, вам следует ополоснуть руки после еды,

милорд.

Видимо, мажордом подслушивал за дверью, потому что влетел в комнату почти сразу же после этих слов. Несколько охов, три хлопка в ладоши – и в комнату забежали двое слуг. Один торжественно, словно хоругвь, нес перед собой вышитое полотенце, другой с трудом тащил таз, наполненный до краев ароматизированной водой.

Сергеа медленно натянул перчатку на только что вымытую руку. И опять единственным его ощущением стала необычайная яркость и ясность в окружающей обстановке.

Гальда встала, обошла стол и опустилась перед ним на колени. Маэда тут же присела на корточки рядом с ней.

– Протяните руку перед собой, милорд. Ладонью вверх.

Он подчинился, ощущая только жгучее любопытство. Сейчас он станет свидетелем магического обряда...

Гальда с минуту смотрела в середину его ладони, слушая Маэду, быстро шептавшую ей что-то на ухо. Серега наострил уши, но не понял ни слова из –ее стремительно текущих фраз. На обычный нибелун-гский язык не похоже. Возможно, профессиональный сленг? У специалистов узкого профиля, к которым вполне можно отнести и ведьм, это было принято.

Гальда подняла на него широко распахнутые глаза:

– Милорд, вы и сами можете пробудить перчатку. Просто мысленно пожелайте что-нибудь. Именно мысленно.

– А пределы желаемого?

Ведьмы посмотрели на него с нехорошим интересом. А Маэда снизу сказала скрипучим голосом:

– Разумеется, милорд и тут в своем праве. Все, что угодно нашему молодому хозяину, по идее должно быть выполнено...

Ну, Серега и пожелал. Но ничего не произошло.

Гальда серьезно на него посмотрела, потом повернула к старой ведьме голову и что-то прошептала. Маэда оглушительно фыркнула.

– Милорд, если вы хотите вернуть старой ведьме молодость, так для этого не надо утруждать перчатку...

Девчонка прочла его мысли, как раскрытую книгу. Стало быть, это входит в понятие «действующая ведьма». Он вздохнул, делая в памяти очередную зарубку, и перевел взгляд на Маэду. И тут черты до крайности несимпатичной старухи – можно сказать, классической ведьмы – вдруг дрогнули, задвигались, заплясали... Серега моргнул, взгляделся в Маэду.

Присев на корточки, на него смотрела снизу вверх Снежная Королева в пору своей арктической юности – лицо с белой кожей, широко расставленные огромные глаза с разлившейся темной водой зрачка так, что белков почти не видно. Красный цвет на ее губах выглядел точно запекшаяся кровь. Густые черные волосы лежали объемными тяжелыми прядями, заключая лицо как в раму.

Он облизал пересохшие губы. И тут краем глаза заметил, что все остальные продолжают с интересом смотреть только на него. И Клотильда тоже. По четко очерченному лицу девушки пробежала тень беспокойства, но по ее взгляду было видно, что относилось это беспокойство только к нему.

Получается, преображенную Маэду видел он, и больше никто. Все остальные изменений в ведьме не замечали. Иначе наблюдалась бы хоть какая-то реакция, особенно со стороны капитана стражи и сэра Ардульфа. С их стороны вообще должна была наблюдаться очень

даже недвусмысленная реакция... А тут все сидят в полном покое и неподвижности, как статуи на соборе Парижской Мамы.

Лицо Снежной Королевы сдвинулось, заплясало.

На полу снова сидела уродливая старуха, из которой только что песок не сыпался. Что было маской— лицо Снежной Королевы или же лицо старой ведьмы? И что прятали под своей внешностью остальные ведьмы?

Хотя они-то как раз могли ничего и не прятать. Нельзя же обобщать один частный случай.

Но в одном Сергей был уверен. Снежная Королева, вернее, ее лицо, заключенное, как в раму, в полукружья смоляно-черных волос, — это ему не привиделось. Хотя, возможно, долго еще будет видеться — к примеру, в снах...

Он продолжал сидеть как зачарованный, пока Гальда робко не дотронулась до его левой руки. До той, на которой не было перчатки.

— Милорд... Мы с Маэдой забыли вам сказать. Если это та самая Рука Воина, то она не для... Она для великих свершений, понимаете? Желания надевшего ее должны быть велики — под стать ее силе.

— Стало быть, омолаживание ведьм в обязанности Руки Воина не входит? — спросил Серега, хотя уже знал ответ.

Герослав у него за спиной тихо засмеялся. Капитан стражи и сэр Ардульф сидели напряженно, с надутыми физиономиями. То ли блюли дисциплину перед лицом отца-командира, то ли и впрямь ничего глупого в его словах не находили.

В отличие от него самого.

— Хорошо, и что же мне такого глобального пожелать?

Он неосознанно сжал правую руку в кулак. Гальда потянулась к его пальцам, с трепетом начала их расправлять. Посоветовала шепотом:

— Пожелайте увидеть наш мир, милорд. Снаружи. — И Серега пожелал.

В центре потертой кожаной перчатки вздулся крошечный мыльный пузырик. Пузырик весело качнул переливчатым радужным бочком и начал расти, колыхаясь и отсвечивая цветными разводами.

Спустя несколько мгновений Сергей держал на ладони небольшой шар, внутри которого светилась хрустальная дымка, как будто шар был наполнен прозрачной чистой водой или весь отлит из хрусталя. И при этом шар совершенно не ощущался на руке, оставляя впечатление полнейшей своей невесомости.

А внутри, в центре, парил крохотный шарик планеты — в розовой дымке атмосферы, в фиолетово-голубых разливах океанов. С его стороны шарик пятнал аквамариново-зеленый лоскут материка и изумрудная россыпь крошечных точек вокруг него. Значит, империю-материк Нибелунгию окружают острова. С левого бока на шарик планеты напозала темная линия терминатора.

Клоти за плечом испустила восхищенный вздох.

— И что теперь? — спросил он. Будничным тоном вопроса совершенно не вязался с тем чудом, которое покоилось сейчас на его руке.

Точнее, на перчатке.

Маэда, вытянув длинную худую шею, не отрываясь глядела на хрустальный шар, заключающий внутри себя ее планету.

— Пожелайте, милорд, — напряженно зашептала она, — чтобы мы увидели места, где есть

амулеты Дригар.

– Желаю, – нахально заявил Сергей.

И увидел потрясенно, как по зелени материка зажигаются крохотные алые искры – тончайшие, тоньше среза человеческого волоса. Их было удивительно много, зелень материка потемнела под облаком алых искр.

– А теперь, милорд, все в вашей власти, – с хрипотцой в голосе заявила ведьма Маэда. – Попробуйте пожелать, чтобы...

– Осторожнее со словами, сестра. – Дерхелла вмешалась в разговор неожиданно. В голосе ее слышались указующие нотки, которых прежде не было.

Сергей глянул в сторону двух оставшихся ведьм. И Дерхелла, и Максус сидели подавшись вперед. На лицах обеих было странное выражение.

Он вдруг пожелал узнать, не скрывают ли и эти ведьмы свои настоящие личины.

И снова прилив ясности почти ослепил его – лица двух ведьм странно подернулись, на мгновение заволклись дымкой...

И он увидел.

Лицо довольно симпатичной Дерхеллы превратилось в странный сплав кошачьей морды и человеческого лица. Лицо Максуса, ведьмы среднего возраста, преобразилось в нечто несшее на себе печать одновременно и красоты и уродства. Изгиб изящного пурпурно-черного рта, из которого торчали кончики четырех сиреневатых клыков, соболиный изгиб брови, но с кисточками на концах, нежнейший овал лица, поросший по скулам опалового цвета шерсткой – но под шерсткой переплетались и змеились отвратительные красно-синие рубцы, до ужаса похожие на червей, заползших под кожу...

Сергей слотнул и торопливо перевел взгляд обратно на шар. Пятнышко материка по-прежнему было затенено облаком алых искр.

Хорошенькую же галантерейную продукцию выпускали здесь в древние времена...

Гальда? Сергей поморгал, всмотрелся в ее лицо, покрытое разводами сходящих синяков. Ничего. Получается, она единственная имеет настоящее лицо, а не личину, скрываемую под маской обычного человеческого лица.

– Ты права, сестра, – свистящим шепотом согласилась Маэда. – От слов зависит многое. А что, если так: да исчезнет сила амулетов Дригар...

– Навсегда! – басом добавила сбоку леди Клотильда. И радостно хлопнула Серегу по плечу.

Маэда ехидно скривила тонкогубый старческий рот, утыканный веером морщин, спускавшихся с носа и щек.

– Прямолинейная леди, да? Что ж, слово «навсегда» тут тоже не помешает.

– Это значит, что из наших книг могут исчезнуть все записи об амулете Дригар, – дрожащим голосом вмешалась юная ведьма Гальда.

– И пусть исчезнут, – поспешно ляпнул Сергей. – Зачем вам эта головная боль?

Гальда посмотрела на него с укоризной. Маэда тоже.

– Милорд, даже самая маленькая часть наших знаний священна и дорога нам. Кроме того, один раз решившись уничтожить амулет Дригар, мы уже никогда больше не сможем использовать его против... э-э...

– Друг друга, – закончил за нее Сергей. – Действительно, вот потеря какая!

Маэда скрипучим голосом сказала:

– Тут есть над чем подумать...

И в комнате воцарилась тишина. Сергей посмотрел на одну, на другую и довольно звучно скрипнул зубами:

– Значит, так, девушки. Должен заметить, что ваши интересы меня волнуют мало. В отличие от прочих обитателей замка. Вы в этой истории – всего лишь наживка... Если кого интересует, что это такое, пусть спросит у капитана, он наверняка знает.

– Червячок, – пробормотал капитан стражи с другой стороны стола, – его сажают на крюк, чтобы поймать большую рыбку в мутной воде.

Сергей кивнул:

– Именно. В данной ситуации сожаления по амулету Дригар становятся плачем червяка по рыбке, которая на него уже точно не клюнет.

И уже мысленно он добавил: так что пусть сила амулетов Дригар исчезнет, и навсегда...

И любовался, картинно отставив руку, как неторопливо гаснут алые искры, плотно обложившие материк-империю Нибелунгию.

Маэда обиженно фыркнула, быстро поднялась с корточек, трясущимися (то ли от старости, то ли от горести по амулету) руками оправила помятую юбку.

– А что дальше? – негромко спросил Герослав сзади.

– А дальше – й-хондрики, – решил Сергей. – Дамы, как нам расправиться с этими зверями? А то я сам такого вам тут наворочаю, что и нынешнего вашего Бога не станет...

– Не кощунствуй, сэръ Сериога! – строго оборвала его Клотильда. – Не может простой человек угрожать Единому, какие бы бесовские амулеты ему ни подсунули силы неведомые!

– Ага, ну конечно...

Гальда тихонечко поднялась с колен, пошатнулась, будто от внутренней боли. Тут же рядом обозначился Герослав, испуганно поддержал ее под локоть.

– Нет, ничего. – Она отблагодарила Герослава робким наклоном головы, потом обернулась к Сергею. – Я предложить вам хочу, милорд... Попросите Руку Воина показать, есть ли сейчас в нашем мире й-хондрики. Может, так вы сможете решить...

Он пробормотал просьбу. Но шар остался таким же, каким и был. Гальда подошла к кучке из трех ведьм и уже оттуда сказала:

– Мы это все обсудим, милорд. Вам сообщим. Маэда, осуждающе глядя на него, скрипуче пролаяла:

– Только больше не решайте ничего в одиночку, милорд наш юный герцог!

И все четыре ведьмы поспешно вышли, вполголоса обсуждая что-то между собой.

Сергей шевельнул рукой, на которой по-прежнему покоился невесомый хрустальный шар с начинкой внутри, просительно воззвал:

– Эй! А что мне делать с этим...

Капитан стражи поглядел на него круглыми глазами. «Я для него сейчас как обезьяна с гранатой в косматой лапе, – осознал вдруг Сергей. – Вооружен и очень опасен...» Капитан, как человек военный, раньше всех остальных понял, что в комнате находится неуч с неведомым оружием в руках, опасаться которого следует не только врагам, но и друзьям. Бравый вояка быстро и осторожно отодвинулся на своем стуле от стола, встал и четко доложил:

– Ну, мне пора. Позвольте идти, милорд? А то дела, знаете ли, стража, караулы на башнях еще не проверены...

И он удалился, не дожидаясь знака со стороны Сергея, по привычке вытягивая носок при ходьбе и четко печатая шаг.

– Н-да... – протянул Герослав. – Сдрейфил наш капитан перед неведомой магией, дрогнула душа старого вояки... Хотя наш юный герцог действительно может устроить общую могилу прямо в этой комнате, поскольку общаться с чудесной игрушкой пока не научился.

Сергея поглядел на дверь. Не будь он главным действующим лицом в этой истории, с удовольствием оказался бы сейчас подальше отсюда. Вместе с леди Клотильдой, разумеется.

Сэр Ардульф сидел неподвижно и смотрел на Сергея честным преданным взглядом идущего на смерть паладина. Клоти тоже не двигалась с места, искоса глядя на него с мрачно-торжественным выражением на лице.

– Герои! – едко заметил Герослав. – Сэр Сериога, тебе достаточно просто мысленно приказать. Пусть твое оружие уберет панораму нашего мира. Иними ты ее, ради Единого...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Стрелка» по-рыцарски

Наступило утро следующего дня. Ведьмы на глаза Сергею не показывались, прячась в отведенных им комнатках. Устав слоняться по замку – овал массивных крепостных стен, посередке каменное здание в три этажа и два крыла, по всем сторонам от здания службы, дворы, конюшни, – Сергей забрел на конный двор. И, завидев общество упражняющихся рыцарей, изъявил не слишком горячее желание постичь кое-какие азы рыцарской науки.

Лица сэра Ардульфа и еще десятка рыцарей, разгонявших скуку драчкой на мечах, мгновенно прояснили. Пока Серега соображал, во что же он, собственно, вляпался, его уже нарядили в какой-то доспех и всунули в одну руку меч, а в другую — длинный кинжал, объяснив, что этим он должен защищать левую сторону тела вместо щита. Под тяжестью доспеха колени выказывали сильное желание подогнуться, шею жало стальным воротником, и под лучами палящего солнца стальные пластины быстро превратились в одну отдельную мини-парилку для одного отдельного тела.

А потом два азартно хэкающих рыцаря принялись гонять его по пятаку вымощенного камнями конного двора, с искрами вбивая мечи в брусчатку слева и справа от него. Рядом все время болтался сэр Ардульф, с интонациями футбольного комментатора объясняя своему герцогу, какой удар был нанесен в данный момент да как его следовало парировать. Сергей, стиснув зубы и стараясь не обращать внимания на голос, назойливо лезущий в уши, прыгал и неумело махал мечом. Раза два ему плашмя наподдали в бок и по плечу. И каждый раз, когда удавалось поймать удар чужого меча на широкую гарду кинжала, кисть левой руки охватывала боль отдачи.

Он бы давно уже бросил это дело, но взгляды рыцарей были направлены на него. А сэр Ардульф то и дело скупно нудил, называя его молодцом, бьющимся на зависть всем простолюдинам, что заставляло Сергея морщиться от сомнительности комплимента. При таком раскладе он не мог заявить, что устал и хочет прекратить тренировку, – это тут же ляжет на его репутацию пятном грязи размером с Тихий океан. Слабость здесь считается самым большим недостатком.

И Сергей терпел, стиснув зубы. Да и фамильную гордость пора было начинать в себе воспитывать – как-никак герцог. А герцогу не следует позориться перед лицом всех сэров своего замка...

Солнце продолжало палить.

Он уже начал хватать ртом воздух, когда сэр Ардульф наконец сжалился над ним и с глубоким поклоном предложил милорду передохнуть. Рыцари, почтительно освободившие для его упражнений весь конный двор, сидели сейчас на двух куцах скамеечках, установленных в благодатной тени. При приближении Сергея они подвинулись, высвобождая место. Он встретил их взгляды – любопытствующие, заинтересованные, слегка насмешливые – и измученно улыбнулся в ответ. Слава богу, враждебно не смотрел никто. Скорее добродушно, как на щенка, лезущего к взрослым собакам. При этом на бородатых и плохо выбритых лицах сохранялась должная почтительность. Сергей доковылял до затененного угла двора, с облегченным вздохом повалился на голую доску – и тут же с придушенным воплем вскочил. Край пластинчатого доспеха с размаху вошел в бедра.

Пока сэр Ардульф, гнусно хихикая в сторону, показывал ему, как следует отогнуть

пластинки, чтобы иметь возможность опустить на скамейку собственный зад, не переломав при этом ноги, Сергей тоскливо обдумывал создавшееся положение. Бурление городской голытьбы под стенами становилось все более активным, время от времени по стенам и воротам молотили камни. До высоты крепостных стен, впрочем, они не долетали, зато благодаря этому стража на стенах держалась начеку. Стадию пассивного наблюдения группами оборванцев за воротами замка мятеж уже миновал. Теперь под воротами замка постоянно находились люди из городского ополчения, вооруженные не только камнями, но и дешевого качества мечами и копьями.

Лица людей, находившихся в заточении в замке, были более чем красноречивы. Сергей еще в первый день своего появления в Дебро поинтересовался, почему гарнизон замка вместе с его рыцарской дружиной не выйдет из ворот и, так сказать, не подавит мятеж в зародыше. Ответ соответствовал тому, о чем он уже догадывался.

Капитан стражи печально покачал головой и сообщил:

– Милорд, это город. В чистом поле рыцарская дружина встала бы в центре, я выстроил бы своих стражников по флангам, чтобы они подгребали отребье, которое будет разбегаться по сторонам... И победа непременно была бы за нами! Но в городе дружина на тяжелых конях может идти колонной только по двое в ряд – и с крыш закидать их камнями проще простого... В нормальное время мы вызвали бы подкрепление из других замков милорда, взяли бы их в кулак и устроили зачистку плотной цепью по всем • кварталам.

– Так в чем дело? – нахмурился Сергей. – Вассалы, кажется, должны являться по первому зову на помощь господскому замку...

Капитан набычился и сказал:

– Я уже посылал гонцов, милорд. Вернулись только двое – остальных, похоже, мы уже и не увидим. В общем, милорд, вассалы заявили, что сами находятся в осаде. И это действительно так. И что они не прочь бы и сами претендовать на помощь своего сюзерена и господина, поскольку он обязан приходить им на помощь в тяжелые дни. Их можно понять, милорд, у всех в замках семьи, нажитое имущество.

– Из чего я делаю вывод, – стараясь казаться спокойным, произнес Сергей, – что дружины и отряды стражи в замках немногочисленны.

Капитан пожал плечами:

– Милорд, эти простолюдины не знают, что такое благородный бой! А как они справляются с рыцарями? Разбегаются в стороны, а потом окружают его, как волки. И бьют сзади по затылку дубиной. И при этом обязательно четверо на одного. Слов нет, тяжеловооруженный рыцарь сокрушит простолюдина с одного замаха, но ведь тот-то без доспехов, крутится, не стоит на одном месте, бегает, все время норовит заскочить в тыл. Тактика трусов. А дружины и стражников в замках ровно столько, сколько может прокормить хозяин замка. Обычно один человек на десять работающих на полях смердов. В небольшом замке человек тридцать стражников и человек пять рыцарей. В крупном – до десяти дюжин стражников и около тридцати рыцарей. У нас, милорд, – тут в тоне капитана прозвучала гордость, – сто пятьдесят стражников и пятьдесят рыцарей. Но это потому, что Дебро – богатый торговый город.

– Понятно, – пробормотал герцог Де Лабри, только сейчас начавший познавать кое-какие тонкости науки богатого землевладельца и феодала. – Значит, подавить мятеж прямо сейчас мешают различия в тактике плюс различия в численности.

Капитан обрадованно кивнул:

– Правильно, милорд. Если хоть один замок не был бы осажден мятежниками, то дружина, выйдя на помощь другому замку, могла полностью изменить ход событий. Скорый марш, удар в тыл мятежникам, дружина в осажденном замке тут же открывает ворота и выходит в поле, распределяясь в строй надвое... Мятеж разгромлен, затем можно пойти на помощь следующему замку. И так далее. А правильно подавленный бунт надолго успокаивает голытьбу.

– И освобождение замков расходилось бы как круги по воде...

– Да.

– А что означает правильно подавленный мятеж? Я имею в виду, это казни, прочее...

По бородатому лицу капитана поползло неподдельное удивление.

– А как же иначе, милорд?

Сергей помрачнел и пробормотал:

– Действительно, как же иначе...

...Сейчас он с некоторыми затруднениями расположился на скамеечке и задумался. Если он сумеет защитить этот замок – и леди Клотильду, и мальчишку, которого объявил наследником этого герцогства, и всех остальных, кто живет здесь и рассчитывает на его помощь, – то это почти наверняка обернется жестокой бойней для простонародья. Именно это удерживало его от того, чтобы натянуть пресловутую Руку Воина и, пожелав себе немедленной и бескровной победы, вывести стражников и рыцарей замка за ворота на штурм мятежников.

И запрети он командным голосом избиение плохо вооруженных низших слоев, даже простолюдины его не поймут. И в наказание за мягкотелость тут же могут взбунтоваться снова. Те времена, те нравы.

Да и неизвестно, каким путем Рука Воина обеспечит своему хозяину немедленную и бескровную победу. Чума и моровая язва, к примеру, тоже совершенно бескровные болезни...

Тут тягостные размышления Сергея были прерваны появлением во дворе леди Клотильды. Могучая блондинка, натягивая на ходу перчатки, больше похожие на автомобильные краги начала прошлого века, вышла из-за угла главного здания. Взгляды всех рыцарей как по команде обратились на нее, а смешочки и обсуждение достоинств прочих багородных обитателей замка тут же прекратилось.

Зато вполголоса было произнесено несколько очень даже соленых эпитетов в адрес самой Клоти...

Герцог Де Лабри ощутил вдруг жгучую ревность. Он и не полагал, насколько сильным может быть это незатейливое чувство. Но, черт побери, он же отец-командир в этом замке. И может позаботиться о том, чтобы как минимум в его присутствии подобные аспекты Клотильдиной внешности не обсуждались.

– Сэр Ардульф!

Рыцарь немедленно покинул свой конец скамейки и материализовался перед ним, как бесплотный дух из фэнтезийных романов.

Сергей уперся в него долгим, пронизывающим взглядом. Он мог бы смотреть так еще очень долгое время, но, к сожалению, леди Клотильда уже приближалась.

– Скажите, сэр Ардульф, в этом замке принято выражать свое восхищение дамами именно так?

Сэр Ардульф непонимающе смотрел на него. Рыцари, сидевшие рядом с герцогом,

начали понемногу подниматься и предусмотрительно собираться в кучки по обе стороны скамейки. Кто-то, кто соображал побыстрее Ардульфа, торопливо пробормотал извинения.

– Если я снова услышу такие слова в адрес леди Клотильды... как вы думаете, сэр Ардульф, что я сделаю? – По правде говоря, Сергей абсолютно не знал, что сделает, услышь он излишне красочное восхищение достоинствами леди Клотильды еще раз.

– Уволите со службы, милорд? – дрогнувшим голосом предположил сэр Ардульф.

– Кого ты собрался увольнять, сэр Сериога? – заинтересовалась подошедшая сзади леди Клотильда.

Сергей улыбнулся девушке. Кудлатая голова леди сияла отблесками полуденного светила, яростно-голубые глаза, просвеченные насквозь ярким светом, казались прозрачными, как вода в чистейшем ручье.

– Никого. Мы с сэром Ардульфом прекрасно поняли друг друга, не так ли?

– Так точно, милорд! – рявкнул с явным облегчением седовласый вояка. – Больше некуртуазных... то есть неполитесных... то есть таких слов о леди Клотильде больше не будет! Разрешите быть свободным, милорд?

Сергей кивнул. Рыцари дружно потянулись со двора, сохраняя благоразумное молчание и не оборачиваясь, к радости своего милорда, потихоньку начавшего придвигаться к леди.

Клотильда, выжидательно подняв соболиную бровь, поглядела на него.

– Так, мужские разговоры... – неопределенно сказал Сергей.

Клотильда звучно фыркнула. В конюшнях в ответ на это фыркание печально заржал чей-то конь. Вполне возможно – черный битюг леди.

– Стоять за честь мою – труд для тебя совершенно напрасный, ибо я и сама могу...

– Клоти, – с нежностью в голосе оборвал ее Сергей, – помолчи, а?

Клоти ухмыльнулась:

– Не знаю, в кого ты хочешь превратить своих рыцарей. Мужчина, не говорящий про женские прелести, – не мужчина. А что ты так на меня смотришь? Я, слава Единому, достаточно пожила со своими братцами и знаю, в какую сторону развязывается мужской язык, когда во двор входит женщина. Хоть я и не красавица... – И Клотильда гордо повела головой, выпрямив плечи.

«Нет, красавица!» – завопил про себя Серега, глядя, как черный бархатный камзол без рукавов, надетый сегодня Клотильдой поверх простой белой рубахи, обтягивает две крепкие чаши спереди, нахально приподнимающиеся от движения плеч. И как радостно изгибаются темно-розовые четко очерченные губы, показывая краешек ряда из белоснежных зубов.

– Но мужчины, – продолжила леди, – как говорит мой опыт, о любой рады посплетничать и некуртуазно, как выразился твой рыцарь, припечатать ее прелести. Знаю я, о чем они тут болтали, когда я появилась!

Оценивают – ну и... этот самый с ними! Лишь бы сплетен не распускали, а то они и на это способны. Э-э... что-то отвлеклась я от цели своего прихода. Вообще-то я за тобой, сэр Сериога. Идем, ведьмы зовут.

Она развернулась и зашагала обратно к тому углу, из-за которого вышла. Сергей пристроился рядом.

– Клоти, э-э...

Какую бы тему для разговора найти? Наконец-то он мог ее видеть, слушать, смотреть на нее. А еще идти рядом, ненароком касаясь рукой то локтя, то кисти...

Все эти два дня леди Клотильду он видел только за столом в обеденной зале – остальное

время ры-царша была недоступна. То она чистила в конюшне или выезжала своего битюга, и Серега малодушно боялся приблизиться к даме своего сердца. Черный зверь заимел в последнее время привычку махать копытами во все стороны, попадая чаще всего именно в ту, где находился он. Зверь, многими ошибочно принимаемый за обычного коня, очень даже явно недолго любил очередного претендента на внимание своей хозяйки. И, похоже, ревновал. В остальное время леди Клотильда махалась на конном дворе с другими рыцарями – в этом случае каждая попытка Сергея приблизиться к ней оборачивалась еще одним уроком рыцарского мордобоя или мечебоя. А еще она инспектировала оружейную где-то в неизвестных глубинах замка или вообще попросту пропадала, и никто из слуг, к расстройству Сереги, не знал, где обретается мускулистая блондинка...

– А у тебя были только братья? Сестер не было?

– Имею целых две сестры я, сэриога, – оживленно перебила его Клотильда, – это помимо шестерых моих братьев.

Так Клотильда из многодетной семьи? И какие у нее братья и сестры?

– Братцы мои, э-э... все достойные рыцари. Как и я, все странствуют. После смерти родителей мы все разлетелись. Дома нам всем как-то... как-то неуютно.

А говоря точнее – голодно, предположил Сергей. Он помнил, что могучая красавица Клоти происходила из обедневшего к этому времени аристократического рода. От прежних владений остались только замок да кладбище с могилами надменных предков.

Надо будет собрать ее родственников здесь, в Деб-ро. Дать им какие-то посты... лучше всего в отдаленных замках, решил он. В конце концов, у него их теперь целых одиннадцать, если верить словам мажордома. Ни к чему иметь под боком шестерых здоровенных братцев, когда мечтаешь об их сестрице...

– А две сестры, обе младше меня, живут в нашем родовом замке. Мы все, когда можем, посылаем им небольшие денежные средства. Вообще-то они уже вошли в брачный возраст, но...

Но у них нет приданого, закончил про себя Серега. И потому они никому не нужны – в эпоху тотального отсутствия противозачаточных средств браки означают большую семью (непременно! Если только один из супругов не страдает бесплодием). Для выживания необходимо, чтобы и жена внесла свой вклад в семейную копилку. Бывают, конечно, случаи безумной страсти, вспыхнувшей у богатого лорда к бедной бесприданнице, но это скорее исключение, чем норма.

К тому же сбрендивших богатых лордов на всех бесприданниц не хватает.

– Имена их – Леотильда и Бунильда. Леотильда, та постарше. Они обе, если мы находим возможность прислать им в замок сукно, шьют для нас одежды. Обращаться к портным для нас дорого. Помнишь мой плащ имратинского шелка? Счастье, что не потеряла я его в твоём мире! Сшит он руками нежнейшей Буни-льды. Знаешь, сэриога, – Клотильде повернулась к нему на ходу, – всякий раз, когда я вижу, как мои сестры орудуют иголками, у меня сердце сжимается!

У Сереги оно тоже сжалось – в тоне Клотильды слышалась неподдельная горечь.

– Почему, Клоти?

– Так они же уколотся могут! – мрачно сказала Клоти. И замолчала, печально о чем-то задумавшись.

К его удивлению, она свернула не к главному зданию, а к надвратной башне. Ступеньки закрипели, принимая на себя тяжесть могучей леди. Сергей вслед за ней поднялся по

башенной лестнице.

По стенной галерее над воротами прогуливались ведьмы – строем по двое, под ручку. Чуть поодаль стоял оборотень.

– Ну, – бодреньким голосом начал Сергей, – какие предложения?

Гальда отцепилась от руки Маэды и серьезно посмотрела на него.

– Милорд. Мятежи мы утихомирим. Сила заклятий ведьм велика – и против нас не пойдут. Нужно только совсем немного времени, чтобы в городах и деревнях все уяснили, как они теперь должны поступать...

– Все ли ваши сестры теперь в безопасности? – помолчав, спросил герцог Де Лабри, перевоплощаясь в заботливого хозяина. – И, надеюсь, они не собираются слишком уж увлекаться ответной местью поселянам?

Герослав, подошедший поближе, пробормотал:

– Бойся ведьм всяк, им пакостящий...

Маэда обозначила легкий поклон и проскрипела:

– Мы пока только решаем... Возмездие должно запомниться им на долгие века!

– Действительно, – согласился с ней милорд. – Но, надеюсь, все помнят, кому они обязаны своим освобождением от подлых фрицев? Это я про амулеты Дригар глаголю.

Дамы дружно кивнули, глядя на него не слишком благосклонно.

– Предлагаю всем лицам мужского пола, достигшим совершеннолетнего возраста, подарить по неделе тяжелейшего поноса. Мало?

Дамы решительно закивали.

– Тогда по две.

– Преступления, совершенные против нас, не сравнишь даже с годом поноса! – рявкнула Дерхелла.

Он внимательно посмотрел ей в лицо – к счастью, сегодня изменений «милых лиц» не наблюдалось. Может, потому, что перчатка преспокойно лежала у Сергея в боковом кармане облегающих серых штанов со шнуровкой по бокам.

Сергей мимоходом подумал, что не помешало бы пригласить сюда нежных сестриц Клотильды, поскольку он отчаянно нуждался в гардеробе более скромном, чем те роскошные костюмы, что предлагал ему мажордом. Большую часть из них густо украшали шитье и кружева. И – самое страшное – на многих были нашиты по последней моде объемистые и торчащие вперед гульфики. Сергей с некоторым содроганием узнал, что здесь гульфниками являлись очень интересные и очень большие лоскуты ткани, нашитые на причинное место. И одновременно эти клювовидные накладки служили карманами и кошельками.

Пока он предавался своим воспоминаниям о местных гульфниках, ведьмы достаточно враждебно смотрели на него – за исключением, пожалуй, Гальды.

– Могу предложить вам альтернативу, – любезно прожурчал опомнившийся Сергей, – э-э...

И тут его осенило.

– Послушайте, уважаемые. Ведь виноваты не все, а только те, кто чувствовал к вам злобу. Нельзя ли так составить заклинание... гм... чтобы именно эта злость и стала их наказанием?

Ведьмы смотрели недоуменно, непонимающе.

– Как бы вам объяснить... Ведь если наложить на них заклинание, которое запретит им проявлять свою злобу...

– То вся она останется при них, – продолжил его мысль Герослав, – и будет сжигать их изнутри, и особенно горько им будет оттого, что злоба у них есть, а вот излить ее никак не удастся...

– Заткнутый фонтан, – пробормотал Сергей. – Мечта Козьмы Пруткова.

Маэда очень-очень медленно воздела вверх указательный палец и тяжело проскрипела:

– Мысль твоя, юный герцог... достойна того, чтобы ее обдумать.

– Вот и обдумайте, – бодренько посоветовал им Сергей. – А засим есть ли предложения, как избежать нападения й-хондриков, милые дамы?

– Мы посоветовались и решили, милорд, – кротко сказала Гальда после короткой паузы, – что й-хонд-рики и амулеты Дригар могут быть не единственными бедами, которые в состоянии обрушить на нас палагойцы. Как вы знаете, они пришли к нам из очень древних времен... простите, милорд, это не обвинение. Серега, некогда вместе с леди Клотильдой освободивший орден Палагойцев от Проклятия замка Че-хура – и таким образом обеспечивший их возвращение в этот мир, – промолчал. Увы, дорога в ад вечно вымощена благими намерениями. Не воспылай в свое время Клотильда состраданием к куче рыцарей, страдающих от адских мук в загадочном безвременье, созданном силой заклятия в районе замка Чехура, была бы сейчас в Нибелунгии тишь да гладь...

Хотя кто его знает, какие беды обрушились бы на Империю Нибелунгов взамен этого. Вполне возможно, что, не появившись здесь орден Палагойцев, случилось бы что-нибудь совершенно иное. Скажем, феодалы взбунтовались или появился бы кто-то, возжелавший сесть на престол вместо законного малолетнего императора и с этой целью устроивший в стране сплошные казни египетские и избиения младенцев... Гальда сказала печальным тоном: – Они наверняка хранят много заклинаний, которые в прежние времена были абсолютно бесполезны, потому что против каждого имелось противоядие. Мы, ныне живущие, с течением времени забыли и те заклинания, и противодействующие им, поскольку ни те, ни другие не использовались. А они могут помнить.

– Короче, – медленно сказал Сергей, – вы предлагаете атаковать не й-хондриков, а их причину – палагойцев.

– Да, милорд.

– А как именно? Или у вас нет конкретных предложений?

– Почему же, милорд?! – нахально сказала Дерхелла и заняла позу, при которой все ее округлости вдруг разом выпятились. – Мы считаем, что вы просто должны восстановить Заклятие замка Чехура. Рука Воина это может – и это было бы лучшим решением...

Сергей задумался. Произнести всего несколько слов и разом восстановить былой статус-кво. И никаких тебе палагойцев, никаких возможных неприятностей от них...

Вот только злодеи, злоумышлявшие против нынешнего существования Нибелунгии, были людьми. Напуганными, действующими подло и вероломно, но – людьми по крови и плоти. Он с неприятными ощущениями в животе припомнил зрелище пыток, которым подвергались палагойцы в замке Чехура, пока Заклятие... или Проклятие замка действовало.

На войне, как на войне, попытался убедить он себя. Увы, не помогло. Вернуть живые существа в тот ад, из которого он их выгасил... чтобы решиться на подобное, следовало быть совершенно другим человеком.

А Серега был таким, какой он есть.

– Я тут подумал... – протянул он. – А не пора ли мне нанести визит главному прапорцу их ордена?

И, не слушая возражений, сиятельный герцог Де Лабри развернулся «кругом через плечо», а затем направился к башне размашистой походкой – поразмышлять на свободе о только что объявленном решении.

* * *

Леди Клотильда, косясь на него злобным взглядом, до ужаса напоминающим взгляды ее черного жеребца, рывком поправила на нем кольчугу и подтянула ворот поближе к шее, едва не придушив при этом.

– Не сердись, Клоти, – попросил он, едва отдышавшись после трогательной Клотильдиной заботы, – пойми, тебе совершенно незачем идти со мной. Драться я с ним не собираюсь. Просто один юный сэръ собирается встретиться с одним благородным старцем для крайне волнительной беседы...

Вместо ответа Клоти швырнула ему на правое плечо петлю наплечной перевязи и рывком затянула ременную застежку – да так, что Серега снова едва не задохнулся.

– Клотильда, ты не должна сердиться... Нет, ты не можешь сердиться! В конце концов, я мужчина, а мужчина имеет право...

Договорить, на что мужчина имеет право, он не успел – Клотильда хлопком развернула его спиной к себе и с лязгающим звуком прицепила к ушкам на перевязи длинные ножны эльфийского меча. Палагойский клинок, меч рыцарей-колдунов, Сергей решил с собой не брать, ограничившись на этот раз эльфийским. В памяти свежи были воспоминания о том, как палагойский меч неожиданно одухотворился духом святого Милгота. И кто его знает, какие еще глубины скрываются в оружии рыцарей Палагойского ордена – вдруг клинок не пойдет против своих бывших хозяев...

Думая так, Сергей признавал как минимум частичную одушевленность этого меча. Вариантов, как это будет проявляться, было неисчислимое множество – меч способен неожиданно вывалиться из его руки, повернуться не туда, задеть не то место...

Клотильда закончила одергивать и поправлять его снаряжение, а затем молча вышла из комнаты, очень аккуратно прикрыв за собой дверь.

«Лучше бы она ею хлопнула», – горестно подумал Сергей. Когда разгневанная женщина так обращается с дверью, значит, чаша ее гнева переполнена аж до самых краев и даже переливается. И стало быть, предмету ее злости следует заранее попрощаться с надеждами на скорое прощение...

Сергей натянул на кисть Руку Воина и мысленно попросил доставить себя в ту точку и место, где находился главный прапор ордена Палагойцев.

Что-то мелькнуло перед его глазами, потом настал мимолетный головокружительный сумрак – и он очутился в комнате с высоким сводчатым потолком. За высоким и широким окном справа красовались уже знакомые кружева решеток террас Чехурского замка.

Благообразный старец громадного роста полулежал в роскошном кресле, установленном у окна. Седые кудри вились по резным деревянным завитушкам, обрамляющим роскошный рытый бархат черно-алого цвета, которым были обиты спинка и подлокотники кресла. Тело старца укрывало что-то вроде длинной рубахи, стелившейся по худому костистому телу свободно. Черный шелк рубахи-рясы сиял густым влажным блеском в дневном свете и рельефно обрисовывал игрой света и тени каждую складку одеяния. По шелку сплошь

струились вышитые причудливые золотые арабески, от ворота до подола.

Испуга при его внезапном появлении главный прапор не выказал. На суровом лице ничто не дрогнуло. Сергей, помнивший благообразного старца еще по первому посещению Нибелунгии, узнал его сразу.

Старик по-прежнему неподвижно лежал в кресле и рассматривал гостя, храня при этом абсолютное молчание. Кроме них двоих – прапора и герцога Де Лаб-ри, – в комнате больше никого не было.

– Добрый день, – первым нарушил тишину Сергей. – Надеюсь, вы не собираетесь звать на помощь или устраивать какие-нибудь магические штуки...

– Произносить заклятия, – звучно поправил его прапор. – Нет, не собираюсь. Вы не представляете собой угрозы ни по вашим качествам воина, ни, уж простите, по вашим магическим качествам – ни для меня, ни для кого другого из нашего ордена. – Против этого достаточно спорного утверждения Сергей протестовать не стал. – Можно спросить, как вы проникли через охранные заклятия главного замка ордена?

– Можно, – вежливым тоном сказал воспитанный мальчик Сереженька. – Я был там, где вы прикончили иглистого дракона ради его крови. Тамошний хозяин...

При этих словах лицо прапора дернулось и выразило неподдельное удивление. И так, о существовании в том мире Господина и его драконьего пастуха, мятежного духа пустынь, он не знал.

– ...был очень недоволен смертью одного из них. И дал мне нечто... достаточно мощное, чтобы прикончить вас всех сразу. – На самом деле он вовсе не был уверен, что Рука Воина может уничтожить всех палагойцев. Вдруг уничтожение палагойского сообщества для нее не является достаточно «великим свершением»? – Впрочем, я могу ограничиться тем, что просто восстановлю Проклятие замка Чехура... или Заклятие, не помню точно, как оно называется...

– Проклятие, – одними губами прошептал старец, повернув к Сереге мгновенно окостеневшее лицо. Хватило одного упоминания о Проклятии, чтобы разом лишить прапора всей его уверенности...

– Да, просто восстановлю Проклятие замка Чехура. Просто, быстро, приятно.

Прапор сипяще выдохнул через полураскрытые губы. Затем, опомнившись, снова принял безразличный вид:

– Юный сэр. Не кажется ли вам, что вы просто хвастаетесь?

– Нет, – чуть громче, чем говорил до этого, сказал Сергей. – Вы ведь, наверное, уже в курсе, что все ваши амулеты Дригар в одночасье потеряли свою силу? И ведьмы уже расправляются с покусившимися на лордов простолюдинами?

Лицо Прапора вновь окостенело.

– Вижу, что вы уже полностью осведомлены, – благожелательно промурлыкал Сергей, – а раз так, то понимаете, что я навряд ли шучу или блефую. Меня уже уговаривают зашвырнуть вас обратно, к прелестям вневременного Проклятия, где вами опять займутся куклосы из неизвестного мне мира....

– Надеюсь, вы не ожидаете, что я вам поверю и начну умолять не делать этого? – с некоторым презрением (но все же напряженным тоном) спросил прапор.

Сергей вздохнул:

– Вы знаете, у нас с вами разговор складывается совсем как у двух персонажей из рыцарского романа. Причем очень ограниченных персонажей – что по мыслям, что по

воображению. Я же как-то проник сюда – это для вас не убедительно? Вы тут про какие-то охранные заклинания упоминали – уж простите покорно, но я сюда попал по собственному желанию в мгновение ока и всякие там ваши магические замки-запоры совершенно не заметил. Или вы хотите сказать, что мое явление в вашем замке вам только снится?

Благообразный старец поиграл брежневской густоты бровями, пробормотал:

– Я вам не верю. Предъявите то «нечто мощное», что вам якобы дали.

Сергей опять протяжно вздохнул:

– Вы не понимаете, прапор. Знаете, что самое печальное? Эта вещь не способна проводить дегустацию своих возможностей по мелочам. Она, как мне сказали, исключительно для великих свершений. А тушить солнце только ради того, чтобы вас убедить, – согласитесь, это как-то чересчур.

– Я вам не верю, – не слишком убежденно повторил старец.

– Тогда давайте решим все в реалиях, которые вам ближе, прапор.

Он поискал взглядом, где бы сесть, и примостился на краешке стола, нахально закинув одну ногу в кожаном сапоге с частично зашнурованным раструбом на подлокотник ближайшего кресла. Кресло стояло как раз напротив того, в котором сидел старец. Благообразную харю прапора от этого аж повело.

– Предлагаю турнир. Вот только сражаться будем не мечами.

– Сопляк! – рыкнул старец. – Сам не понимаешь, о чем болтаешь!!

Сергей завздыхал снова, всем своим видом показывая: дескать, месье, как я сожалею, что вы не манж па сие жур в таких простых вопросах.

– Вы на меня будете нападать всей своей силой, а я, бедный, постараюсь сохранить во время этого непринужденную позу и ровное дыхание... Соглашайтесь, прапор, я вас умоляю! Моя целостность против заклинаний всего вашего ордена – это ли не мечта идиота?

– Идиота зрю перед собой! – обиделся старец.

– Точно! – с готовностью, которая могла показаться даже подобострастной, воскликнул Сергей. – Итак, я стою, а ты нападаешь. Вместе со всеми своими рыцарями. А потом, когда ты...

– Милорд я и сэр! – вторично и очень громогласно обиделся старец. – На «ты» со мною?!

– Прошу прощения, прапор. – Сергей поднял обе руки в знак того, что осознал ошибку. – И как сказано у одного хорошего писателя – башуста, артык-ага, трусь лбом покорности о порог милосердия вашего... А потом, когда вы устанете метать в мою сторону грома и молнии, мы поговорим о том, следует ли мне просто восстановить Проклятие замка Чехура над всеми вами или же мы пойдем совсем по другому пути...

Старец метнул взгляд, который когда-то, в его молодости, наверняка был огненным. Сейчас от прошлого горенья остались одни головешки.

– Ну что ж... Я сотру тебя в порошок...

Из-под тонких губ прапора слова выдавливались со змеиным шипением. И если бы Сергей по-прежнему был милым домашним мальчиком, такое вполне могло бы его напугать, если бы он слышал такое когда-то, месяца этак три назад...

– Простите, милорд, но я тоже милорд и сэр, – услужливо напомнил старцу Серега, – так почему же вы мне тыкаете? – Именно прапор ордена когда-то посвятил его в рыцари, и звание «сэр», дарованное им самим, благообразному старцу никак не следовало забывать.

То был дар за то, что он освободил здешних обитателей от Проклятия замка Чехура,

которое, вполне возможно, придется восстановить вновь. Хотя и не хотелось творить такую жестокость – не Пол Пот же он в конце концов, чтобы пытки непокорных в тенетах вневременья и внеземелья радовали ему душу...

– Сэр. Так когда, сэр?! – буркнул прапор.

– Да хоть прямо сейчас, – оживленным до неприличия тоном сообщил слегка пораженному старцу Сергей и встал, по пути едва не опрокинув кресло, на которое опиралась его небрежно отставленная в сторону и крайне дерзновенная стопа. – Чего тянуть-то?

Ох и взглядец был в этот момент у предоброго старинушки... Но относился ли он к обиде за собственные роскошные мебели или к Серегиному вызывающему поведению – вот это так и осталось для сэра Сериоги тайной.

«Таким, наверно, Мефистофель на душу Фауста смотрел...» – несколько нахально попытался срифмовать про себя герцог Де Лабри, особенной тяги к поэзии никогда не питавший. Потом он вздохнул и вслух сказал:

– Куда идти-то? И как долго ждать вашего общего сбора? – и, не удержавшись, съехидничал: – Вам непременно надо собраться – всемером одного забивать сподручнее.

– Выйдем на поляну, – недружелюбно ответил прапор. – Аждать тебе... то есть вам долго не придется, преотвратный сэр, рыцари мои соберутся по одному моему желанию...

Поляна, располагавшаяся возле уже знакомой Сергею громады замка Чехура, оказалась вытянутым в длину полем внушительных размеров. По общему виду поляна больше подходила для ристалищ и прочих рыцарских выгулов, чем для трогательных дамских прогулок на предмет плетения веночков, а потому и название «поляна» как-то не вязалось с этим местом. Да и трава тут была старательно вытоптана множеством рыцарских сапог...

– Чего стоим, чего ждем? – почти радостно осведомился Сергей, выбирая себе позицию поудобнее посреди лазорево-зеленой травы.

Прапор, яростно глянув на него, развернулся и принялся отсчитывать шаги по травке.

Сергей с некоторой беспечностью глядел на него. Теплота мягкой кожи на правой руке казалась весомой и ощутимой, она грела и странным образом наделяла уверенностью в себе...

И пока он так благодушно глазел на шаги старца, даже простодушно раззявив при этом рот – в полном соответствии со своим имиджем простофили, – подлый прапор вдруг мгновенно развернулся на полушаге и со зверской до ужаса рожей замахнулся рукой в его сторону. Сергей, не успевший ничего осознать, скорее инстинктивно, чем по велению разума, переступил с ноги на ногу. И опять-таки скорее инстинктивно, чем осознанно, его тело сместилось при этом сантиметров на двадцать вправо.

Мимо груди что-то стремительно шурхнуло, невидимое, но пролетевшее с дикой скоростью и пахнувшее на Сергея мощной веерной струей жаркого злого воздуха. В противовес этому мурашки, которые брызнули у него по спине, оказались до ужаса ледяными.

Громовой раскат от пролетевшего рядом с телом невидимого «чего-то» с запозданием ударил в уши. Фигура прапора, находившаяся прямо перед ним шагах в тридцати, вдруг моргнула и исчезла. Слиял? Или же могучий старец-маг готовит новое нападение?

Следовало принимать какие-то меры. И очень срочно. Он крутанулся на пятках, опасливо заози-равшись, в промежутках между взглядами тревожно сообщив в сторону перчатки и мысленно, и вслух:

– Э-э... Эй! Ты должна меня спасти. Не знаю уж, как к тебе обращаться... В общем, так, на меня сейчас будут нападать маги-рыцари, и очень тебя прошу: защити меня!

Странная щекочущая дрожь пробежала по коже кисти, на которой покоилась перчатка. Было полное ощущение того, что перчатка брезгливо скукожилась. А что, если спасение владельца не является для волшебного причиндала поистине «великим деянием»?

Блямп! Ракурс симпатичного окологлесного пейза-жика, в центре которого он стоял – с поляной, заросшей очень даже милой сине-зеленой травкой, окруженной по периметру купами округлых, точно барашки, деревьев того же самого оттенка, с розовато-сиреневым небом над ними, – вдруг мигнул перед его глазами и повернулся совершенно другим боком.

Он очутился в другой точке на поляне. Теперь деревья были несравненно ближе, а замок, бывший до этого по правую руку от него, глядел прямо в лицо. Промежуток между местопребыванием «там» и «тут» занял ничтожно мало времени – вряд ли он успел даже моргнуть.

Только одолевала легкая тошнота и головная боль.

На месте, где он (предположительно) только что стоял, лазорево-зеленая травка вдруг вспучилась и с натугой, проходя через стадию горбатого пузыря, разродилась земляной раной, с фонтаном земляных брызг, корней, ошметков травы и дерна. Серега неверяще уставился на красновато-черный разрыв, появившийся на том самом месте, где он только что стоял. А если бы он не сместился?

«Тогда, – мысленно ответил он сам себе, – можно было бы с полным основанием считать, что ты и не родился. По крайней мере, в одном сомневаться не приходится – просто запачканной одежкой дело бы не обошлось».

И посреди всех этих увлекательностей и паранор-мальностей был только один светлый момент: перчатка все-таки его защищала!

Прямо перед ним на расстоянии двух метров возник потерявшийся было прапор – с вытянутыми перед собой обеими руками, радостно улыбающийся.

Перемещение... И снова он очутился на другом мерте. Старец был виден теперь со спины, а замок . Чехура очутился сзади Сергея. Из вытянутых рук старца тянулась и лилась длинная красно-фиолетовая молния толщиной с его руку. Там, где струя молнии – с потрескиванием и искрами – упиралась в купы деревьев, сине-зеленая листва стремительно облетала, оставляя от густых древесных крон сожженные черные скелеты ветвящихся стволов. Потянуло горелым и кислым...

Снова перемещение. Туда, где он только что был, с тыла стремительно надвигался рыцарь на мощном черном коне, выставив перед собой копьё, – в полном вооружении, в латах, в шлеме с черно-золотыми узорами и двумя угловатыми нашлепками по бокам шлема, напоминающими расплющенные до состояния узорчатой лапши рога. С копьё рыцаря исходило мрачное черное свечение, клубком собирающееся в полуметре от копьё.

Опять перемещение. Трое рыцарей на поляне – один конный, два пеших. Значит, так ведутся магические дуэли? Все появляются на месте поединка когда хотят и делают что хотят...

Недалеко от него, там, куда он переместился, трава вдруг перестала волноваться под дуновением ветерка и быстро застыла светло-серой резной окаменелостью. Сергей успел увидеть, как брызнуло каменной волной по живым еще стеблям и листьям, утолщая и преобразуя их в подобия бажовского каменного цветка...

Очень интересно. Но ему было не до удивления. И уж тем более не до любопытства.

Потому что все эти чудеса были смертью, которая только чуть-чуть до него не дотянулась...

Перемещение. Строй из рыцарей там, прапор спереди и немного слева. Делают неизвестно что, но глядят при этом туда, где его уже нет.

Облегчение. Тошнота накатывает волнами, там, где он был, творится невесть что, виски разрываются от боли.

Еще одно перемещение. Неподалеку на поляне материализовалось непонятного вида чудовище, снабженное всеми классическими признаками класса чудовищ – громадная пасть с торчащими вперед длинными желтыми клыками, когтистые лапы числом непонятно сколько, потому что оживший кошмар из детских сказок все время деятельно махал конечностями...

Перемещение. Перемещение.

Алые пятна в глазах и желтые пятна в небе – то ли галлюцинации, то ли очередное колдовство магов-рыцарей. Боль разрывает голову. По всей поляне странные вихри и черные молнии.

Перемещение. Какое по счету? На поляне было черно от рыцарей, сложенными строями несущихся направо и налево, – перекрестные атаки, впереди которых клубилась непонятная пыль, мутно-зеленая по цвету.

Пока что ему удавалось смотреть на все эти чудеса со стороны. Но когда-нибудь Рука Воина не успеет вывести его из-под очередного удара, и тогда...

Перемещения прекратились. Словно ответив на его мысли, из-под ног вдруг брызнуло слюдяными разводами и образовалось вокруг него подобие округлых стен из воды. На самой кромке слюдянистых стенок, грозно и мощно растущих вверх, искристо и алчуще блестели фиолетовые, черные и алые сполохи. Но нарастающий пузырь с легкостью отразил их и слился наверху в единое целое.

Теперь Сергея окружало хрустальная сфера, искажающая пространство. По поверхности ее били темных тяжелых цветов молнии и сполохи, глядеть на все это изнутри было жутко...

Но пузырь, возвышавшийся сейчас вокруг него, внушал чувство полной защищенности. Молнии расплющивались о водянистые стенки, преобразуясь в сверкающие сполохи. Снаружи клубился туман, своды прозрачного пузыря то и дело подергивались каменной коркой, которая тут же осыпалась, открывая все те же искривленные прозрачные стены...

Он осел на давно уже ослабевших ногах, уронил голову на грудь. И потерял сознание...

Сергей очнулся, когда местное солнышко уже начало подбираться к точке своего полуденного стояния. Пузырь по-прежнему незыблемо смыкал над ним свои своды. А снаружи, упираясь в его стенки лбами в шлемах, плотной черной стеной с золотыми проблесками пузырь облепили рыцари ордена. Разрядов и сполохов уже не было видно – выдохлись? Поняли, что все бесполезно?

Он вяло перекатился на корточки, обессиленно привалился плечом к хрустальной поверхности – видимо, перемещения отнюдь не способствовали хорошему самочувствию – и потюкал по стеклу согнутым пальцем. Пропускает ли эта стенка звук? А то для него самое время переговорить с выдохшимися сэрами рыцарями.

– Эй! Меня слышит кто-нибудь или нет? Стенка пузыря тут же чуть заметно завибрировала, словно отвечая на его голос, – он ощутил эту дрожь подошвами в мягких кожаных сапогах. А ведь до этого пузырь стоял совершенно непоколебимо, даже под ударами самых страшных молний не дергаясь.

Он услышал ответное изумленное восклицание одного из палагойцев:

– Ого! Братья, он говорит!

«А я еще и к прямохождению способен, – устало подумал про себя Сергей. – И вообще по всем признакам человек...»

Ропот, который он теперь слышал, отчетливой волной прокатился по толпе палагойцев. Рыцари вдруг принялись торопливо расступаться. И по образовавшемуся широкому проходу к пузырю прошагал сам старик-прапор. Роба у него на этот раз была благообразно-постная. А на ней – скорбно поджатые губы.

– Ну, поиграем еще в мечи и орала? – негромким голосом предложил Сергей. – Или уже наигрались?

– Снимите вашу защиту, – напряженно попросил прапор, – и побеседуем. Слово рыцаря, что на время переговоров вы будете в безопасности. Чего именно вы от нас хотите, уважаемый сэр?

Ого, уже уважаемый, с некоторым воодушевлением отметил про себя Сергей. Солидное достижение для человека, который из грязи – да в князи. Вот только жаль, что внезапно появившееся в тоне прапора уважение заработано не столько им самим, сколько грозным амулетом на его руке.

Рука в перчатке, кстати, отчаянно чесалась и зудела.

– Уважаемая пер... Рука Воина, – поправился он. – Пожалуйста, убери пузырь, но не снимай с меня своей защиты. И... – Сергей помедлил, глядя на начавшие опадать вниз водянисто-прозрачные стенки. – И я благодарю тебя за то, что ты все-таки спасла мою туповатую голову.

Которую он умудрился сунуть в пасть целого ордена. При этом, надо признаться честно, он плохо представлял себе, как на него будут нападать. И как при этом поведет себя подаренный амулет: захочет ли он защитить своего нового хозяина от нападений, сможет ли защитить?

Так что некоторая благодарность отнюдь не повредит – и даже, знаете ли, приличествует лицу, спасшемуся в такой передрыге... После чуда святого Мил-гота Сергей был твердо уверен в том, что магические предметы в этом мире обладали как минимум зачатками разума.

Стенки упали. Прапор бросил приглушенным голосом несколько слов стоявшим вокруг людям. Черно-золотые рыцари тут же начали расступаться, высвобождая широкое пространство вокруг прапора и Сергея.

Полянка, на которой они стояли, уже потеряла свой прежний идиллический вид – вместо деревьев с округло-кокетливыми кронами вокруг теперь возвышались одни обгорелые стволы и каменные скульптуры с полуобвалившимися ветвями, траву заменил ковер из комьев земли и вывороченного наружу дерна...

– Чего вы хотите от нас, милорд... и сэр? – прохрипел высокий седовласый старец, стоящий сейчас напротив него. – Мы выполним любую вашу волю, ибо поединок нами честно проигран... Мы не смогли одолеть вашей силы.

Сергей помедлил, ощущая, как его переполняет сожаление – слишком благородны были эти люди, несмотря на все свои черные дела. Просто их с детства научили разделять мир на гоев и изгоев, но это не было их виной, это было их воспитанием...

– Я предлагаю вам изгнание, – хмуро сказал он, – вместо Проклятия. Уверен, вы, как люди практичные, уже давно в странствиях по мирам присмотрели себе какую-нибудь

достаточно уютную землю – без врагов и без сомнительных друзей, с хорошими угодами и дичью... И безлюдную. Набирайте себе на добровольных началах девиц из ближайших деревень – и вперед, отправляйтесь создавать новый мир, новый народ– свой собственный...

Прапор угрюмо смотрел в землю.

– И разумеется, мне потребуется клятва вашего ордена, что отныне вы не будете угрожать жизни и спокойствию в Нибелунгии.

– Новый народ... – тяжело протянул старик. – Это века. Сколько всего будет утеряно, забыто.

– Ваша просвещенность этому миру пришла не по вкусу, – устало сказал герцог Де Лабри. – Или вы все-таки выберете Проклятие?

– Нет, милорд...

– Ну вот и чудненько.

Его отвели в одну из комнат палагойского замка, куда тут же явился юноша – почти мальчик – и предложил герцогу подкрепить силы едой. Голос у парня был сердитым, и говорил он практически не разжимая губ. Сергей кивнул, мальчик (впрочем, он был всего года на два моложе самого Сергея) тут же принес в комнату внушительной величины поднос, поставил его на стол возле окна, затем брякнул туда же чашу с водой для умывания и вышел, не забывая по-воински печатать шаг. Лицо у мальчика – то ли пажа, то ли оруженосца – было надутым, как у оскорбленного в лучших чувствах хомячка.

Сергей что-то взял с подноса, вяло пожевал, совершенно не различая при этом вкуса, и повалился спать, по-прежнему не снимая с руки перчатки. Рука чесалась и зудела, но усталость была слишком велика, чтобы он мог из-за этого начать мучиться бессонницей. Снимать же перчатку Сергею вовсе не хотелось – вокруг были отнюдь не друзья, и замок назывался не Дебро, а Чехура.

Своего же приказа-просьбы о защите он пока что не отменял, так что перчатка сейчас оставалась единственным (и достаточно надежным) гарантом того, что его сон не перейдет в вечный в результате, скажем, какой-нибудь крайне несчастливой для него и крайне счастливой для палагойцев случайности...

Он проспал остаток дня и ночь. Проснулся только на рассвете следующего дня и обнаружил перед собой прапора, хмурого, с потемневшим лицом. Прапор немилосердно тряс его за плечо:

– Мы уходим, милорд.

– Жа... – Он чуть было не сказал «жаль», но вовремя осекся. – Я сопровожу вас.

Сергей сел на кровати. Потолок комнаты золотили лучи поднимающегося солнца, а за окном все было в легкой синеватой дымке, которая бывает только ранним утром. Он встал, с хрустом размял затекшее тело, дохромал до стола, плеснул себе в лицо водой из вчерашней чаши. Потом вдруг кое-что припомнил и резко развернулся к палагойцу, ожидавшему за спиной.

– Вы когда будили меня, ничего не почувствовали? Прапор с натугой приподнял густые, нависающие над глазами брови:

– Нет. А что?

– Да вот, понимаете ли... Я, когда лег, попросил защиты.

– А... – Старик махнул рукой. – Я не знаю, что у вас есть, милорд, но предполагаю, что это та самая перчатка, которую вы даже на ночь не сняли. Так? Нечто очень мощное... Вариантов множество, милорд, но я предложу вам один, наиболее вероятный, с точки зрения

очень старого мага. Ваша могущественная защитница, когда я приблизился к вам, просто не нашла меня опасным. Потому что нет во мне зла к вам лично, милорд. Мы хотели как лучше, но... но люди всегда несправедливы к тем, кто желает им лучшего, особенно если от них требуются незначительные жертвы. Думаю, вы уже знаете, каковы были наши цели.

– Предполагаю, – осторожно сказал Сергей, морщась и почесывая руку под раструбом перчатки. – Господство над империей, всем вместе ровным строем к процветанию мира под направляющей рукой палагойцев... А ведьм и лордов прочь, как чуждое для палагойского счастья семя.

– Да, милорд. Ну и что? Счастье, как и дитя человеческое, рождается только из крови и грязи. – Прапор устало прохромал до стола, отломил дрожащими пальцами кусок горбушки, не тронутой герцогом вчера. – Простите, милорд, но я очень голоден – из-за сборов не было времени перекусить, не ел со вчерашнего дня...

Старик медленно прожевал хлеб, с видимым удовольствием проглотил и продолжил чуточку более уверенным тоном:

– Что делали эти лорды и ведьмы для людей? А ничего. Лорды дерутся друг с другом и занимаются поборами, ведьмы занимаются колдовством, попутно не забывая держать в страхе людей из своих деревень... А мы... мы принесли бы мир и процветание, уменьшили налоги, начали бы учить смердов ремеслам и магическим наукам. Много можно было бы изменить в нашем мире. Простите, милорд, теперь уже только в вашем – увы, мы покидаем этот мир. Следовало только захотеть и начать что-то здесь делать... Лорды ни на что не способны – обленились, зажирели... Ведьмы играют в магию, им не до преобразований в вашем мире. Клянусь, мы хотели лучшей доли для всех. И что в этом желании такого плохого?

– Ничего, – согласился Сергей. – Лично мне вы даже нравитесь, но... Знаете, как сказал один рыцарь по имени Д'Артаньян? Так уж получилось, милорд, что все мои друзья находятся по эту сторону. А враги моих друзей есть и мои враги тоже... И они – по вашу сторону. Вот и все. Хотя и не следовало так издеваться над ведьмами. Да и й-хондрики... гм...

Прапор пренебрежительно пожал плечами – дескать, все это простонародье, что за плебеев заступаться? Потом холодно сказал:

– Время, милорд. Мои рыцари покидают этот мир...

Прапор тяжело кивнул и направился к двери, не оглядываясь.

На небольшой прогалине перед парадными воротами замка сияла рамка из змеящегося белого свечения. И в ней, как в окне, был виден громадный простор другого мира. Теплое серое небо, побережье пронзительно-синего цвета, окаймленное серпом светло-желтого песка. Ни строений, ни живых существ в рамке видно не было.

По прогалине медленно ехали рыцари на конях – по трое в ряд. И въезжали в провал чужого мира. Позади конного строя ждали своей очереди повозки с тюками. И повозки с женщинами, явно набранными из ближайших деревень. Среди них взгляд Сергея зацепил четырех дам, одетых в шелка. Те сидели наособицу, на отдельном возке, возле которого ошивались двое-трое мальчишек в хороших одеждах, по виду пажи.

– Надеюсь, все следуют с вами по доброму согласию? – поинтересовался Сергей, поведя глазами в сторону девиц и дам.

Прапор проследил за его взглядом и с долей горделивого пренебрежения хмыкнул:

– Милорд, палагойцы достаточно мужчины, чтобы нравиться девицам и дамам без

всякого принуждения.

– Ну-ну, – сказал Сергей, просто не зная, что говорить дальше. – А как же эти пажи? Почему-то мне кажется, что они маловаты для путешествий в другой мир.

Прапор смотрел в рамку, и взгляд его странно изменялся. «Он уже не тут, – понял Сергей. – Он уже там».

– Милорд, дамы заявили, что из своих слуг взяли только тех, кому в этом мире не нашлось места. Это сироты из обедневших благородных родов. Им некуда идти. Не волнуйтесь, там мы о них позаботимся.

– Э-э... ну хорошо.

Мальчишки не выглядели голодными или забитыми. Дамы в шелках и в том мире не будут последними, и там мальчишкам тоже будет житься неплохо. Во всяком случае, лучше, чем здесь...

Колонна конных рыцарей уже вся, до последнего всадника, скрылась в провале другого мира. К змеящейся рамке подкатил обоз и начал медленно переправляться на ту сторону под присмотром нескольких держащихся рядом всадников. Тягловые быки, тянущиеся за телегами коровы, кобылы и бараны переступали искрящуюся жгутовидную рамку совершенно спокойно, с полным доверием к ведущим их людям.

Прапор посмотрел на Серегу – во взгляде читалось странное упоение.

– Я ухожу, милорд. Жаль, что вживую мы уже больше не встретимся.

– А вмертвую? – попытался сострить Сергей.

– Мы встретимся по-другому, – опять-таки странным голосом сказал благообразный старец.

В голосе слышалось что-то сильно похожее на обещание.

– Кстати, о клятве, милорд, – слегка сдавленным тоном произнес Сергей. Где-то посреди груди колотился молоточек непонятного предчувствия.

– Да, конечно, – безразлично сказал прапор. И с деланной церемонностью опустил на одно колено.

Заговорил он неторопливо, явно взвешивая каждое слово:

– Клянусь, что ни я, ни кто другой из рыцарей ордена Палагойцев уже не вернется в этот мир. И не дерзнет посягнуть ни на жизни этого мира, ни на безопасность его, ни на свободу... – Тут палагоец чуть повернул голову в сторону Сереги и лукаво прошептал: – Хотя какая она тут свобода? Свобода быть бездельником... – А затем уже прежним отстраненным тоном продолжил: – И в том я, главный прапор ордена Палагойцев, приношу страшную клятву за себя и за всех своих рыцарей. Клянусь мечом и магическим кубком, верхом и низом, пятью стихиями и Единым Богом...

Прапор быстро поднялся с колен – очевидно, ритуал на этом был завершен. Сказал опять-таки странным голосом:

– Малолетнего императора мы уже переправили в твой замок, милорд. Теперь растить его будешь ты, юный герцог. Это долг, который мы на тебя накладываем. Ну, счастья тебе, дитя человеческое...

Проем затянулся за исчезнувшими палагойцами. Все было кончено. Сергей оглянулся на молчаливый и опустевший замок Чехура...

Был ли он прав? Правильно ли поступил...

Он брел по опушке леса. В голове почему-то вертелись строчки из песни незабвенного Высоцкого:

Почему все не так?
Вроде – все как всегда:
То же небо – опять голубое...

И потом:

Для меня словно ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

На душе было так муторно и так погано, будто он вовсе не одержал победу. Или же одержал, но подлым образом и самым что ни на есть неподобающим путем...

– Потерянный герцог! Герцог!

Крик прилетел сверху, и он не сразу обратил на него внимание. Только отгребя сапогами шагов двадцать по путающейся в ногах траве, он соизволил поднять ясны оченьки вверх.

В небесах, просвечивая теперь уже сиренево-розовым небом в контуре шестирукой (или все-таки шестиногой?) фигуры, парил мятежный дух пустынь, унесенных отсюда на такое расстояние, что Серега даже и не мог себе представить. Собственно, он даже и не пытался, поскольку мир иглистых Эрнестин находился в неизвестно каких нетях...

– Как я понимаю, за своим имуществом? – ехидно сказал Сергей. – Мавр сделал свое дело – мавр может быть свободен от дальнейшего служения. Кстати, я, как и положено верному мавру, уже позаботился о том, чтобы на Эрнестин твоих больше никто не покушался. Некому и незачем навешивать теперь за их кровью в твой мир. Вся информация об амулете Дригар уничтожена одним из моих крайне мудрых решений.

– Но ведь и тебе больше никто не угрожает! – немного деланно удивился мятежный дух пустынь в высоте. И этак величественно взмахнул распростертыми шестью конечностями.

Серега потемнел лицом:

– Да. Но почему у меня такое чувство...

– Ты не можешь обвинить меня в том, что я тебе солгал.

– Нет, – покорно согласился Сергей. – И все-таки. Знаешь, о чем я думаю? Я уже никогда не узнаю, что могло бы случиться, останься они здесь.

– Или ты, или они! – как-то очень по-земному пропел дух в вышине.

– И что самое ужасное – я никогда уже не узнаю, каким стал бы я сам, останься они здесь.

– Не рефлексируй всуе, сын мой, – строго про-возглайш бес пустынь. – Все предопределено. Все – предопределено!

– Да пошел ты! – от души пожелал Сергей.

Он выдрал из кармана свернутую в небрежный комок перчатку, аккуратно расправил ее

и положил на травку у ног.

– Возвращаю. Но только запомни, бес: твоя перчатка не принесла мне ни счастья, ни веры, ни любви. И уж тем более – чести в поединке. Хотя все, что сделано, было сделано мной. Только мной одним:..

Он побрел дальше, чувствуя себя по-прежнему муторно.

– Стой! – громогласно прокричал бес сзади. – Ты не знаешь еще кое-чего! Все, что сделано, – предопределено! И ничего не бывает напрасно!

– Я это уже слышал.

– Ты хоть узнал тот мир, куда они отправились? – раздался вкрадчивый голос беса пустынь за его плечом.

Сергей обернулся. И едва удержался от желания ткнуть кулаком в полупрозрачную фигуру, успевшую подлететь к нему на расстояние вытянутой руки.

– Это была твоя Земля! – единым духом выпалил вдруг бес пустынь. – Твоя Земля на начале времен!

И тут Сергей ударил в центр фигуры. Кулак ожгло болью.

– Ну и напрасно, – гулким голосом прокомментировал призрак. – Ну, прощай, дитя человеческое...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Та, к которой уже нечего добавить

На закате следующего дня, переночевав в лесу, сэра Сериога добрел до замка. Волнения, похоже, кончи-лися без особых эксцессов – совсем как небольшое недомогание у малолетнего ребенка. На городских башнях торчали бдительные стражники, в растворе настезь открытых ворот торчали копыя с вымпелами сине-черных цветов и красовались кольчуги с его гербами.

– С возвращением, милорд!

Он кивнул, выдавил:

– Как в городе?

– Теперь все нормально, милорд герцог! – рявкнул тот из стражников, что был одет в плащ побогаче. – Бунтовщики вдруг расхотели бунтовать. И сами прислали парламентаров!

– Молодцы, – устало пробормотал Сергей. – Не поймаете ли мне какую-нибудь телегу?

Остальные трое выпятили грудь и пристукнули древками копий о землю.

Ворота замка тоже были нараспашку, и по двору гуляли рыцари, картинно-небрежно бросив руки на рукояти мечей. Его заметили издали, и по двору уже бежала Клотильда, радостно раскинув руки в стороны. Сергей бережно сгрузил себя с телеги зеленщика, которую остановили для него стражники у ворот. Возница, плотный толстяк в зеленом фартуке – знак гильдии торговцев едой, – бросился было ему помогать, но он остановил его движением руки. И сделал несколько неверных шагов в сторону несущейся Клоти.

Когда до Клоти оставался всего один шаг, рухнул перед ней на колени.

Клоти посмотрела на него ошарашенными глазами.

– Клоти... – промямлил он. – Клоти, ты выйдешь за меня замуж?

Клоти пошла пятнами и начала глотать ртом воздух. Он опустил голову и убито сказал:

– Потому что если ты не выйдешь замуж за меня, то мне незачем жить. Во всяком случае, здесь.

– Но, Сериога, – выдавила красная как рак Клотильда. – Ты не можешь... у меня же нет приданого!

Сергей задрал голову и умоляюще посмотрел на нее. Рыцари и прислуга понемногу образовывали толпу в отдалении. И все почему-то хихикали и бросали на них двоих странные взгляды, хотя дело, по мнению самого Сергея, было очень даже серьезным.

Если леди Клотильда не даст согласия, им придется обойтись без своего герцога.

– Какой из моих замков ты хочешь получить в качестве приданого? – умоляюще проговорил он, склонив набок голову. – Выбирай любой. Хочешь, я все тебе их подарю, Клоти?

– Ты сошел с ума, сэра Сериога! – злобно прошипела Клотильда. – Вставай! Ты не менестрель, и нечего устраивать здесь представление!

– Не встану, – грустно сказал Сергей, – и буду стоять, пока ты не согласишься.

Леди Клотильда злобно оскалилась и занесла над ним свою внушительную руку. Серега опасливо прищурился на кулак и торопливо сказал:

– Баронесса не может бить герцога. Клоти, не подавай опасный пример моим подчиненным!

– Хорошо!! – проорала она и пнула воздух рядом с его ногой. – Я стану твоей женой!

– Вот и чудесно! – радостно пропел он и торопливо поднялся с колена.

Он чувствовал себя сильным как никогда. Силы прибывали буквально на глазах.

Клотильда злобно начала:

– Но ты еще пожалеешь...

О чем он пожалеет, он не успел расслышать, потому что поднырнул под ее кулаки и поцеловал разъяренную деву в губы.

Рыцари во дворе радостно засвистели и начали выкрикивать одобрителльные словечки и фразы, не все из которых были печатными.

– Мажордом! – прокричал Серега, оторвавшись от губ Клоти. – Долго ли нам готовиться к свадьбе?

Сухонький старичок уже приплясывал рядом, потирая морщинистые руки:

– Да хоть сейчас, милорд. А празднество для вассалов можно будет отложить на потом.

И заодно представить им новую герцогиню...

– Все!! – провозгласил он и потащил красную и смущенную леди Клотильду за руку к главному зданию. – У нас свадьба! Вина народу и трезвых дозорных на башни! Кто здесь у вас благословляет на совместную жизнь в горе и в радости?

– Замковый пречлен, – выдохнула сзади Клотильда, глядя на него мрачно, но при этом продолжая добровольно и довольно споро шагать к собственной свадьбе.

– Пречлена мне!!

В замке уже творилось форменное веселье.

ГЛАВА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Где ты, хеппи-энд?

И была свадьба!!

И подружки невесты явились в начищенных доспехах, и каждый длинный стальной башмак на ножках прелестных девиц ловил и испускал солнечные зайчики, потому что рыцарственные девы отполировали пластины на них до зеркального блеска. Везде, куда ни кинь взгляд, сияли гербы и доспехи. И лбы отважных рыцарей внушали уважение нетронутой гладкостью своих бычьих скатов.

«...И был сэр Сериога Лабричский. И взял он в жены леди Клотильду, чья несравненная добродетель была подтверждена и прославлена Честной простыней замка Дебро, вывешенной поутру с самой высокой башни замка. И пусть умолкнут хулители, утверждавшие, что поутру сэр и герцог Де Лабри ходил с перевязанной рукой! Выше любых охул честь преславной леди, владевшей мечом так, что при жизни ее хулители не смели развязать свои поганые языки. Прославлена в веках честь великолепной леди – раз уж при жизни ее молчали завистники, то пусть и после смерти помолчат! А сэр Сериога, воин великий, вырастил и воспитал в наставлениях неустанных Зигфрида-императора на руках своих. И сына своего побочного сэра Микошку тоже. А затем уже в годах зрелых открыл он вместе с леди Клотильдой Заморский континент, отправившись в рискованное плавание по Великому морю навстреч Солнцу. И устроил он там двенадцать графств, выстроив замки и победив Рыгу Зеркальную, и уничтожив кряж, посылавший на переселенцев Бехалусовые мороки, и поборов дикое количество зверья несказанного... А затем пришлось ему с леди Клотильдой породить на свет двенадцать графов, чтобы было кому управлять этими графствами. Только поэтому, а не потому, что, как говорят злопыхатели, любил он до самой старости с леди Клотильдой уединенно время проводить, и появились на свет двенадцать графов колен Сериогиных! И посему Заморский континент стал тогда называться Сериогиным, в честь строителя и прародителя графов этой земли! Впоследствии земля сия стала называться Серегундией. И велик и славен был сэр Сериога. По слухам, предложили ему воспринять корону Нибелунгии, отняв ее у отрока Зигфрида-императора. Но с негодованием отказался он! И диковинно, как говорят свидетели, ругался при этом – поминая какую-то мать и дивные места, в кои предлагал злоумышлявшим проследовать!

И на том вовсе не кончается перечень подвигов сэра Сериоги Лабричского, нет, он дале продолжен бысть...»

Выдержка из хроник начала царствования Зигфрида-императора

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вольное переложение знаменитых строк «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале»
– Здесь и далее причеч автора

Оптимист и пессимист. Эти два слова как-то раз произнес уже выкинутый из этого мира Серега Кановнин, ставший здесь сэром Сериогой и герцогом Де Лабри. Леди Клотильда самолично и с радостью реформировала эти слова в бранные ругательства

Одно из преданий Империи Нибелунгов. Это мир, где все равны и счастливы, в отличие от империи. Где души людей хрустально чисты, а природа на диво щедра. По преданию, в этот мир можно попасть, нырнув в чистейший родник, в котором не видно дна. Пробовали многие— чьи-то тела потом нашли, а чьи-то нет. И хотя это ровным счетом ничего не объясняет и не доказывает, но добавляет преданию притягательности...

Мандонада – обет эльфов, даваемый определенному человеку за какие-то заслуги. Дает право на титул и земли плюс право на защиту жизни и полученного от эльфов манора от чужих посягательств.

Тут Серега с некоторым щемящим сожалением, безусловно приличествующим самому настоящему герцогу, вспомнил о праве первой ночи, которым некогда мог обладать в своем герцогстве. И тут же устыдился: да что я? Зверь феодальный, что ли... (А подсознание подрагивает, ему гормоны милее целомудренного приличия и прочих добродетелей...)

Нар. укр. пос. (читай: народная украинская пословица) И сноска к сноске: халява – это одна штанина в нар укр шароварах

Титул повелителя Гладского озера, взимающего пошлину со всех, кто пересекает озеро, на дне которого хранятся сокровища всех Крымов Метакских за всю историю существования озера, что прославило их как богатейших правителей Нибелунгии

Гурер – вид моллюска размером с человека, способный к перемещению между пространствами разных миров. Переносит из мира в мир человека или грузы. Питается живой плотью

Замок императоров

Имратия – область Нибелунгии, где ткнут лучшие шелка для рыцарских облачений. Имратинские шелка обладают замечательными свойствами – в жару они холодят кожу, в холод согревают кровь. И самое драгоценное для рыцарей – имратинские шелка имеют тонкий аромат, который отпугивает вшей...

Знаки различия в купеческой гильдии. Купец третьей руки имеет одну лавку в городе, не считая мелких разносчиков, а также бродячих ходоков со своим товаром. Купец второй руки имеет две лавки. Купец первой соответственно от трех и выше

Кевлак – зверь наподобие маленького оленя, отличающийся дурным нравом. Рога у него четырнадцатилепестковые, острые отростки развернуты по кругу с равными промежутками наподобие редкой маргаритки. Розетка рогов направлена вверх и вперед. Охота на него сопряжена с большой опасностью

Балгонь – навроде большой коровы на длинных ногах. Рога в виде причудливых наростов

Квантра– струнный шипковый музыкальный инструмент, нечто среднее между гусями и гитарой